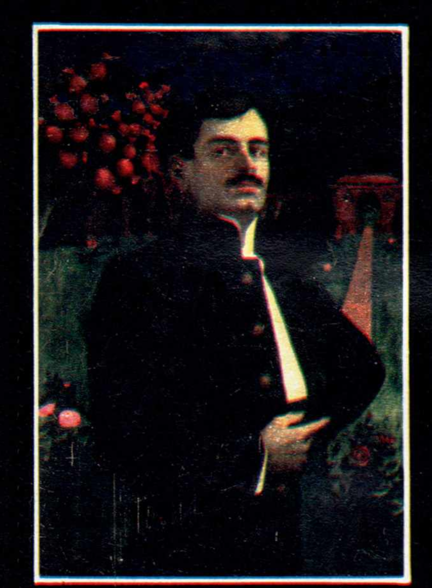
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 39 СЕНТЯБРЬ 1989



100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХУДОЖНИКА ДАВИДА КАКАБАДЗЕ

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ДЕЛО №

Начато „ " 19
Окончено „ " 19 г.

В томах
Том №

На листах
Срок хранения

ХРАНИТЬ ВЕЧНО. ОТКРЫВАЕМ НОВУЮ РУБРИКУ

НАЦИОНАЛИЗМ: ИДЕИ ДЛЯ СМЕРДЯКОВЫХ

МУНДИР АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 39 (3244)

23—30 СЕНТЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: ***Фотомонтаж Анатолия КУЦЕНКО. (См. в номере материал «Мундир административной системы».)***

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 04.09.89. Подписано к печати 20.09.89. А 10594. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 1152. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

На прошедшей неделе в Москве работал очередной Пленум Центрального Комитета КПСС. На рассмотрение Пленума внесены следующие вопросы:

1. О созыве очередного XXVIII съезда КПСС.

2. О национальной политике партии в современных условиях.

По первому вопросу Пленум заслушал выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и принял соответствующее постановление, которые публикуются в печати.

По второму вопросу «О национальной политике партии в современных условиях» Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. (Публикуется в печати.)

Участникам Пленума розданы материалы, обобщающие предложения и замечания, поступившие в ходе обсуждения проекта платформы КПСС от партийных комитетов, коммунистов, государственных и общественных организаций, ученых, по проблемам межнациональных отношений, обзор писем трудящихся по этим вопросам, а также ряд справочных материалов.

Фото М. ШТЕЙНБОКА и В. ШУСТОВА

О СОЗЫВЕ ОЧЕРЕДНОГО XXVIII СЪЕЗДА КПСС

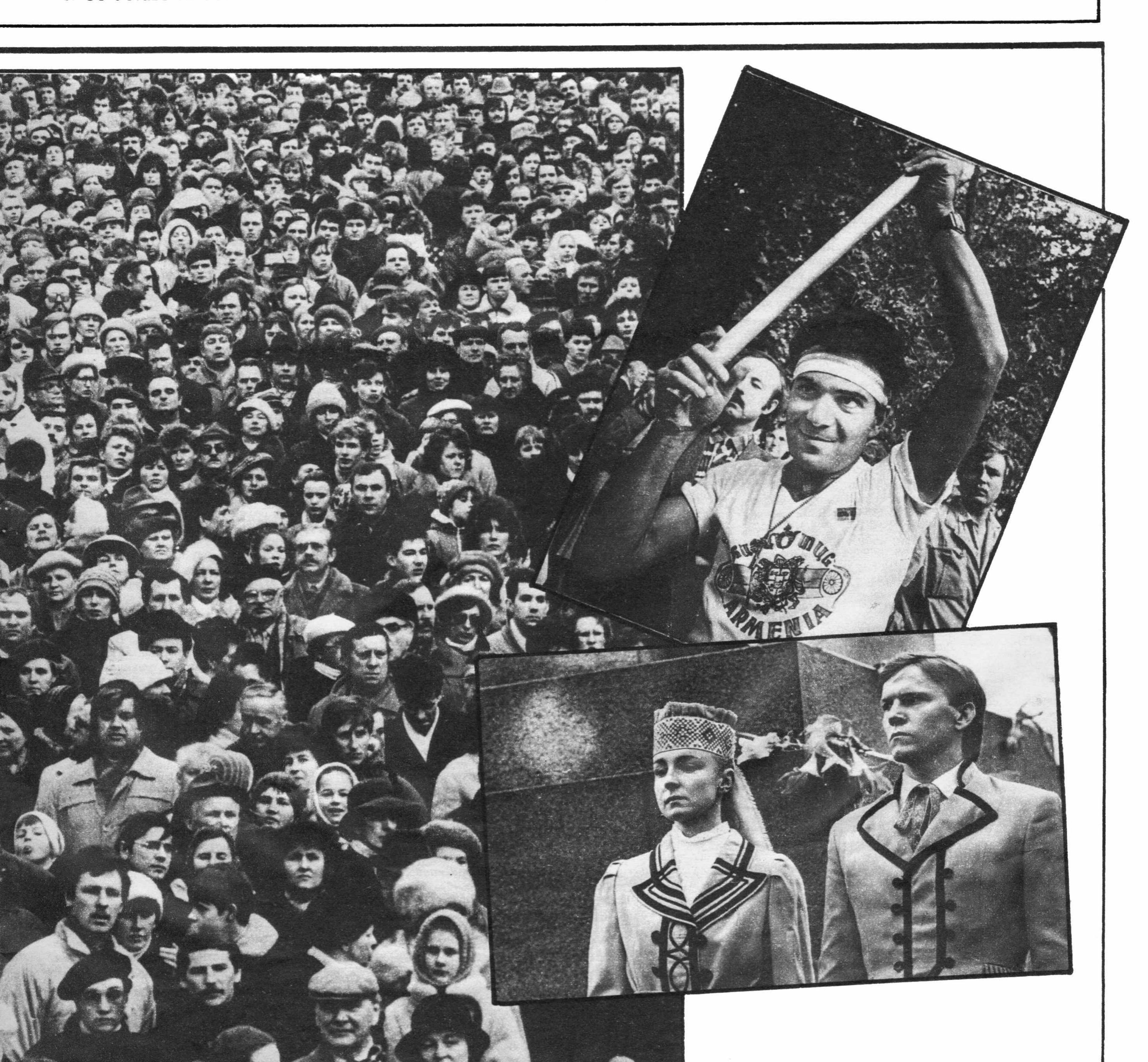
Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС от 19 сентября 1989 года

I. Созвать очередной XXVIII съезд КПСС в октябре 1990 года.

II. Утвердить следующую повестку дня:

1. О ходе перестройки и задачах партии. Отчет Центрального Комитета КПСС.
2. Отчет Центральной Ревизионной Комиссии КПСС.
3. Об Уставе КПСС.
4. Выборы центральных органов партии.

III. Поручить Политбюро ЦК КПСС подготовить предложения о сроках проведения предсъездовской отчетно-выборной кампании, норме представительства и порядке избрания делегатов съезда и внести их на рассмотрение Пленума ЦК.



ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: КАК ЕГО УСЛЫШАТЬ? ● ПО СЧЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ● ЗА ЧТО НАС НЕ ЛЮБЯТ? ●

■

Почему не хватает сахара? За последние два года этот вопрос стал риторическим. А задающий его как бы демонстрирует признаки дурного тона. Но наконец ответ найден. Он восхитительно прост! Оказывается, резко снизилось производство сахарной свеклы (за год на 12 процентов) и соответственно сахара. (См. «Правду» от 12.08.89 г.) И самогоноварение здесь ни при чем. Оно за последние годы и не увеличивалось даже (см. там же).

Как же добрались до истины? Тоже очень просто. Организовали два совещания на самом высоком уровне, с выездом... И сразу все встало на свои, так сказать, места. Более того, уже известно, как увеличить производство сахара. Нужно (цитирую) «рассмотреть... выяснить... использовать... поднять... помочь... и осознать...».

Кто-то скажет, что подобное уже слышали, и не только в связи с сахарной проблемой. Согласен: слышали. Да не все. Не называлась одна маленькая, но существенная деталь, без которой вместо сахара вновь появится мертворожденное дитя. Вот эта деталь: организация (читай — реанимация) социалистического соревнования, «лучшие формы» которого «надо возродить.., очистить его от формализма и казенщины»! Ибо (цитирую дальше) «для настоящих (?!) тружеников социалистическое соревнование, моральные стимулы, сила яркого примера, возвеличивание человека труда не утратили своего мобилизующего значения»... Теперь все. Вот сахарато будет!

В лучших традициях нашего времени стало прогнозировать будущее. И я попробую. Для начала предлагаю срочно организовать соцсоревнование между зубными врачами. Предвижу, в ближайшее время от изобилия сладкого у мно-о-огих настоящих тружеников зубы заболят!

Считаю также необходимым очередные высокие совещания провести на мыловаренных заводах. Полагаю, что не менее высоким организаторам этих совещаний (вновь цитирую) «будет полезно широко развернуть социалистическое соревнование» между собой. По-настоящему, по-стахановски!

В. РАЗЛИВЕНСКИХ
Саласпилс Латвийской ССР

■

Представьте себе такую картину. Сидят в одной лодке, скажем, человек десять. Сидят и спорят, в какую сторону плыть. Одни кричат: «На юго-восток!» Другие: «На северо-запад!» В лодке — гласность, рот никому не зажимают. И вот в зависимости от того, чей крик покажется громче, лодка плывет то в одну сторону, то в другую. В общем, полная неразбериха.

Вопрос: как выяснить общественное мнение тех, кто в лодке? Просто посчитать голоса, скажете. Относительно лодки — вопрос детский. А относительно страны?

Глас народный — это скольких же человек должны быть голоса? Взять хотя бы Указ о митингах и демонстрациях. Ведь он тоже — именем народа. Конечно же, были письма «за». Но кто посчитал, сколько было этих «за» и сколько «против»? Людям, чьим именем принят Указ, осталось только запоздало и бесполезно спорить о его целесообразности.

Обратимся к недавним куйбышевским событиям. Вспомним, как за народное мнение выдавались письма в областную партийную газету в защиту бывшего первого секретаря Куйбышевского обкома КПСС Е. Ф. Муравьева. Кто спорит: и такие мнения были. Но опять же: кто считал, сколько? Кто будет считать, сколько жителей Чапаевска согласятся с присутствием в их городе завода по уничтожению химического оружия? Сколько жителей Куйбышева — за возвращение ему названия Самары? Сколько рабочих какого-нибудь завода — за то, чтобы взять предприятие в аренду?

Если что-то делается от имени народа, давайте уж узнаем его мнение. Всякая апелляция к общественному мнению без его изучения есть обман. Гласность без опросов общественного мнения, без референдумов — это крик, перебранка, неуслышанные голоса.

Могут еще возразить: есть же депутаты, народные избранники, вот они и отражают общественное мнение. Но люди, внимательно следившие за ходом первого Съезда народных депутатов, конечно же, увидели, что это далеко не всегда так.

Тревожит вот что. На сессии Верховного Совета среди первоочередных законов, которые необходимо принять, Закон о референдумах назван не был. Более того, о нем ничего нет ни в выступлениях на сессии, ни в многочисленных интервью членов Верховного Совета и руководителей различных комитетов и комиссий.

Неужели и после второго Съезда мы останемся с гласностью без слышимости?

В. КАРАСЕВ,
журналист куйбышевской молодежной газеты «Волжский комсомолец»

■

Сейчас, по-моему, все больше людей осознает, что перестройке потребуются еще годы и годы, что облегчения ждать не приходится. И нашему народу, чтобы вывести страну из застоя и развала, с одной стороны, необходимо начать гораздо лучше работать, с другой — придется идти на немалые жертвы.

Партия, как известно, авангард народа. И чтобы ей сохранить эту роль, она должна показать пример в решении тех двух задач, о которых я написала выше. Прямо скажу, не знаю, как конкретно осуществить в нынешних условиях лозунг: партия должна работать лучше. Но второе проще: если народу приходится идти на жертвы — партия должна жертвовать вдвойне и втройне...

Поводом для этих размышлений послужил тот факт, что у нас в Судаке возводится «адмздание» для райкома и исполкома в «непыльном» месте — в 300 метрах от Черного моря. Место для стройки расчистили: парк не пожалели, снесли кипарисы, которые мы сами сажали, своими собственными руками.

Городская газета «Путь Ильича» по нашей инициативе с апреля ведет дискуссию: нельзя ли передать это «дворцовое» здание детям и молодежи, соответственно переделав его? Кто-то говорит, что такая перестройка будет дорого стоить, другой советует не опускать руки и отдать все силы воспитанию подрастающего поколения. Председатель райисполкома В. Кулагин пожаловался, что его сотрудникам нездорово и неэффективно работается в подвалах и цокольных этажах — таких же самых, в которых сейчас размещено в Судаке множество детских учреждений. К слову, райком сейчас обитает на центральной улице в добротном здании с колоннами. Не в подвале и исполком... Зато больницу строят вот уже почти семь лет. Подавляющее большинство выступавших в газете просит и даже требует: отдайте здание!!!

Увы, в докладе первого секретаря Судакского райкома партии тов. Полыщикова, опубликованном 17 августа под шапкой «Надо всем решительнее перестраиваться», я не нашла ни слова о волнующей горожан проблеме. Видимо, он станет решительнее перестраиваться уже в новом кабинете. О том, что ради народа большевики шли на великие жертвы, многие нынешние коммунисты не вспоминают.

С. ФИЛОНОВА,
член КПСС, участница войны
Судак Крымской области

■

Я шахтер, сейчас на пенсии по старости. Мне 54 года, а до 50 лет полтора года был на второй группе инвалидности. Тяжело болен астмой, но ужас в том, что в области нет нужных мне лекарств. Знаю, что у государства не было отпущено на этот год валюты для закупки импортных препаратов. Знаю, что на новый год валюту дают. Но кто же конкретно виноват в случившемся? Какой министр должен ответ держать? Мне 54 года, а я не протяну и двух месяцев, если лекарство не достану. Кто совершил должностное преступление, оставив хронических больных (не только сердечников, астматиков, что еще страшнее — больных нервно-психическими болезнями) без лекарств? Хватит разговоров и обещаний.

Мы в Кизеле связываем это все с вредительством. Как же так, сами не можем и от заграницы отказались?

И. ЩЕРБАКОВ
Кизел Пермской области

■

Проект Закона «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» предполагает включить в разрешение этих конфликтов трудовой арбитраж. Арбитраж создается при Верховном суде республики (не имеющей областного деления), автономной республики, краевом, областном (городском) суде.

С моей точки зрения, это недемократично. Вчитайтесь в пункт 4: «Количественный и персональный состав трудового арбитража по каждому коллективному трудовому конфликту устанавливается соглашением сторон и утверждается председателем того суда, при котором такой арбитраж образуется». Уверен, кроме очередной затяжки и волокиты, такое нововведение ничего не даст. В состав арбитража входят народные депутаты Совета, на территории которого возник трудовой конфликт. Однако следует, что этот состав может быть и не утвержден представителем судебной власти, считай, исполнительной, т. к. разделения между судебной и исполнительной властью, увы, реально не произошло.

Налицо дискредитация представителя местной власти, об укреплении которой мы так много ведем разговоров. В этой части проект вызывает двойственное чувство. С одной стороны, авторитет арбитража повышен тем, что в его состав вводятся народные депутаты, а с другой — он сводится на нет, если состав арбитража утверждается председателем вышестоящего суда.

Как говорили юристы в древности: а кому это выгодно? Вероятно, тем неизвестным конкретным авторам проекта, фамилии которых установить невозможно. Платные функционеры долго будут одним росчерком пера выбрасывать из проекта одно, а вставлять другое. Думаю, до тех пор, пока они, функционеры, будут неизвестны и пока не появятся альтернативные варианты законов.

И еще. Уж не сознательно ли не дано нам времени на обдумывание, на анализ мировой практики, собственного исторического опыта? Надо осмыслить каждую статью проекта, написать свои замечания, отправить их нашей черепашьей почтой. Когда же замечания тех, кого Закон касается непосредственно, получат функционеры, то у последних не останется и минуты для их изучения. Может случиться то, что произошло при создании временных комитетов по борьбе с преступностью, когда возобладала репрессивная догма: суд обязан единым фронтом с милицией и прокуратурой бороться с преступностью.

Наши же народные депутаты не смогли, а может быть, и не успели воспротивиться такому правовому застою, если верить секретарю Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка В. Семенко. Валентина Ивановна, судья с 30-летним стажем, отвечая на вопрос корреспондента, чем объяснить, что во временные комитеты введены судьи, говорит: «Скажу как на духу. Не знаю. По-моему, здесь какое-то недоразумение. Ведь работа шла на сессии... в огромном напряжении. Только этим и объясняю...» («Известия», 22 августа 1989 г.)

Думаю, такой ответ больно задел многих юристов, да и просто честных людей, понимающих, к чему может привести поспешность. Это реальный шаг назад от правового государства, в котором очень хотелось бы пожить и поработать. Именно этим желанием вызваны мои размышления над Законом о забастовках.

А. ЧЕБАЧЕВ,
председатель Оренбургского областного отделения Союза адвокатов СССР

■

Деяниям Сталина и его окружения дана соответствующая оценка партией и народом. Открыта беспощадная правда о тех временах, о страшных фактах репрессий. Одной из заметных фигур сталинского окружения был Ворошилов, который, как известно, приложил руку к уничтожению опытнейших военных кадров.

Поэтому не могу спокойно относиться к тому, что Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил СССР носит имя Ворошилова. Кстати, имя его академия получила еще при жизни Ворошилова.

Разве можно сегодня всерьез воспринимать титулы «народный герой», «пролетарский полководец» и др., которые носил Ворошилов?

Великая Отечественная война показала его несостоятельность как «народного героя», «пролетарского полководца» да и Маршала Советского Союза, ибо он не смог эффективно руководить или влиять на ход военных действий на фронтах.

И если в подобных случаях другие теряли служебное положение, а порой и жизнь, то Ворошилову все сходило с рук благодаря покровительству Сталина. Но все же он не был удостоен Сталиным ни звания Героя Советского Союза, ни сколь-нибудь крупных полководческих наград, за исключением одного ордена Суворова I степени.

И хотя после войны уже в преклонном возрасте Ворошилов дважды (в 1956, 1968 годах) удостаивался звания Героя Советского Союза, а в 1960 г.— Героя Социалистического Труда, эти звания не отражают подлинную значимость заслуг.

Поэтому считаю несправедливым, что кузница высших военных кадров нашей страны — Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил СССР носит имя Ворошилова.

Со своей стороны, предложил бы присвоить академии имя Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского, безвинно погибшего в результате сталинского произвола. Его по праву можно считать крупным военным деятелем, выдающимся полководцем, оставившим большое научное наследие.

Н. ЧЕРНУХА,
полковник

■

На очередной сессии нам, депутатам Торжокского горсовета, было объявлено о том, что состоится депутатская поездка в Финляндию: наш Торжок — побратим с финским городом Савонлинна. Естественно, желающих оказалось много. И каким же было мое удивление, когда 3 августа на инструктаже в горисполкоме я узнала, что в основной список (а был еще и резервный) внесены фамилии людей, которые не являются депутатами: начальник ОРСа, зав. общим отделом горкома партии и др. В этот же день был еще инструктаж, уже в Калинине. Здесь выясняется, что в группу вливают десять человек из Калинина. Руководитель группы М. Горохов предупредил их, что у нас группа депутатская и в поездке они должны называть себя депутатами из Торжка.

И вдруг я узнаю, что меня вычеркнули из списка. Если честно, я не считаю себя депутатом высокого уровня. Смотрела трансляцию Съезда и поняла, что учиться надо мне у народных депутатов. Но, принимая участие на сессиях горсовета, вижу, что таких, как я, большинство. Может быть, люди поехали достойные, не знаю. К сожалению, по неясным причинам кандидатуры ни тех, кто попал в основной список, ни тех, кто был в резервном, на сессии не обсуждались, списки не вывешивались, принцип отбора до сведения депутатов не доводился. Мне сейчас говорят: вы еще молодая, еще успеете, все впереди, но дело-то не в этом. Осталось впечатление какой-то закулисной возни, осталась обида.

Г. ЕРОФЕЕВА,
контролер 3-го цеха завода электронной промышленности, депутат Торжокского горсовета

■

На недавнем Пленуме Верховного суда СССР, кроме решения других важных вопросов, были исправлены ошибки в юридической оценке действий и высказываний советских граждан, осужденных в шестидесятые и более поздние годы. В частности, глубокое удовлетворение вызывает пересмотр дела и реабилитация латышского поэта К. Скуениекса, осужденного в 1962 г. Пленум признал, что в действиях Скуениекса отсутствует состав какого-либо преступления, и на этом основании прекратил дело. Это еще одно свидетельство продвижения нашей страны в направлении к правовому государству, к установлению справедливости.

В этой связи мы хотим привлечь внимание общественности к личности талантливого украинского поэта Василя Стуса (1938—1985 гг.), умершего в сентябре 1985 г. в Пермском лагере. Василь Стус впервые был осужден в начале 1972 г. по обвинению, аналогичному тому, которое было выдвинуто К. Скуениексу. Главным в составе преступления было признано написание и хранение стихов, а также письма в Политбюро ЦК КПСС, признанного антисоветским документом.

В настоящее время замечательная поэзия В. Стуса начинает возвращаться к украинскому читателю, ее публикуют газеты и журналы республики. Рождаются песни на стихи В. Стуса, его произведения входят в сценические постановки.

В мае гостями Украинского молодежного клуба, входящего в состав Товарищества украинской культуры «Славутич» в Москве, был Львовский молодежный театр, который дал два спектакля в помещении Московского театра кукол. Молодые львовские актеры показали интересную сценическую композицию по стихам Василя Стуса (в нее вошли также произведения Лины Костенко и Василя Симоненко). Она была встречена с особым воодушевлением.

Учитывая, что на Украине процесс перестройки и гласность, к сожалению, все еще не нашли полного выражения, просим читателей «Огонька» поддержать наш призыв о реабилитации памяти Василя Стуса. Сейчас это важно не только как факт равноправного и нормального вхождения в литературную жизнь страны высокохудожественных произведений. Это особенно важно и как факт, который сможет доказать, что мы в состоянии преодолеть еще одну ступень в очищении нашей давней и ближней истории от белых и черных пятен, в продвижении по пути демократизации и справедливости, торжества правды.

Павел ПОПОВИЧ,
летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета УССР, председатель совета Товарищества украинской культуры «Славутич» (и еще более 20 подписей)

■

В каждом номере «Огонька» вижу художества наших и зарубежных абстракционистов, дела которых одобрены советской Академией художеств! Наш уважаемый журнал печатает не только отличные статьи, но и отвратительные рисунки на вкладке, которая обходится в копеечку для издательства. Видимо, там отдел по искусству работает автономно и не признает главного редактора. А может быть, он сам инициатором этой отравы является? Почитаешь его статьи, так хочется душу отдать за такого депутата. Но увидишь мазню в его журнале — и хочется, наоборот, вытряхнуть из него душу, чтобы не печатал больше этой идеологической отравы. Я писал уже в ЦК КПСС. После этого мою заметку в «Огоньке» поместили, но рядом другие авторы разгромили меня.

Неужели наше искусство ничего лучшего теперь не имеет? Ну о чем говорят эти рожи? Зачем они здесь? Нельзя этого делать, если мы хотим сохранить СССР, КПСС, советский народ. Целью этих «художников» является: развалить страну, изуродовать сознание людей, привести нас к хаосу и беспорядкам. Не выйдет у них это!

Я, учитель биологии, коммунист, ветеран труда, удивлен, что москвичи преподносят нам эту идеологическую диверсию на полотнах художников. Неужели нам мало других диверсий? Устали мы от них. И спекуляция, и проституция, и воровство, и убийства, и неформалы, и экстремисты, и прочие одолели нас совсем. А тут еще и художники одолевают упорно и настойчиво. Пусть они свой плюрализм оставят себе на память. Ведь мы хотим видеть прекрасное, реальное, поучительное, развивающее, воспитывающее на коммунистической основе. А нам что дают эти маляры?!

В. ШРАМ
Омск

■

В журнале «Москва» (№ 7) опубликована «история одного частного расследования» под заголовком «Тайна гостиницы «Англетер». Автор, отставной полковник МВД Э. Хлысталов, сообщает, что Есенин написал и накануне гибели передал В. Эрлиху известное стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» не потому, что собирался покончить с собой, а потому, что ему предстояло быть убитым. Кроме того, из «истории расследования» можно узнать, что нельзя открыть отмычкой дверь, если в замок изнутри вставлен ключ,— это можно сделать лишь при помощи самодельного приспособления, похожего на пассатижи (и поэтому нельзя доверять свидетельству Е. Устиновой). Что полоса на шее у повешенного бывает темная, а у подвешенного — светлая. Что Есенин любил евреек, но цапался с евреями, что Маяковский в стихотворении «Сергей Есенин» (именно так именует его Хлысталов), равно как и Луначарский с Бухариным в своих статьях, «забыв святую на Руси традицию — плохо о покойниках не говорить», приписывал Есенину наркоманию, развратные действия и злостное хулиганство. Что Зинаида Райх принесла Есенину много горя, будучи женой Мейерхольда, и тайно встречалась с поэтом на квартире подруги. Что их сын Константин был зачат совсем не от Есенина. Что в 1924 г. Есенин бежал из Баку в Тифлис от пистолета, наставленного на него Блюмкиным, но потом вернулся в Баку, сам вооруженный пистолетом, и совершенно непонятно, почему же между ними не состоялся поединок. Что некие высокопоставленные лица объявили Есенина врагом Советской власти. Что Эрлих никак не мог быть другом Есенина, ибо «для Есенина он был мальчиком на побегушках, пивший и евший за его счет». Что Есенин начал «прикладываться к рюмке», потому что не имел в Москве комнаты, тогда как у Мейерхольда и Райх была просторная квартира и дача. Что ни один крупный поэт так не пострадал от властей, как Есенин, и многое другое, столь же неопровержимое, сколь пикантное.

И словно невдомек Хлысталову, что странно убивать человека, который тебя кормит и поит, что Устинова не криминалист и не обязана отличать отмычку от других инструментов для открывания дверей. Что Гумилев «пострадал от властей» несколько больше, чем Есенин. Что если уж соблюдать «святую на Руси традицию» (кстати, идущую от Древнего Рима), то не стоило бы втаптывать в грязь покойных В. Эрлиха и З. Райх, погибших, хотя и поразному, по воле тех самых «властей», которые так раздражают Хлысталова. Что вытаскивать на страницы печати ту грязь, которая доныне была лишь на листке допроса Г. Устинова (о Константине),— дело малопристойное. Что дуэль между несостоявшимся раввином, привыкшим расстреливать «несчастных по темницам», и потомком рязанских мужиков, привыкшим выяснять отношения кулаками, не состоялась по той простой причине, что у поссорившихся приятелей понятия о чести были несколько иными, чем, скажем, у Грибоедова и Якубовича.

Да святится имя его! — восклицает Хлысталов в конце. Я тоже за то, чтобы относиться уважительно к памяти великих, но развязные публикации этому отнюдь не способствуют. Погоня за сенсацией — вот что водило пером автора. Ну что ж, можно поздравить с успехом и его, и редколлегию «Москвы» — цель достигнута.

А пока московские гиды говорят туристам на Ваганьковском кладбище:

«Кстати, версия о самоубийстве Есенина уже признана неверной. Неопровержимо доказано, что он был убит. Кто убийца? Вольф Эрлих. А вообще-то был целый заговор. Почитайте об этом в журнале «Москва».

На что не пойдешь ради тиража...

А. МУРАВЬЕВ
Казань

■

Работаю я в Главном четвертом управлении Минздрава СССР уже седьмой год. Как сотрудник управления, обратился к администрации с просьбой прикрепить меня для лечения хотя бы временно. В просьбе моей отказали — нет возможности.

Ну ладно, министры, замы, а сколько здесь тещ, снох, подростков, которых и лечить-то неизвестно от чего? Интересно, к какой бы прикрепили поликлинике этот привилегированный класс, если бы такие солдаты, как я, не защитили его от гитлеровского нашествия? Четыре года войны бегал я под огнем с катушкой, наводя связь между частями. Имею два ордена, десять медалей, сорок пять лет ношу два осколка в плече, и для меня «нет возможности» даже временно...

Молоток не смолкает, по первому требованию заменяется плитка (естественно, еще хорошая), да что плитка — мелочь, мгновенно помещения переделываются, не понравилась фанеровка — белым мрамором вход в лифт отделали. Видимо, средства на капремонт выделяются не райисполкомом, он не осилил бы такие расходы. Государство в государстве, иначе не скажешь про это учреждение. И все бесплатно. Только, думаю, не бесплатно, а за наш общенародный счет.

И. ВДОВИН,
ветеран войны
Москва

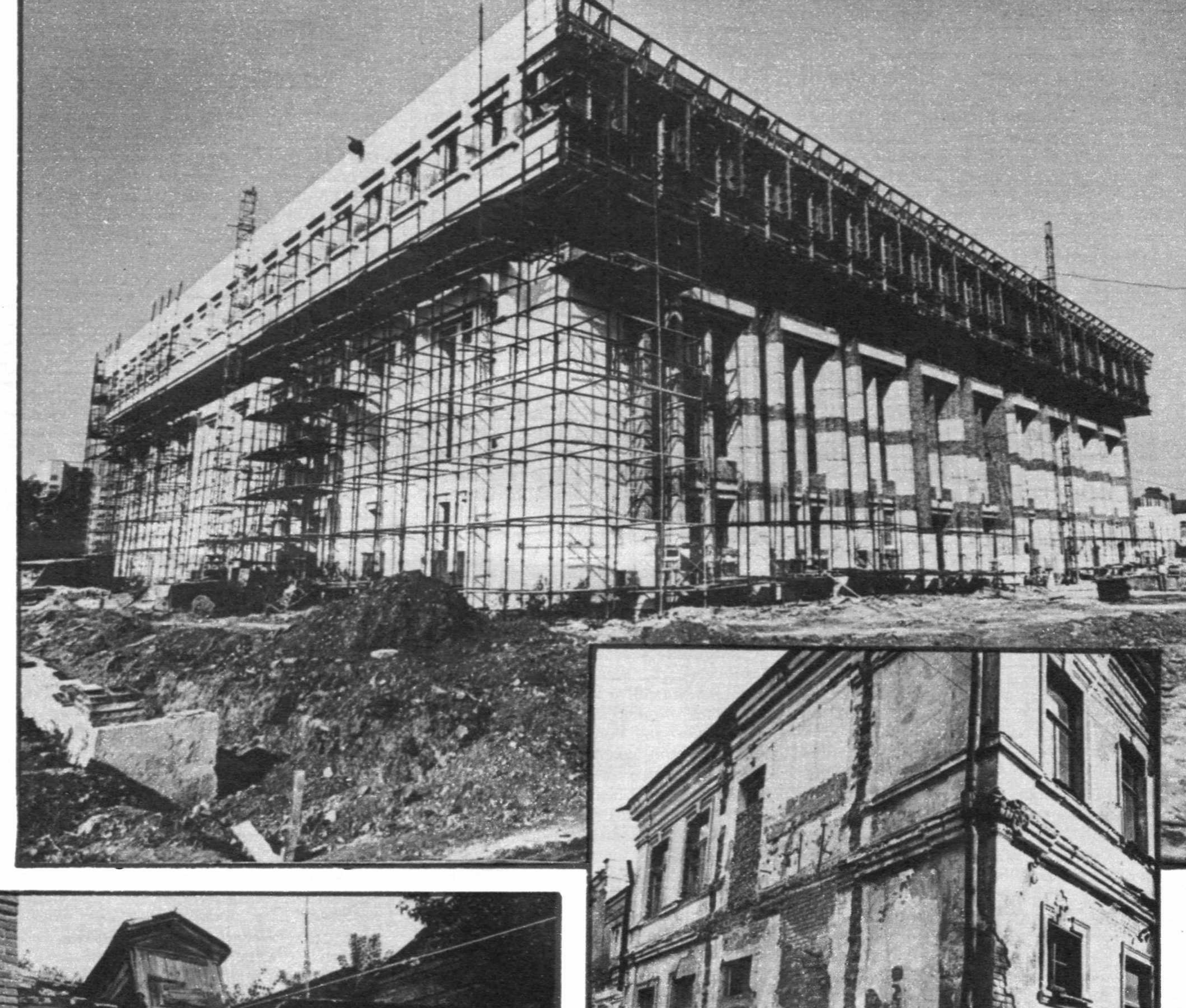
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ТАМБОВСКОГО ОБКОМА КПСС Е. М. ПОДОЛЬСКОМУ ПО ПОВОДУ ПУБЛИКАЦИИ В «ОГОНЬКЕ» ОЧЕРКА «КТО НАМ ЛОМАЕТ КРЫЛЬЯ?» (№ 25, 1988 г.) И ПОСЛЕДОВАВШИХ НА НЕГО ОТКЛИКОВ (№ 51, 1988 г.)

ДОЛОГ ПУТЬ К ПРАВДЕ

Уважаемый Евгений Михайлович!

Мои неоднократные попытки встретиться с Вами лично, чтобы найти возможность разобраться по существу затронутых в наших публикациях вопросов, отыскать истину и по возможности прояснить все «темные места» в истории, которая произошла в Тамбове с героем моего очерка — начальником передвижной механизированной колонны Агропрома Л. П. Зотовым, к сожалению, успеха не имели. Поэтому вынужден обратиться к Вам с этим письмом, где попытаюсь изложить свое личное мнение, а также принципиальную точку зрения редакции по поводу самоуправства, продолжающегося по сей день с ведома некоторых руководителей областного партийного комитета, очевидно, окончательно уверовавших в свою полную неподотчетность и безнаказанность, решившихся даже пойти на прямой подлог, чтобы любыми путями отстоять честь своего, как выясняется, несколько подмоченного мундира.

Признаюсь честно, приехав в первый раз в Тамбов, я был далеко не уверен в непогрешимости Зотова: так называемые «хозяйственные дела» нередко бывают сложны и запутанны, разобраться в них недостаточно компетентному в юриспруденции подчас невозможно. Тем не менее разговаривая со многими людьми — рабочими ПМК, ревизорами, проверявшими Зотова, работниками правоохранительных и партийных органов, просто очевидцами тех непростых событий, постепенно рождалось ощущение искусственности заданной ситуации, где две стороны — защищающая и обличающая Зотова — поставлены в далеко не равные условия, и если



Заканчивается строительство здания обкома партии

В центре Тамбова: двор дома на улице Кронштадтская, 11

Детская музыкальная школа

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

первая апеллирует к закону и здравому смыслу, то вторая просто демонстрирует свою неограниченную власть, не принимая во внимание никакие, даже очевидные, не вызывающие сомнений доказательства.

Сомнение — естественное состояние человека на пути к истине. Приезжая еще и еще раз в Тамбов, я сомневался и какой раз тщательно проверял каждый довод своей будущей статьи. Другая сторона была лишена всяких сомнений. Не сомневался в своей правоте следователь городской прокуратуры И. И. Терещенко, запросто так продержавший Зотова семь месяцев в тюремной камере, не сомневалась народная судья Н. М. Малютина, за здорово живешь «начислившая» ему семь лет усиленного режима, не сомневался тогдашний председатель партийной комиссии, ныне ушедший на пенсию Н. П. Коротков, потрясавший перед моим носом ворохом многочисленных справок о якобы допущенных Зотовым злоупотреблениях, не сомневался и заведующий тогдашним отделом административных органов обкома КПСС Ю. А. Шутилин, безоговорочно взявший под свою защиту следователя и судью.

«Громкое» дело Зотова, которое было у многих на слуху в Тамбове, как я уже писал, родилось из обыкновенной анонимки, которую можно было выбросить в корзину для ненужных бумаг, а можно взлелеять, любовно разгладить на ладони, дать каждому изложенному в ней факту мощный торпедированный ход, что и решено было незамедлительно сделать. И вот уже не безликая анонимка, а грозная справка партийной комиссии при обкоме КПСС. На ее основании исключают из партии, отстраняют от должности. Какая ерунда, что партийное собрание ПМК выразило недоверие к изложенным в ней фактам, какая мелочь, что партийное бюро этой организации в полном составе единогласно проголосовало за резолюцию: «Со справкой парткомиссии не согласиться». Слава богу, пока мы еще в области хозяева, думали ее составители, игнорируя любое иное, высказанное кем-то мнение. Удивительно: их даже не настораживало то обстоятельство, что еще до выхода статьи в свет заместитель председателя Верховного суда РСФСР внес протест в президиум Тамбовского областного суда по поводу вынесенного им уже второго «смягчающего» приговора, как бы до времени оставляя открытым вопрос: а виновен ли вообще в чем-то Зотов?

После появления на страницах журнала очерка «Кто нам ломает крылья?» мы ждали реакцию на критику, готовы были поспорить или согласиться с любым аргументированным ответом на наше выступление, но ничего подобного не произошло. Беспрецедентный случай!.. На материал, опубликованный еще в июне прошлого года, вопреки всем установленным в стране законам и порядкам до сих пор нет ни одного официального ответа ни из областной прокуратуры, ни из обкома КПСС. Объясните, Евгений Михайлович, если это возможно: как сие понимать?

К великому своему удивлению, ни одного слова по поводу статьи в «Огоньке» я не услышал и на состоявшейся в конце прошлого года областной партийной конференции, на которой довелось мне лично присутствовать, хотя в Вашем отчетном докладе затрагивались некоторые выступления центральной прессы, касающиеся Тамбовской области. Создается впечатление, что бюро обкома КПСС абсолютно безразлично, что там пишет или не пишет «Огонек»... Но ведь это не так! Если Вы помните, и недели не прошло после моего первого отъезда из Тамбова, как на этажах редакции журнала появился секретарь областного комитета В. Е. Зверев, который просил не печатать критических статей в адрес руководителей обкома. Где же логика? Зачем, почему так упорно стремление и дальше отмалчиваться?

Впрочем, несколько месяцев назад обком нашел способ, позволивший окончательно запутать тамбовских читателей «Огонька». Ветеран войны и труда, коммунист, юрист по образованию В. И. Максимов, выступавший адвокатом в судебных заседаниях по делу Зотова, написал письмо в адрес областной партийной конференции. В нем он высказал свое мнение, что обкому КПСС в отчетном периоде очень не хватало деловитости, и она не появится, если не обновить состав руководителей, что некоторые секретари обкома не справились с возложенными на них обязанностями по перестройке стиля руководства и не должны избираться в новый состав обкома КПСС. Автор письма также требовал привлечь к ответственности лиц, виновных в необоснованном исключении из партии Л. П. Зотова и незаконном его осуждении, а также тех, кто организовал преследование Н. С. Чеплыгина и В. М. Блинова, вставших на защиту Л. П. Зотова, о чем и рассказывалось в очерке «Кто нам ломает крылья?».

И вот в феврале этого года в газете «Тамбовская правда» на площади более чем в половину газетной полосы публикуется заключение специальной комиссии «О результатах проверки письма т. Максимова В. И., адресованного XXV областной партийной конференции». Его подписали новый председатель комиссии партийного контроля при обкоме КПСС, первые секретари Тамбовского, Рассказовского, Мичуринского горкомов КПСС, редактор областной газеты и председатель комитета по телевидению и радиовещанию, ректор плодоовощного института, регулировщик радиоаппаратуры, тракторист, аппаратчица, бригадир слесарей-сборщиков и другие — всего 13 человек, члены и кандидаты в члены обкома КПСС.

Какие же вопросы исследует комиссия и какие делает выводы на основе своей фундаментально проделанной, судя по обилию опубликованной информации, работы. Оказывается, миру является опять та же, только более расширенная и содержащая массу подробностей пресловутая справка партийной комиссии на основании, повторяюсь, которой герой моего очерка был исключен из рядов КПСС, а впоследствии и осужден на долгие семь лет.

Не первый раз мы сталкиваемся со случаем, когда партийный комитет становится не только высшим партийным, но и высшим юридическим органом, подменяющим прокуратуру, следствие, суд! Громадный раздел в напечатанном газетой документе уделяется описанию того факта, что еще «в 1979 (!) году семье Зотова (на имя его жены, работающей преподавателем музыкальной школы № 4 г. Тамбова) без достаточных на то оснований был выделен участок в садоводческом товариществе работников управления лесного хозяйства» и что «вместо садового домика был построен дачный дом со значительным превышением установленных норм по площади и высоте строения». В своем очерке я писал, что не поленился, съездил на место и собственноручно установил: этот факт не соответствует действительности, дом семьи Зотовых (который ему, кстати, и не дали достроить) не больше, может быть, меньше других живущих здесь бывших и настоящих руководителей области.

Кстати, в редакционной почте есть письмо жителя Тамбова, офицера запаса В. М. Казаневича, который пишет буквально следующее: «Однажды я отдыхал в районе комплекса «Турист» и видел садово-огородное товарищество «Лесхоз». Поразился построенными из первосортных материалов домами в двух (и даже в трех) уровнях. Стал спрашивать у хозяев, кому они принадлежат? То, что пришлось выслушать в ответ, непечатно. Так, может, обком заинтересует, чьи эти дома (а может быть, и прокуратуру)? То же самое можно сказать и о знаменитых обкомовских дачах, ставших притчей во языцех...» В свое время и я задавал всем вопрос, почему не интересуетесь размерами хором, воздвигнутых на этом же участке различными руководителями областного ранга, почему их не проверяете, не обмериваете? И мне вполне серьезно отвечали: «А зачем? На них же анонимок не поступало...»

Если эпизод с зотовской дачей еще можно как-то отнести к дисциплинарным проступкам, то остальные обвинения обкома партии в его адрес, опубликованные уже сейчас на страницах областной газеты, вполне можно подвести под различные статьи уголовного кодекса. Тут и фиктивные документы на приобретение строительных материалов, и отвлечение государственной техники для личных нужд, и спекуляция автомобилями, и незаконное заселение жилой площади... Целый букет преступлений. «Огонек» в свое время обратился в Прокуратуру Российской Федерации: пожалуйста, разберитесь, если Зотов виноват — накажите, если нет — внесите ясность... Разбирательство было поручено провести нейтральной Белгородской прокуратуре, и вот редакция получает ответ, который тоже следует привести дословно:

«Сообщаю, что после проведения нового расследования уголовное дело в отношении бывшего начальника ПМК Тамбовского областного агропромышленного комитета Зотова Л. П. моим постановлением от 26 декабря 1988 г. прекращено за отсутствием состава преступления **по всем** (подчеркнуто мною.— **А. Б.**) ранее инкриминированным ему в вину эпизодам.

Мною принесены глубокие извинения Льву Петровичу за ошибочные действия работников прокуратуры, повлекшие для него столь серьезные и тяжелые последствия.

Выражаю глубокую благодарность и признательность редакции журнала «Огонек» и лично его специальному корреспонденту А. Болотину за статью «Кто нам ломает крылья?» (№ 25 от 18.06.88 г.), во многом способствовавшую установлению истины по делу и реабилитации т. Зотова Л. П.

С уважением

Старший следователь прокуратуры Белгородской области

младший советник юстиции А. Э. Багрицкий».

Привожу эти строчки не для выпячивания личных заслуг, а для предметного доказательства, как один, правда, независимый, что немаловажно, профессионал может лаконично опровергнуть доводы целой чертовой дюжины специалистов, в какой угодно области — партийной, слесарной, ремонтной и даже плодоовощной... Как же тяжело давил на их плечи груз зависимости!

Аппарат всегда черпал силы поддержки у представителей хотя и широких слоев общества, но не обремененных ни глубокими нравственными принципами, ни прочными политическими убеждениями, готовых служить любому хозяину, лишь бы это сулило продвижение по служебной лестнице. В этом инертном пластилиновом слое, из которого можно лепить что угодно, встречаются и «обласканные», осыпанные различными привилегиями люди, готовые петь под любую дуду, обеспечивающую им благословение верхов и спокойную жизнь.

Я вот тоже запозднился к Вам с письмом и долго думал, писать его или нет. В конце концов вырабатывается определенное отношение, а если называть вещи своими именами, вполне объяснимое чувство брезгливости и к эпистолярному крючкотворству, и к подобным аппаратным играм, в которых, как видно, изощренно поднаторели Ваши товарищи по Тамбовскому областному партийному комитету, но и пасовать перед нажимным стилем — любимым детищем административно-командной системы,— уже достаточно высвеченного и осужденного, как осуждена и сама порожденная сталинской эпохой эта система, тоже, согласитесь, надоело.

Складывавшаяся десятилетиями в партии атмосфера чинопочитания, бездумное послушание и исполнительство лишили многих чувства собственного достоинства. Герой моего очерка «Кто нам ломает крылья?» Лев Петрович Зотов чувства этого не утерял. Крепкий оказался, к чести его надо сказать, мужик, выстоял и тюрьму, и гонения, не сломался... Сейчас, если Вам это интересно, приносит конкретную пользу, трудится в кооперативе, строит дороги... Работает честно. Была бы хоть малейшая зацепка, Ваши правоохранительные орлы разорвали его бы в одночасье. Так что не о куске хлеба речь... Речь о возвращении достоинства и восстановлении в партии! Сегодня очень важно ответить на отнюдь не риторический вопрос: кто есть кто? Чиновник, способный только указывать, направлять, а если потребуется, и подавлять, или труженик, далекий от бюрократической толкотни, рвущийся к делу, умеющий созидать. Завтра за вторыми.

Механизм властеудержания — монолитная стена, о которую разбилась не одна честная голова. В свое время я не мог понять, почему молодой, энергичный начальник ПМК, знающий дело и умеющий работать с людьми, вдруг стал опальным. Откуда по отношению к нему такая жестокость, упорство в стремлении смять, погасить, задавить?.. Сейчас мне ответ известен. Зотов несколько опередил время. В обстановке всеобщего угодничества позволил себе быть независимым. Не пошел на компромисс с самим тогдашним председателем партийной комиссии при обкоме КПСС Коротковым, другими важными партийными чиновниками. За что и расхлебывает, как говорят, и сейчас кашу... Но справедливость должна же когда-то восторжествовать!

Не хочу, поверьте, делать из него ангела. Коммунисты, как известно, совершают поступки и проступки, достойные похвалы и осуждения,— допускаю, что и на счету Зотова были не только достижения, были промахи и ошибки. Но, как хотите, не могу понять, почему человека, оправданного всеми судами, стараются по-прежнему облить грязью, скомпрометировать перед массами, отречь от общества. Или грамотные и расторопные специалисты в нашем и так уже донельзя разболтанном хозяйственном механизме вовсе не нужны?

Хотим мы или не хотим, Евгений Михайлович, пришло время здравого смысла, и надо крепко подумать, чем заниматься в первую очередь, а чем уже потом. Думается, что в Тамбовской области, как и во всей стране, есть более важные неотложные задачи, чем «охота на ведьм», организация бурных кампаний, преследующих единственную цель: всем во что бы то ни стало доказать, что обком всегда и во всем прав. Членам и кандидатам в члены бюро областного комитета КПСС подсказываем, где найдет полезный выход их творческая энергия, где их действительно ждут, где просто необходима их помощь. (Объекты указаны под снимками.) Отставив в сторону амбиции, давайте все-таки сначала делать дело!

Александр БОЛОТИН,
член редколлегии,
редактор отдела
публицистики журнала «Огонек»

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

**Ведет рубрику
Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ,
заместитель председателя
Всесоюзной комиссии
по литературному наследию
репрессированных писателей**

«ПРОШУ МЕНЯ ВЫС

ВОСКРЕСШЕЕ СЛОВО

«Хранить вечно» и «Совершенно секретно» — две эти надписи стояли на следственных делах репрессированных. Если с «Совершенно секретно» все ясно: скрывали от глаз, держали за семью замками и семью печатями, как государственную тайну, то с «Хранить вечно» куда сложней: протоколы уничтожали, показания подтасовывали, свидетельства и документы вымарывали, вообще делали, что хотели. (Если уж людей в мясорубку — чего с бумагой церемониться!) Тогда почему «Хранить вечно»? Не под этим ли грифом история оставила для себя лазейку? «Хранить вечно» и «Совершенно секретно» всегда были в непримиримом противоречии друг с другом, ибо то, что скрывается от общества и попадает в руки «служителей уз» — никак не может рассчитывать на объективность и бессмертие, наоборот, то, что становится достоянием гласности, только это и хранится вечно, спасается от забвения.

Сегодня мы открываем рубрику, под которой будем публиковать рукописи и документы, с которых само время снимает гриф секретности.

В декабре 1988 года литературная общественность создала Всесоюзную комиссию по творческому наследию репрессированных писателей — представительный орган, призванный осуществить громадную работу по розыску архивов, подготовке к печати произведений и документов и увековечиванию памяти безвинно пострадавших литераторов. В комиссию СП СССР входят такие известные писатели, как В. Астафьев, О. Волков, Ю. Давыдов, А. Жигулин, В. Карпов, Ю. Карякин, Д. Кугультинов, В. Маканин, Б. Окуджава, О. Сулейменов, Г. Эмин и другие. Подобные комиссии возникли во многих республиканских писательских организациях. Идет сбор материалов для Книги Памяти репрессированных писателей.

Анна Андреевна Ахматова в годы первой оттепели сказала: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили». Они — эти две страны — смотрят в глаза друг другу и сейчас, быть может, куда решительней и непримиримей, чем прежде.

В этой связи работа комиссии имеет чрезвычайное значение. Видится возможность не только раскрыть во всей полноте невиданный трагический опыт нашего народа, не только способствовать (по Николаю Федорову) «общему делу» воскрешения предков, но и поднять на свет целый пласт литературы. Это органическая часть восстановления разорванной связи времен, нашего интеллектуального Возрождения.

За последние годы к читателю пришли десятки «запрещенных» авторов и произведений уже знаменитых, прославленных художников, таких, как А. Платонов, М. Булгаков, А. Ахматова, Б. Пастернак, Н. Клюев... Поднялся занавес, скрывавший до сего времени от нас русскую литературу зарубежья. Появились новые имена... И в то же время быстро полиняли, отошли на задний план имена, еще вчера бывшие на слуху,— мы словно бы избавились от балласта.

В результате общая картина литературы стала на глазах меняться, наша литература оказалась куда более богатой и многоликой, чем навязываемые представления о ней. Этот процесс сейчас в самом разгаре, убежден, что нам предстоят новые открытия.

Есть тут и еще один важный момент. В советские десятилетия тысячи людей, чье призвание лежало вне сферы литературы, обратились к Слову, как к последней возможности самовыражения. В лагере, в тюрьме, в ссылке, да и за их пределами, Слово часто оставалось последней отдушиной, последним глотком свободы. Узница Колымы и Мордовии, поэт и этнограф Нина Гаген-Торн по-своему определила природу такого спонтанного, спасительного обращения к Слову: «Тот, кто разрoет свое сознание до пласта ритма и поплывет в нем, не сойдет с ума...» Великое множество пронзительных человеческих документов хлынуло в комиссию со всех концов страны.

Два письма из обширной почты как бы ограничивают спектр мнений, которым ответило общество на создание комиссии. С одной стороны, вот такое письмо:

«Злые мстители — писатели! Создав комиссию, вы доказали, что злость и яд берегли для мщения над мировым победителем — И. В. Сталиным. Какой позор!!! Без него шкуры бы наши пошли на абажуры и перчатки, а мясо и кости на пепел для удобрения полей Германии... Вы же писатели или вы предатели? Кому же вы мстите? История никогда не простит вам предательства. История осудит тех, кто платит черной неблагодарностью т. Сталину. Все было справедливо...»

И подпись — Сталинистка. Без адреса.

А вот другое письмо. Узница Колымы А. С. Герценштейн сохранила стихи своей подруги Елены Владимировой, тоже «колымчанки», которая стала поэтом за колючей проволокой и получила за стихи второй срок. Есть там такие строки:

*В честь убитых или молчат,
Или говорят полным голосом...*

Это своего рода завещание нам сегодня: расскажите о нас! И главное: дайте нам самим сказать полным голосом, нам, задушенным, замученным, расстрелянным...

За советский период в нашей стране было незаконно репрессировано около двух тысяч литераторов, около полутора тысяч из них погибли в тюрьмах и лагерях, так и не дождавшись свободы, сто пятьдесят пропали без вести. Цифры, конечно, неполные, уточнить их пока невозможно. «Хотелось бы всех поименно назвать, да отняли список и негде узнать...» (Ахматова). Литератор — одна из самых «выбитых» профессий, и понятно почему: верховному палачу и его подручным важно было в первую очередь лишить общество его самосознания.

Потрясенные открывшейся бездной зла, мы еще не в состоянии до конца осмыслить то время, извлечь из него исторический урок. Мы еще пребываем в некоторой растерянности, оцепенении перед своей недавней историей. Но мы можем и должны компенсировать духовное ограбление народа.

Давно ясно, что отсчет репрессий надо вести не с тридцатых годов, а гораздо раньше. Были писатели, погибшие еще в пору так называемого «красного террора», наиболее известный из них Николай Гумилев. Еще в 1922 году без всякого суда решением ГПУ были высланы из страны около 200 человек — цвет нашей мысли, философы и писатели: Н. Бердяев, С. Булгаков, Л. Карсавин, Н. Лосский, С. Франк... С 1929 года, когда был арестован редактор «Красной нови», известный критик А. Воронский, началась травля Е. Замятина и Б. Пильняка, открывается счет массового уничтожения творческой интеллигенции. Думаю, что и преждевременная смерть Александра Блока («Все звуки прекратились... Никаких звуков нет...»), а также Сергея Есенина («В этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей...»), и Владимира Маяковского («У меня выходов нет... Серьозно — ничего не поделаешь») надо рассматривать в контексте все более удушающей общественной атмосферы. Дальше — больше, уничтожали уже не только «попутчиков» (слово-то какое придумали!), но и «своих»; коса смерти размахалась... Из шестисот делегатов Первого съезда писателей СССР погибло более трети.

Давно пора назвать вещи своими именами: наш народ пережил не одну, а две войны — внешнюю и внутреннюю. И называть такие действия властей надо не беззакониями, а преступлениями — есть разница!

Диапазон репрессий против писателей был чрезвычайно широк, и мы должны рассматривать его так же широко: от заключенных и вынужденных эмигрантов до тех, кто сам не был за колючей проволокой, но чьи книги запрещались, чье творчество было репрессировано.

Случалось всякое. Группу украинских писателей расстреляли деникинцы. А уже при Советской власти были запрещены их сочинения, потому что авторы принадлежали к какому-то неортодоксальному коммунистическому крылу. Двойная казнь. Каждого из них убили дважды: сначала — человека, затем — писателя. Там же, на Украине, в 1933 году покончил с собой М. Хвылевый — прозаик с мировым именем, который сейчас только начинает у нас печататься. Его торжественно похоронили, но вскоре объявили врагом народа, и все его произведения заперли в спецхране. Так сказать, репрессировали посмертно...

То, что многие творцы вынуждены были «встать на горло собственной песне» и, начав ярко, многообещающе, кончили бледными здравицами во славу — это тоже репрессии. Убили в себе талант, чтобы сохранить жизнь. Результат репрессий и то, что неведомое множество «искр божьих» вообще не смогло вспыхнуть — при удушье. И если мы скажем, что всякий талант был у нас так или иначе обречен на репрессии, уже по самой природе творчества, противной насилию,— это будет страшная, но правда.

Во время арестов писателей их рукописи и архивы обычно изымались и оседали в спецхранилищах. Есть надежда, что какая-то часть уцелела. Нужно спасать! Только теперь, в условиях развивающейся демократии и гласности, в пору, будем верить, не «оттепели», а настоящей весны, появилась такая возможность.

Судьба их может оказаться самой неожиданной. Бывало, опасаясь ареста, писатели отдавали свои бумаги на хранение в надежные руки, прятали. Иногда это делали за них родственники, друзья. Так, например, был спасен Е. Ф. Никитиной, основательницей музея и издательства «Никитинские субботники», архив поэта Антала Гидаша. Известен случай, когда один из работников следствия спас роман Ю. Домбровского «Обезьяна приходит за своим черепом» — просто взял и вытащил из дела, спрятал у себя дома. Существует легенда, что следователь, который вел дело Павла Васильева, прекрасно понимая, что тот никакой не враг народа, а талантливый поэт, намеренно растягивал следствие. Он вызывал узника, давал ему еду, бумагу и оставлял на целые часы: пиши, что хочешь. И будто бы Васильев написал там целый чемодан. Легенда ли это?

У многих писателей вместе с их рукописями арестовывались и чужие. Комиссия получила письма, в которых сообщается, что при обысках у писателей В. А. Итина, Н. Н. Нарвекова, А. А. Тверяка были изъяты письма М. Горького, у хабаровского писателя Е. И. Титова — архив В. К. Арсеньева и письма А. П. Гайдара. Где они?

Пусть кое-кто называет нас «доморощенными реабилитантами», «некрофилами». Живы еще те, кто повинен в гибели других, доносчики, провокаторы, разумеется, они не заинтересованы в том, чтобы открылась вся правда, глядишь, в свете ее и они предстанут в своем истинном виде. С другой стороны, нельзя нам сейчас с ходу выступать и в роли непререкаемых судей: слишком мало мы еще знаем для этого, слишком еще сами — продукты той эпохи. А вслепую можно и палача за жертву принять и наоборот. Тем более что часто они совмещались в одном человеке.

Наше дело — спасти, выделить общественно значимое, художественно значительное наследие и проявить по возможности фактическую канву событий, рисунки судеб.

Мы обратились в государственные органы, в Прокуратуру СССР и КГБ и сейчас разворачиваем вместе с ними этот беспрецедентный, непростой поиск. У этой работы три направления: публикация след-

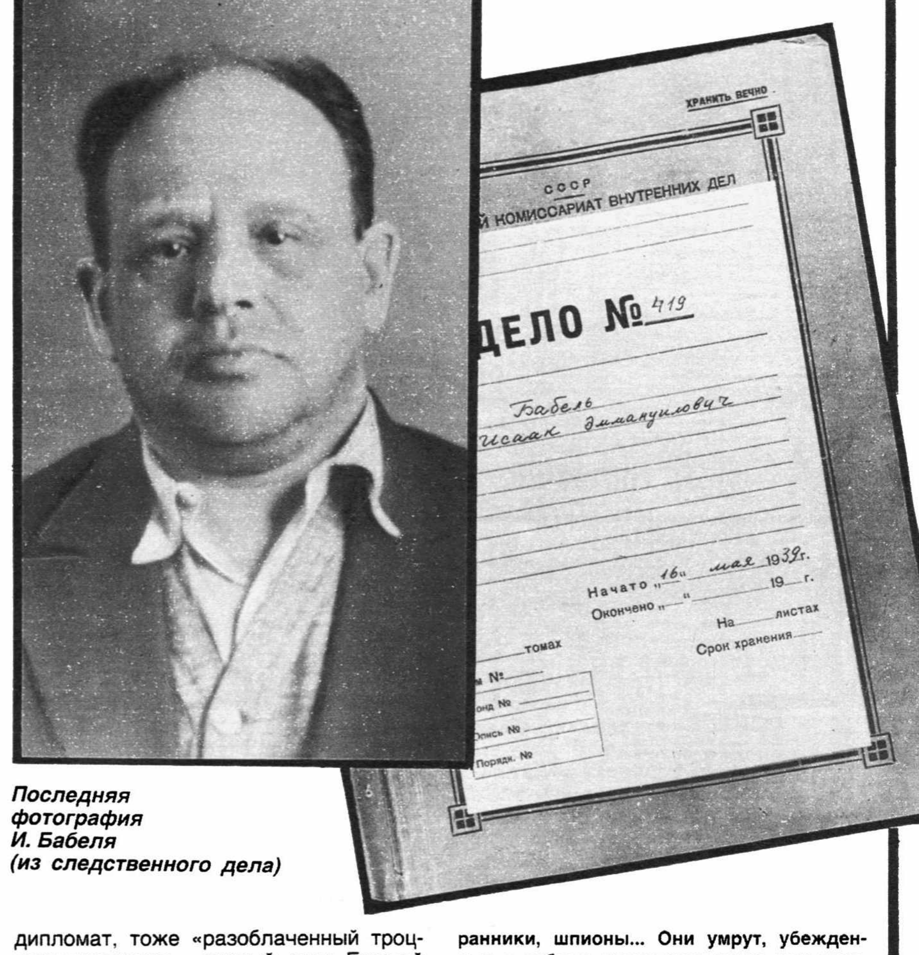
ЛУШАТЬ...»

ственных дел и конфискованных рукописей, реабилитация тех писателей, кто еще не реабилитирован, и поиск без вести пропавших. В той кровавой гражданской войне, которую вела сталинщина с народом, были и такие. Справочная литература выходит с искаженными данными: даты смерти многих писателей (в том числе И. Бабеля, А. Веселого, Б. Пильняка) не соответствуют действительности,— и тут необходима ясность.

И вот первая ласточка — обнаружен список стихотворения О. Мандельштама, за которое он поплатился жизнью,— «Мы живем, под собою не чуя страны...». Автограф, написанный поэтом на допросе! Поступком этим Мандельштам подписал себе приговор, но остался верен своему поэтическому Слову. Как тут не вспомнить его же мысль, что смерть художника не конец, а последний творческий акт, снопом лучей освещающий всю его жизнь. Уже после этого нам были переданы для публикации и открытого хранения находившиеся в спецхране рукописи М. Булгакова, А. Белого, Р. Ивнева (сами эти авторы, правда, не были репрессированы, но произведения подверглись аресту), Е. Тарле и других. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию рассказ о последних днях жизни И. Э. Бабеля, написанный по материалам следственного дела писателя, документам, только теперь открывшимся свету гласности.

Лубянка. Август 1989-го...

Одна из дверей распахивается. На столе — пухлая желтоватая папка. «Следственное дело № 419. Бабель Исаак Эммануилович»...



Последняя фотография И. Бабеля (из следственного дела)

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ БАБЕЛЯ

АРЕСТ

Бабеля арестовали утром 16 мая 1939 года на даче в Переделкине. Он только что обосновался там, чтобы закончить свой «заветный труд» — новую книгу рассказов.

В то же время шел обыск и в московской квартире. Вместе с автором были арестованы все его рукописи. Из дела следует, что при обыске изъяты, кроме переписки и фотографий:

«1) разные рукописи — 15 папок, 2) записные книжки — 11 штук, 3) блокноты с записями — 7 штук».

Двери Лубянки захлопнулись. И пятнадцать лет (до 1954 года) о Бабеле ничего не будет известно.

Беззакония обнаруживаются с первых же страниц дела. Сначала арестовывают, потом стряпают обоснование изъятия человека из общества.

«Я, старший следователь следчасти НКВД СССР, лейтенант ГБ Сериков, рассмотрев материалы на гражданина Бабеля И. Э., нашел: Бабель И. Э., 1894 г. р., уроженец г. Одессы, беспартийный, до ареста член Союза советских писателей, являлся активным участником антисоветской организации среди писателей...»

Только через 35 дней после ареста Берия подписывает постановление на арест.

Лейтенант Сериков, выискивая улики, перерыл кучу дел по широкому кругу общения Бабеля. Потому, наверно, и запоздал с бумагой.

Еще в 1934 году знакомый Бабеля, «троцкист-террорист» Дмитрий Гаевский (приговорен к расстрелу) показал: «Так как душой и организатором пятилетки является Сталин и возглавляемый им ЦК, то последовательность обязывала сосредоточить огонь именно по этим целям, пуская в ход доступные средства. Так как прямой атаки вести было нельзя, то подлая тихая сапа прорывала путь для нападения в виде анекдотов, клеветы, слуха, сплетен в соответствии с правилами борьбы. Надо было сделать вначале противника жалким...»

Что и как на самом деле говорил арестованный Гаевский, мы никогда не узнаем. Полуграмотный, пародийный стиль следователя, направляющего показания в нужное русло, весьма ощутим. Да и при чем здесь Бабель? Показания Гаевского в ходе следствия просто исчезнут, отпадут, как не имеющие отношения к делу, но здесь, в постановлении на арест, они фигурируют.

Еще один арестованный, «троцкист-террорист» Семен Борисович Урицкий, бывший редактор «Крестьянской газеты» (приговорен к расстрелу), 11 мая 1939 года показал, что «встречался с Бабелем на квартире Евгении Соломоновны Ежовой в Кисельном переулке...»

Вражеское гнездо! Ежов, бывший патрон Серикова, шеф НКВД, арестован, сама Ежова покончила с собой.

«Я лично говорил с Бабелем, отчего он не пишет. Он сказал мне: «Писатель должен писать искренне, а то, что у него есть искреннее, то напечатано быть не может, оно несозвучно с линией партии. Он говорил, что чувствует, что надо хоть что-нибудь опубликовать, что его молчание становится открытым антисоветским выступлением...»

«В салоне у Зинаиды Глининой Бабель был очень плохо настроен. Я спросил, отчего у него плохое настроение. За него ответила Евгения Соломоновна: «Среди осужденных есть очень близкие люди...»

«Провожая до Кремля Ежову, мы разговаривали о Бабеле. Она сказала, что он вообще очень близок со многими украинскими и военными троцкистами и что арест каждого такого военачальника предрешает и необходимость ареста Бабеля. Его может спасти только европейская известность...»

Ежова разоткровенничалась: муж очень ревнует ее к Бабелю, недавно устроил сцену, рылся в ее шкафу, искал письма Бабеля... Она слишком этими письмами дорожит...

Допрос 22 мая. Урицкий продолжает: «Встречался с Бабелем в обществе с Гладун, Утесовым и другими и убедился, что Бабель — человек троцкистских взглядов... Высказывал свое несогласие с линией партии...»

Подтасовка! Показаниями 22 мая обосновывают арест Бабеля, произведенный неделей раньше.

Гладун Алексей Федорович, бывший дипломат, тоже «разоблаченный троцкист-террорист», первый муж Ежовой (приговорен к расстрелу). Показал, что он «через свою жену Хаютину Евгению Соломоновну, которая сожительствовала с Ежовым... завербовал в 1929 г. Ежова в антисоветскую организацию...» На другом допросе 10 мая 1939 года показал: «Особенно негодовал Бабель на политику партии в литературе: «Печатают всякую дрянь, а меня, Бабеля, не печатают...»

Но все-таки — где доказательства? И тут появляются «агентурные данные».

«Агентурными данными в течение 1934—1939 гг. подтверждена антисоветская троцкистская деятельность Бабеля. Источник сообщал...»

Что же это такое — «агентурные данные», «источник»? Обыкновенный стукач, сексот, осведомитель, фамилия которого надежно спрятана в каких-то других, сверхсекретных сейфах. С 1934 года за Бабелем шла слежка.

Такими «источниками» пользовались «исследователи» с Лубянки. Тут мы вступаем в область особого творчества. Недаром Берия называл протоколы допросов, сочиненные Шварцманом и Родосом — оба принимали участие в следствии по делу Бабеля,— «истинными произведениями искусства», так будет дословно записано потом в их показаниях.

«Творчество» идет войной на творчество. Поединок пули и пера. Но — ирония судьбы! — мы теперь можем благодаря старанию стукача узнать мысли Бабеля, какие он тогда не мог опубликовать и даже не доверял бумаге.

«Источник» сообщил...

«В ноябре 1934 г. Бабель сказал: «Люди привыкают к арестам, как к погоде. Ужасает покорность партийцев и интеллигенции к мысли оказаться за решеткой. Все это — характерная черта государственного режима. Надо, чтобы несколько человек исторического масштаба были во главе страны. Впрочем, где их взять, никого уже нет...»

«О процессе право-троцкистского блока Бабель сказал: «Чудовищный процесс. Он чудовищен страшной ограниченностью, принижением всех проблем. К Бухарину, Рыкову, Раковскому, Розенгольцу нарочито подобраны грязные преступники, охранники, шпионы... Они умрут, убежденные в гибели представляемого ими течения и вместе с тем гибели коммунистической революции — ведь Троцкий убедил их в том, что победа Сталина означает гибель революции...

Советская власть держится только идеологией. Если бы не было идеологии, десять лет тому назад все было бы окончено. Идеология дала исполнить приговоры над Каменевым и Зиновьевым...»

В феврале 1939 г. Бабель сказал: «Существующее руководство ВКП(б) прекрасно понимает, только не выражает открыто, кто такие люди, как Раковский, Сокольников, Радек, Кольцов и т. д. Эти люди отмечены печатью таланта и на много голов возвышаются над окружающей посредственностью нынешнего руководства, но раз вопрос встает о том, что эти люди имеют хоть малейшее прикосновение к силам, то руководство становится беспощадным: арестовать — расстрелять!..»

«Бабель перескочил на вопрос о Ежове. Сказал, что он видел обстановку в семье Ежова, видел, как из постоянных друзей дома арестовывались люди один за другим. Бабель знает, что ему лично уготован уголок... Он Катаеву и другим поведал кое-что, связанное с пребыванием в числе друзей Ежова...»

Итак, «преступник» уличен! На основании вышесказанного: «Привлечь Бабеля И. Э. к уголовной ответственности» — старший следователь, лейтенант ГБ Сериков. «Согласен» — начальник следственной части, комиссар ГБ 3 ранга Кобулов. «Утверждаю» — народный комиссар внутренних дел Союза ССР, комиссар ГБ 1 ранга Л. Берия.

«Активный участник антисоветской организации среди писателей...» А между тем среди упомянувших Бабеля в своих показаниях лиц — ни одного писателя. Участник организации, которой еще нет. Арест Бабеля был, по-видимому, «упреждающим»: Берия и его подручные решили создать такую организацию, а доказательства выжать из самих писателей во время следствия. Не было организации — сколотим ее здесь, в тюрьме!

Через 15 лет в решении о реабилитации Бабеля будет сказано: «Что послужило основанием для его ареста, из материалов дела не видно...»

Окончание на стр. 22.

«Я ЗНАЮ, ЧТО ДЕЛАЮ»

К 100-летию со дня рождения Давида КАКАБАДЗЕ

Последнее, что написал автор многих исследовательских работ, было письмо Сталину.

«Уважаемый Вождь и Учитель! Я, профессор с университетским образованием, остался с двумя малолетними детьми без средств к существованию, так как объявлен формалистом. Прошу Вас содействия...»

Письмо датировано 1948 годом, как и решившая судьбу запись в трудовой книжке: «Освобожден от должности профессора живописи тбилисской Академии художеств ввиду необеспечения им воспитания студенчества на основе методов социалистического реализма».

«Содействия» вождь и учитель не оказал. Письма́, по-видимому, не читал. И славу богу.

Отчаянный корреспондент скончался за год до смерти Сталина, от инфаркта, никогда до того, по заверению близких, на здоровье не жаловавшийся. Приступ случился на улице, после завершения странного эксперимента с пространственным изображением владыки, полученным с плоскостного оригинала оптическими средствами. Было решено портрет никому не показывать.

* * *

Давид Несторович Какабадзе — человек чести и долга, аристократ в манерах и облике, ниспровергатель пьедесталов, устоявшихся вкусов и мнений — родился в неприметной деревушке Кутаисской губернии, в семье бедного крестьянина.

В гимназические годы берет уроки у опытного рисовальщика В. Баланчивадзе (дяди будущего прославленного балетмейстера Джорджа Баланчина). Помещает свои рисунки в местных журналах.

В дальнейшем все складывалось непредсказуемо, по возведенной им самим в принцип логике парадоксов.

Успешно окончен физико-математический факультет Петербургского университета. Какабадзе ставит эксперименты по физике твердого тела, делает ряд научных сообщений. И вдруг приглашает ученых коллег на выставку своих живописных работ.

Это выглядело бы забавным для преуспевшего ученого. Но было известно, что старательный экспериментатор параллельно посещает университетские курсы по теории и истории искусств и мастерскую академика живописи Л. Дмитриева, а в 1914 году выступает с манифестом творческого содружества «Интимная мастерская» вместе с Филоновым, Псковитиновым, Кирилловым, Лассон-Спировым.

Молодежь, конечно, эпатировала своим воззванием академическую публику. Но безвестные тогда максималисты призывали к тому, чему следовал каждый, кто оставил после себя след в искусстве: «Завоевателем откровений и тайн сделаться нельзя, не быв чернорабочим искусства. Нужны полчища чернорабочих, чтобы на их костях один-двое дали бессмертные вещи. Цель наша — работать со всей прелестью упорства, так как мы знаем, что самое ценное в картине — это могучая работа человека над вещью, равная своим нечеловеческим напряжением каменным храмам. Это решит вашу участь в день страшного суда искусства и, знайте, день этот близок».

«Страшные суды» были. У каждого — свой. У искусства в целом. И в первую очередь именно у тех, кто упорно работал, созидая храм...

С революцией Какабадзе оставляет «интимную» мастерскую, бросает все и возвращается домой.

Служит в тифлисской гимназии учителем рисования, чтобы через год выставить 60 картин в помещении Храма Славы. Храм оправдывает для Давида свое название: газеты нарекли ряд работ «национальными шедеврами»; Сергей Судейкин признает: «Я знаю, он — мастер. Аскетический труд»; все картины тут же приобретает Национальный музей изобразительного искусства.

Не случайно Давид Какабадзе вместе с другим баловнем судьбы — Ладо Гудиашвили рекомендован Обществом грузинских художников для поездки во Францию в качестве стипендиата, «для совершенствования познаний».

Париж 20-х годов — это половодье художнических школ и направлений, вскружившее голову не одному посягателю на монпарнасские высоты. Пришельцы нередко прочерчивали на парижском небосклоне яркий след, но чаще сгорали, вторгаясь в перенасыщенную ожиданиями атмосферу. Манящий, капризный, требовательный Париж «Ротонды», откуда сотрясали мир идеи Пикассо, Леже, Матисса,— с чем пришли сюда два самоуверенных грузина?

Учиться? Но Академия художеств нашла, что учиться нечему, они состоявшиеся художники, остается лишь найти место под солнцем, примерить к чужому опыту свои традиции.

Какабадзе и Гудиашвили, принципиально разные в творческих подходах и результатах, испытывали одну потребность — осмыслить свое место в искусстве через идеи и практику «реформаторов». Путь был один — в эпицентр, в круг мятежных художников.

«Авангард» оказался чутким на искреннее самовыражение, свободное от заимствований и перепевов. Экзамен Ладо и Давид держали не в респектабельной Академии, а в вулканирующем «Салоне независимых» — знаменитой обители «диких», как в свое время прозвали облюбовавшую Салон группу Матисса, Марке, Брака, Вламинка, Дерена. Показали то, что привезли с собой, и «свой» Париж, увиденный неожиданно и остро.

Модный метр парижской критики Антуан Гальен, открывая имена «восходящих», поставит Какабадзе «выше группировок, стилей и направлений». А поэт Андре Сальмон — неутомимый стратег монпарнасской когорты, соратник Пикассо по авангардистским боям — откроет каталог выставки восторженным напутствием, к которому Давид Какабадзе припишет эти слова: «Я знаю, что делаю».

Самонадеянность? Нескромные вроде бы слова, даже если учесть, что работы художника приобретает Бруклинский музей вместе с полотнами Пикассо, Кандинского, Брака, Леже?

Знавшие Какабадзе подтвердят, что у такого самоутверждения иной смысл: мастер всегда до конца владеет предметом, всегда творит расчетливо и сознательно. Редкое для творческой натуры качество — овладевать замыслом без колебаний и сомнений. И так же решительно поставить точку, бросить и забыть без сожалений, если пришло осознание, что задача исчерпана. Рациональное начало естествоиспытателя.

Какабадзе никогда не эксплуатирует найденное, пусть даже оно принесло признание и обещает стабильный успех.

Странно, но как только признание приходит, художник словно бы бежит от него в совершенно новую идею, к новому началу, к открытию, в котором и заключена, по его мнению, главная потребность творчества.

Поразив новизной даже в абстрактных композициях и кубистических полотнах, обошедших выставки европейских столиц и Нью-Йорка, Какабадзе оставляет Париж, славу и отправляется на север, к Ла-Маншу, в патриархальную Бретань. В тиши рыбацкой деревушки рождается удивительная серия романтических акварелей и неожиданные откровения о восприятии пространства, его пластическом воплощении, о «западной» и «восточной» концепциях пространства.

В Париже он принимает участие в конференциях, читает лекции, издает книги по теории отражения пространства и изобразительных средствах его передачи.

Продолжил Д. Какабадзе свои изыскания о генезисе национального искусства, начало которым положила изданная еще в 1919 году статья об истоках грузинской металлопластики и златоваятеле XII века Опизари. Какабадзе в этом случае был не только исследователем темы, но и зачинателем грузинского научного искусствознания.

В 1922 году Наркомат просвещения республики предлагает Какабадзе вернуться. Художник кратко мотивирует свой отказ: «Я не достиг цели».

Он имел в виду не только личные планы. Какабадзе хлопочет об устройстве в Париже выставки грузинского прикладного искусства, бомбардирует тот же наркомат письмами и гневно выговаривает потом за недостаточно квалифицированный отбор экспонатов.

Но одна парижская история и вовсе стоит особняком от всех прежних устремлений. Какабадзе подает заявку на изобретение новой системы стереоскопического кино.

К стереокино подступались и раньше. Проводились экспериментальные сеансы. Новизна состояла в том, что демонстрация оказывалась возможной без применения специальных очков. Принцип Какабадзе заключался в особой технике съемок и проекции.

Удалось заинтересовать специалистов, сколотить акционерную фирму и в результате двухлетних трудов зарегистрировать авторский патент на изобретение в семи зарубежных странах.

И все. Дальше были необходимы специализированное производство, студия, кадры и огромные средства. Меценатов заезжий изобретатель найти не смог. И вообще далеких планов не строил, так как на чужбине оставаться не собирался.

Скорее всего и этот поиск он рассматривал как художник, видя в иллюзии объемности новые пластические средства. В этом смысле он своего добился. Познал и поставил точку.

За скобки прикладного изобретения он вынес постулат, которому сам следовал всегда: «Если изображаемое остается на плоскости, на которой изображено, и не входит в восприятии зрителя в другое измерение, то оно мертво. Чувство пространства — потребность, природный инстинкт».

Отсюда и поиски его — трехмерные абстрактные композиции, «рельефная» живопись, полихромные скульптуры и столь настойчивые опыты по объемной передаче изображения (будущая голография), которые продолжались до последних дней жизни...

В 1960 году в Париже был издан словарь-справочник по абстрактному искусству. Заметка о Давиде Какабадзе кончается словами: «В 1927 году художник исчез».

Финал в подобающем стиле. В том году художник поставил точку в заграничных вояжах, оставив по себе долгую и добрую память в энциклопедиях и музеях.

Но строка в словаре символична. Никогда больше мир не услышит о том, чем живет и что делает художник, которому по достоинству нашлось место лишь в энциклопедии корифеев модернизма, изданной Бруклинским музеем к 60-летию Кандинского.

По возвращении на родину Какабадзе «исчез» как новатор, некогда в первой шеренге мирового авангарда рушивший салонные устои. Да, были нигилизм и формотворчество, но была и серьезность, значительность поиска, как и полагалось авангардным, а если по-русски, то — передовым, дозорным, идущим впереди. Родина, куда он вернулся, была тогда не в силах это понять.

Новаторство всегда жертвенность. Какабадзе сдался не сразу. И сдался ли?

Чуткий его собрат Ладо Гудиашвили, вернувшийся домой двумя годами раньше, тонко подготовил почву: «Какабадзе своим творчеством создает совершенно новое направление в живописи».

С возвращением Какабадзе художественная общественность связывала определенные ожидания. Ожидания скорее настороженные. Чем, мол, побалует маэстро с пиршественного стола европейской богемы?

На первую же выставку его работ были такие отклики: «Наглядная демонстрация того, в каком тупике оказалась западноевропейская живопись; Какабадзе в слишком близком соседстве с метафизическим миром; безыдейные произведения; художнику лучше подумать, как связать свое творчество с жизнью, производством».

В ответ профессор читает лекции в академической аудитории. Начинает с блистательного анализа импрессионизма. Дает оценки кубизму и сюрреализму как движениям революционным. Соглашается, что искусство может иметь социальные функции, но требует при этом внимания к форме как средству выражения. Тезис о «национальном по форме и социалистическом по содержанию» считает упрощением.

Такого не прощали. Раздался глас свыше. Журнал «Творчество»: «Надо прямо и открыто признать, что значительная часть грузинских художников нисколько не продвинулась вперед в создании исторических полотен, посвященных революционной борьбе вождя, учителя и друга товарища Сталина. Причиной того является непонимание ими основных принципов социалистического реализма». Журнал призвал Комитет по делам искусств при СНК СССР срочно отправить бригаду в Грузию, где положение «вызывает беспокойство».

Бригада прибыла. В публичной дискуссии о формализме Какабадзе признается: «Понимаю, что соцреализм это метод. Но в чем его обнаруживают у конкретного художника? Если в содержании, то содержание само по себе никак не определяет ценности произведения. Следование методу как букве и есть формализм».

Какабадзе парирует реплики: «Что вы вообще видели там, в Европе?» «Я начал с изучения Леонардо, который сказал, что живопись приближается к философии природы». «Но не в вашу пользу». «Разумеется. Я не рисую ГЭС на фоне итальянских пейзажей».

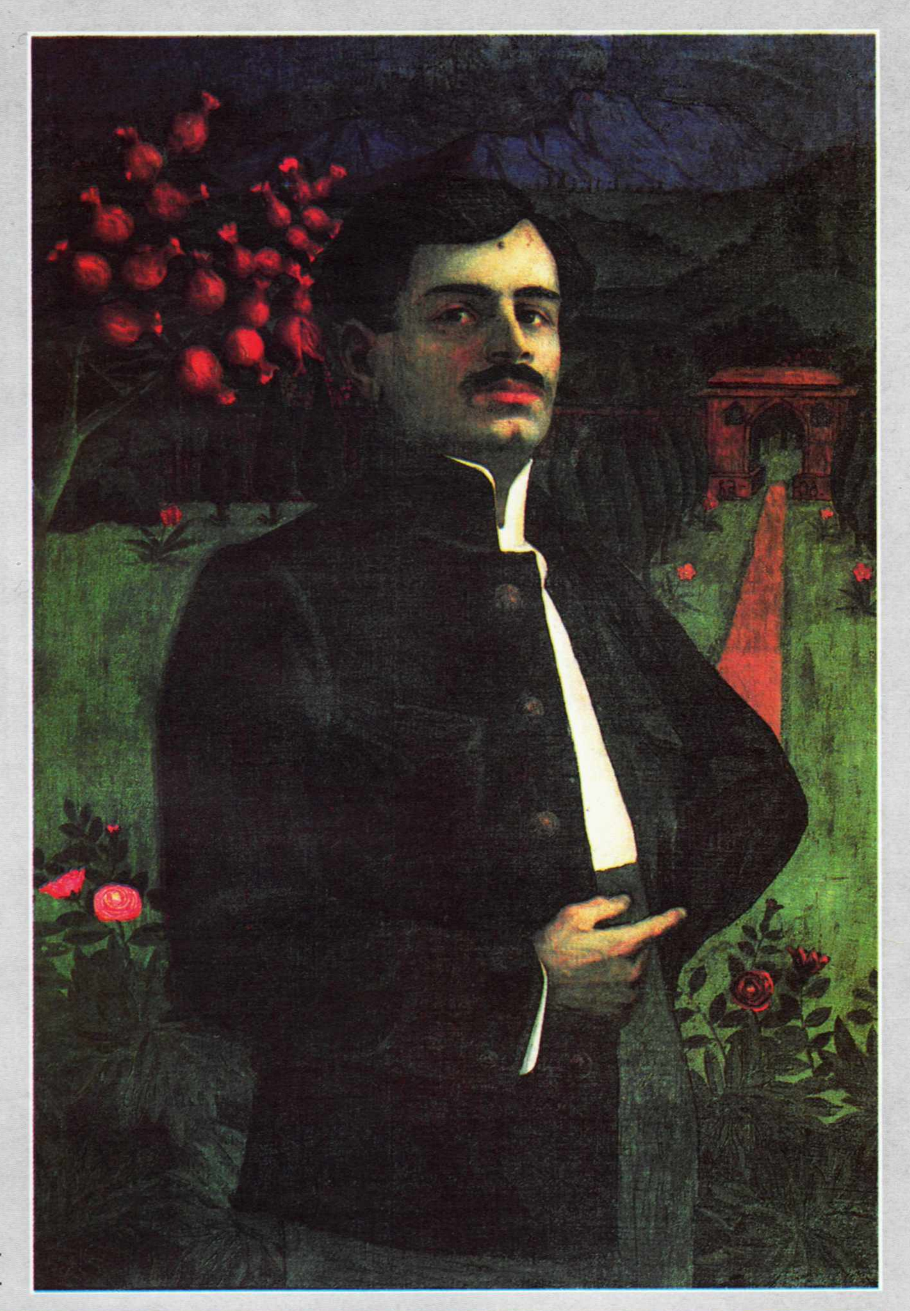
По прошествии лет — интервью газете. Вопрос: «Какабадзе долго молчит». Ответ: «Видимо, таков третий период моего творчества — период молчания. Зато я обошел всю Грузию снова, чтобы по-новому осмыслить пейзаж».

Время для осмысления было. До конца дней — ни одной персональной выставки. Художник вооружается камерой и создает уникальную фотоколлекцию памятников материальной культуры. Составленная им периодизация входит в научный обиход. Фотографии публикует в альбоме «Памятники зодчества» Издательство Академии архитектуры СССР. Но без указания авторства.

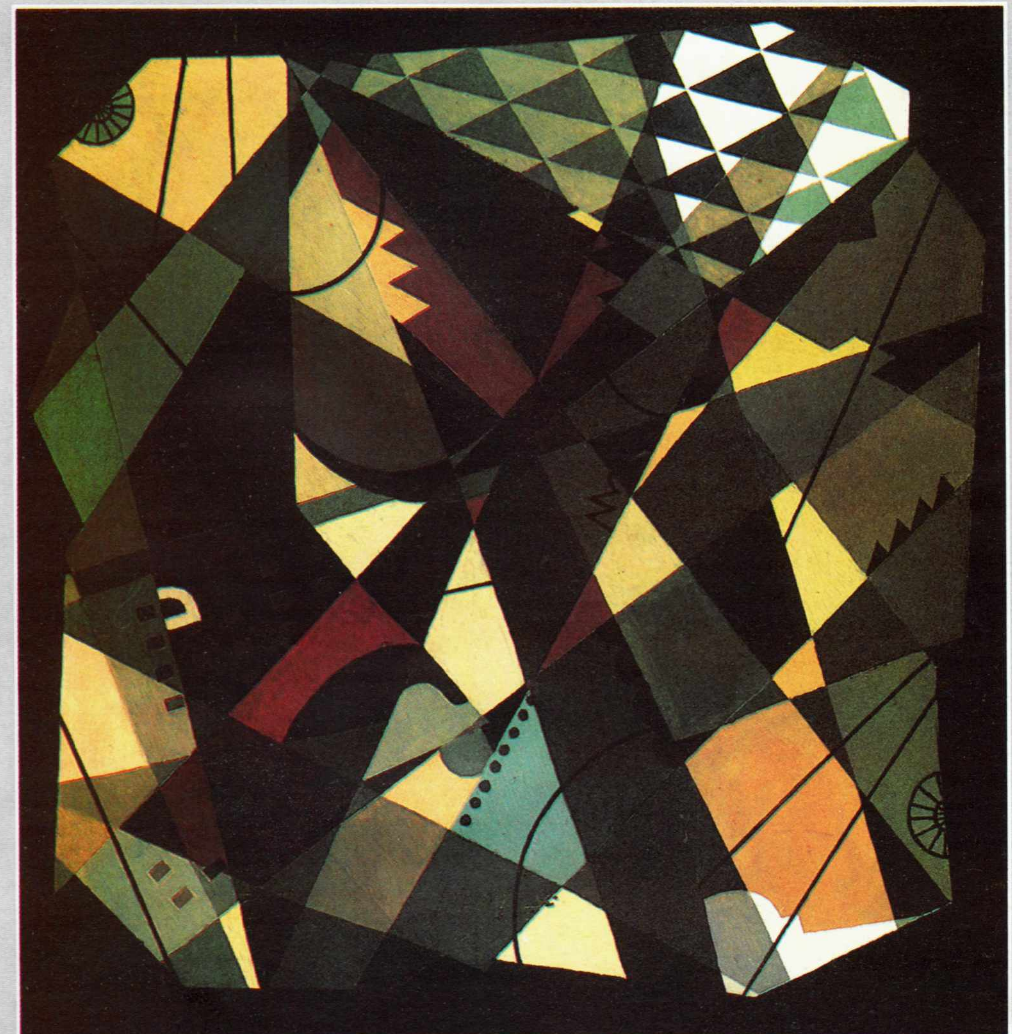
Д. Какабадзе заключает договор с киностудией и снимает документальный фильм. Фильм закрывают на основании заключения агитпропгруппы Союзкино: «Фильм агитационно-пропагандистского значения не имеет. Автор ограничился показом архитектурных памятников, не оценив их с марксистской точки зрения».

На докладе в Академии художеств Какабадзе поднимает вопросы: «Из рук вон плохо поставлена научная работа... Наши учебники не издают... Союзный комитет по делам искусств не считается с местной спецификой... Но ... (здесь докладчик делает паузу) мастера культуры, вооруженные теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, постараются создать образы, достойные сталинской эпохи».

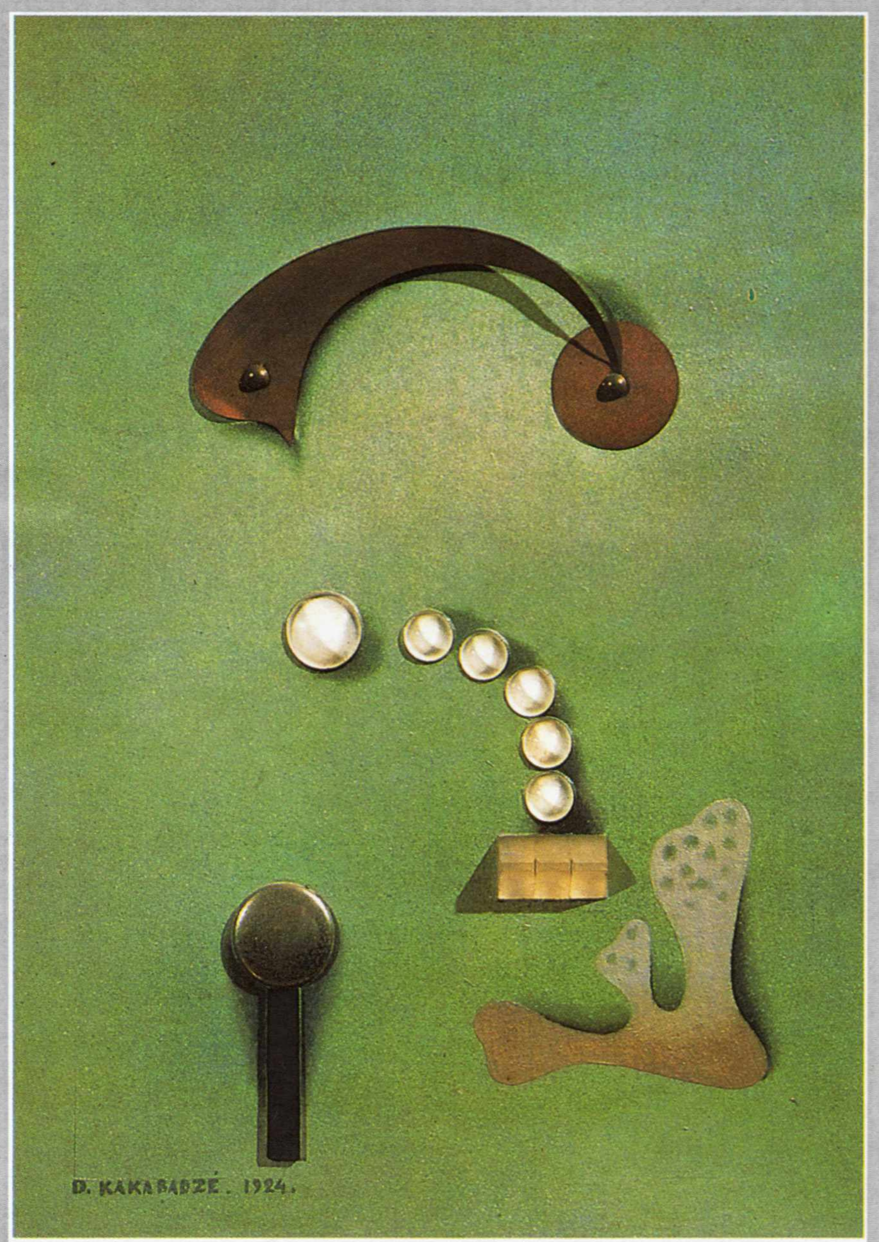
Д. Н. КАКАБАДЗЕ.
1889—1952

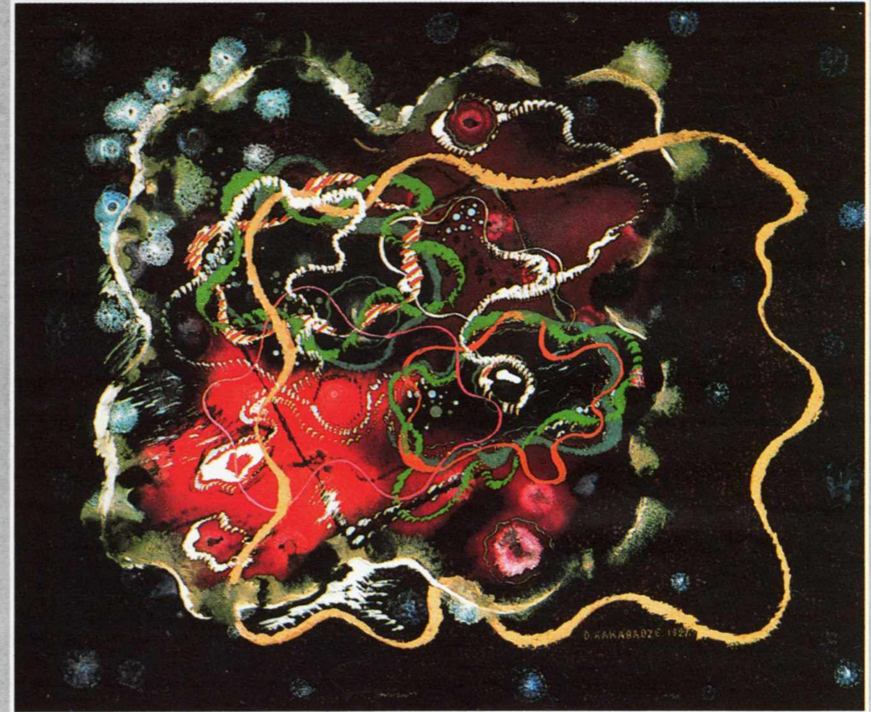


АВТОПОРТРЕТ.
1913.



ПАРИЖ. 1920.





АБСТРАКТНЫЕ ФОРМЫ. 1927.

КОЛЛАЖ. 1924

Последнее не помогло, о чем и свидетельствует запись в трудовой книжке теперь уже бывшего профессора.

Думаю, не только ради поиска средств к существованию художник оформил десятки театральных постановок и кинофильмов. Он привык пробовать себя во всем. Но для себя он возвращается к родным имеретинским пейзажам, к портрету матери на фоне родной земли. Возвращается к тому, с чего начал.

Его вдова Этери Николаевна, сама художник, преподаватель Академии, не так давно получила бесценный для нее дар — изданный в 1950 году Йельским университетом каталог богатейшей коллекции, где о Давиде Какабадзе сказано: «Он был одним из интереснейших современных художников. Не в последнюю очередь из-за безграничной любви к своей Грузии и еще приверженности к научному складу мышления. Постоянно искал новые формы и достиг блестящих результатов в скульптурных рельефах, живописи и акварели. Он был одним из первых, кто внес понятие полихромности формы...»

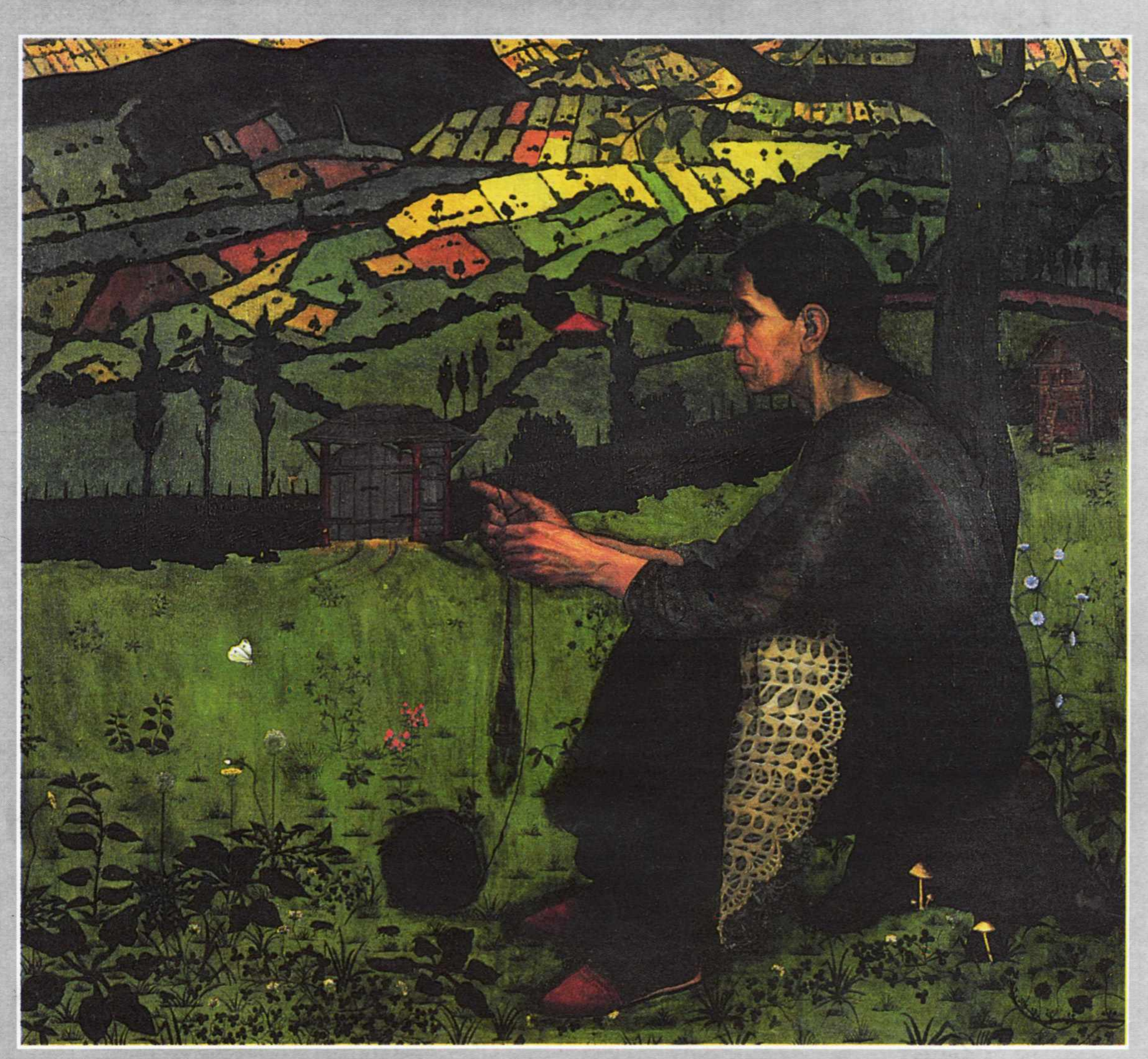
Художник не читал этих строк. Он даже не смог бы сказать, где, когда, зачем приобрел далекий университет его работы и откуда взял добрые слова признания, которых дома тогда не нашлось. Только в 1983 году в Тбилиси и Москве выставляется весь Какабадзе, издается его искусствоведческое наследие и становится доступным архив.

О картинах рассказывать не буду. Грешно описывать их словами, так как каждое искусство уже само по себе есть язык. Он утрачивает всякий смысл в переводе. Даже отличные репродукции не дают представления о том, что следовало бы увидеть.

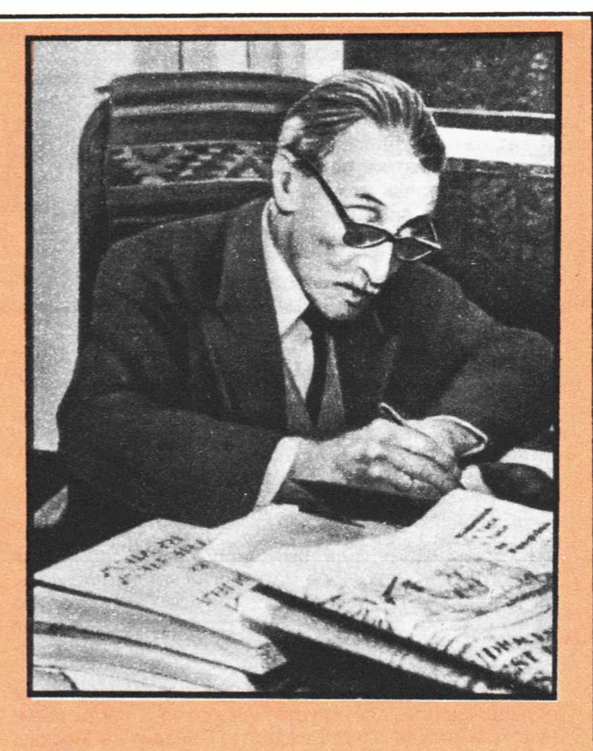
Каково же все-таки место художника Давида Какабадзе в стихии пристрастий, вкусов, сравнений, оценок? Я не знаю ответа на этот вопрос. Мне кажется, что стремление определять всему свое место наивно по отношению к искусству. Каждое творческое откровение — среда особого, неповторимого обитания. Мала ли, велика она во времени, но она всегда часть целого.

В этой величине, быть может, нет прямой жизненной необходимости. Но и без нее нет полноцветия жизни.

Юрий МОСЕШВИЛИ



ИМЕРЕТИЯ — МАТЬ МОЯ. 1918.



«Последний из могикан» русской литературы досоветского периода Борис Константинович Зайцев прожил долгую жизнь. Родился он в 1881 году в Орле, умер в 1972-м в Париже.

Первый рассказ Бориса Зайцева опубликовал Леонид Андреев в московской газете «Курьер». Он же ввел молодого писателя в литературный кружок «Среда», в который, помимо самого Андреева, входили Бунин, Горький, Вересаев, Куприн.

Перед революцией у Б. Зайцева было уже прочное литературное имя: он выпустил к тому времени семь книг, пользовался неизменным уважением всех своих собратьев по перу. (В 1921 году был избран председателем Всероссийского Союза писателей.)

В июне 1922 года по состоянию здоровья Б. Зайцев получил разрешение на выезд за границу. Сперва жил в Италии и в Германии. В 1924 году переехал в Париж, где жил и работал до глубокой старости, все больше, как сказано в «Энциклопедическом словаре русской литературы» Вольфганга Казака (Лондон, 1988), «приобретая славу последнего связующего звена с русской литературой начала XX века — серебряного века русской литературы».

Все писавшие о Зайцеве непременно упоминали о свойственной ему акварельности красок, о нежном, мягком лиризме его прозы. «Борис Зайцев,— писал один из литературных критиков русского зарубежья,— как всегда, читается с тихой радостью, успокаивая и умиляя».

Это упоминание об «акварельности» стало по отношению к прозе Зайцева чем-то вроде постоянного эпитета. И даже сам Зайцев, по свидетельству Веры Николаевны Буниной, однажды заметил: «Ведь я знаю, что жизнь не такая, как я изображаю ее, а между тем иначе я не могу, без этих «акварельных тонов».

Нежная акварельность тонов, мягкий лиризм — все эти качества прозе Бориса Зайцева действительно были присущи. Однако в не меньшей степени ей присущи и другие, прямо противоположные свойства: четкий, точный рисунок, резкие линии. Зайцев умеет быть жестким, ироничным, даже язвительным.

Душевная мягкость не мешала Зайцеву быть сурово непримиримым. Особенно непримирим он был к сталинщине. Тут на него не действовали никакие уговоры, никакие посулы, никакие ссылки на «смягчающие обстоятельства». Ярко свидетельствует об этом история его многолетних отношений с Буниным. Они дружили почти всю жизнь. Очень сблизились в эмиграции. Но после разгрома гитлеровской Германии Бунин, как с присущей ему мягкостью и корректностью выразился Зайцев, «сделал некоторые неосторожные шаги». (Имелся в виду известный эпизод, когда Бунин присоединился к тосту, прославляющему Сталина.)

«...Прямых объяснений не произошло,— вспоминал об этом эпизоде Зайцев,— но он понял, что я против. Тут уже ничего нельзя было поделать. Темпераменты разные, но я не уступал ни пяди. Он более и более раздражался. Озлобленность его росла. Мы перестали встречаться».

Темпераменты у них и в самом деле были разные. Ни в малейшей степени не были свойственны Зайцеву бунинская желчность, бунинская яростность. Но никакими силами нельзя было заставить его изменить свое мнение, свою выношенную, взвешенную, продуманную позицию. В этих случаях он «не уступал ни пяди».

В очерке «Братья-писатели», написанном в 1947 году, Борис Зайцев вспоминает разговор, который затеял с ним А. Н. Толстой перед своим возвращением на Родину:

«— Ты знаешь, кто ты?

— Ну?

— Ты дурак. Ты будешь нищим при любом режиме...» (Это в ответ на то, что Зайцев возвращаться в Россию тогда не хотел.)

Приведя этот выразительный диалог, Зайцев заключает:

«Алексей не ошибся. Нечего говорить, по таланту, стихийности (писал всегда с силой кита, выпускающего фонтан) в России соперников не имел. Прожил жизнь бурную, шумную, но и мутную, со славой, огромными деньгами... Был ли душевно покоен? Не знаю».

Не оспаривая точности предсказания, сделанного ему А. Н. Толстым («Ты будешь нищим при любом режиме...»), Зайцев ничуть не сожалеет о том, что это горькое пророчество сбылось. Воспоминание о Толстом наводит его на мысль о других «братьях-писателях», оставшихся на Родине или возвратившихся туда:

«Вести доходят. Писатели обставлены там отлично. Гонорары огромные... Пьесы приносят много тысяч. Либретто оперы — рента пожизненная. Сергей Городецкий (по молодости тоже приятель) переделал «Жизнь за царя» в «Ивана Сусанина» и получает по тысяче рублей за представление. У Катаева своя дача. Симонов, миллионер, Эренбург подписывает 15 тысяч заем...

Есть премия, есть ордена. Премий порядочно, размер тоже немалый — кто получает 50 тысяч, а кто — 100 и 200... Одним словом, живи да работай...»

И вот вывод:

«Эмигрантство есть драма и школа смирения. Это разговор длинный, отдельный. Драму свою эмигрант-литератор знает. Но вот речь зашла о российских собратьях, о воспоминаниях, о чужих судьбах. Могут спросить — как же относится здешний писатель к ремеслу своему в России: жалеет ли, что с Толстым не поехал, завидует ли дачам, автомобилям и тысячам?

Ответ простой (за себя): не жалеет. Каждый живет, как ему следует... Одни банкиры и миллионеры, а другие пешочком или в метро. И без вилл. Это ничего. Зато вольны. О чем хочется писать — пишут. Что любят, того не боятся любить. Какой образ художника получили в рождении, какой дар у кого есть, тот и стараются пронести до могилы. В меру сил приумножить. А богатство, успех... Нет, зависти нет.

Есть другое. За многое мы жалеем собратьев наших. Жалостью не высокомерною, а человеческой. Мы желаем им хартию вольности, желаем тем из них, кто художники, а не дельцы, чтобы их художество могло процветать свободно. Чтобы страшный склад жизни не уродовал человека. Чтобы голоса стали людскими, а не граммофонными. Чтобы они ничего не боялись».

В этих спокойных словах весь Зайцев: мягкий, но неуступчивый, доброжелательный, но твердый, не гнущийся, непримиримый.

Публикуемые нами очерки и воспоминания взяты из книги Бориса Зайцева «Москва» (1939).

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПШЕНИЦА

Борис ЗАЙЦЕВ

Годы после войны прожили мы в деревне, тульском имении отца. Не могу сказать, чтобы нас обижали. Меня не только не убили, но и заложником не взяли. Не лишили и крова. Я занимал по-прежнему свой флигель. Мне вернули книги, реквизированные во время моей отлучки: все Соловьевы и Флоберы, Данте, Тургеневы и Мериме не без торжественности возвратились (в розвальнях) домой — на родные притыкинские полки. Правда, пришлось воевать: молодой, бешеный коммунист в Кашире, местный министр просвещения, библиотеки не хотел возвращать. Когда жена моя явилась к нему с разными «мандатами», он отказался их исполнить. В исступлении кричал:

— Вижу, что подпись Каменева! Пусть Чека из Москвы едет, пусть меня расстреляют, не отдам народного достояния!

— Да ведь это муж на свои деньги чуть не всю жизнь собирал...

— Ваш муж и так все знает — зачем ему книги, а народ жаждет просвещения...

В товарище Федорове, или Федулине, была искренность. Он искренне ненавидел нас, по его мнению, угнетателей народа. Малограмотный — искренне полагал, что «народ» жаждет прочитать Вячеслава Иванова и «Образы Италии» Муратова. Хуже, конечно, было то, что половина книг оказалась на французском языке. Комическое же состояло в Чеке: из Москвы жене удалось достать столь грозные бумаги, что ими можно было припугнуть каширского Сен-Жюста. К чести его, он не испугался.

— Хотя бы сам Карл Маркс пришел и потребовал — не отдам. Пускай расстреливают, наплевать.

Через несколько же дней потух, успокоился и сдался на простое соображение: книги для меня орудия производства.

— Орудия производства мы обобществляем, — хмуро сказал было сначала.

— Да, в капитализме. Но я кустарь-самоучка.

На самоучку возражать не пришлось. Народ моими книгами не просветился.

Слух же о том, что «молодой барин» может раздобыть такой мандат, по которому и книги возвращают, в деревню проник. Это укрепляло наше положение.

Жили мы с крестьянами отлично, все-таки не вредно было иной раз показать свое могущество.

В начале революции Кускова и Осоргин издавали в Москве кооперативную газету — очень приличную. Я там кое-что печатал. Писали иногда и обо мне. И вот раз, во флигеле, жена показала некоей собирательной Анютке номер газеты.

— Ну, видишь это, чье тут имя?

Анютка по складам прочла.

— Бариново.

— А тут?

Та не без трепета разобрала:

— При-ты-ки-но.

Жена сложила газету.

— А дальше сказано, что если барина хоть пальцем тронут, так деревню артиллерией снесут... Понятно?

В тот же вечер вся деревня это знала: артиллерия Кусковой и Осоргина выступила на мою защиту.

* * *

К осени 20-го года выяснилось, что семян для озимого у нас мало. Еще мать могла кое-что посеять, на деревне же у крестьян почти все было съедено (т. е. остатки реквизиций и разверсток). Жуткая вещь — очутиться без семян! Сограждане мои забеспокоились. Да и нам приходилось туго.

И тогда пришла мне странная (но к революции подходящая) мысль: спуститься прямо в пасть львиную, что-нибудь оттуда выудить. Съездить в Москву, добыть семян у того самого «правительства», которое нас обирало.

Нерадостно вспоминаешь поездки того времени: тряску в телеге, мытарства с разрешениями, билетами, забитые толпой вокзалы, запакощенные вагоны. Только осенние поля наши, крестцы овсов, запах мякины, конопли в деревнях, теплый дымок над трубами, спутанные лошади в ложочке — вечный пейзаж России — всегда прекрасны. В Кашире пришлось прожить целый день. Мы останавливались у знакомой дамы — железнодорожницы. Привозили ей ковриги хлеба, а она выхлопатывала билеты. От скуки забрела на митинг — в это время воевали с Польшей. Попали как раз на речь приятеля нашего библиотечного. Он громил с эстрады перед сотней слушателей Польшу. От волнения побледнел, задыхался, грозил кулаком, но «панская Польша» ему не давалась, все он кричал:

— Товарищи, покажем империалистам польской панши...

Или:

— Польская панша, вооруженная до зубов...

Слушатели равнодушно принимали паншу — может быть, даже больше так нравилось — за Окой видны были синеющие леса, августовское солнце бледнело, и тощи казались деревца, запыленные в садике. Русь, Кашира! Пусть Дворянская называется улицей Карла Маркса, но такая ж скакучая мостовая на ней, такие ж булыжники, пыль, запах дегтя, заборы, и так же милы сады каширские — многояблочные, многовишенные, — над ними звонят колокола белых церквей.

Тяжким, ночным путем добрались до Москвы.

Через несколько дней удалось побывать и у Каменева. Он дал записку к комиссару земледелия. Тот и должен был все сделать.

Комиссар Середа помещался со своим учреждением на Пречистенском бульваре, в доме Управления Уделов. Ясным утром осенним подходил я, не без волнения, к этим Уделам: некогда гостил тут Тургенев, здесь читал друзьям «Дворянское гнездо», а теперь вот приходится подыматься по лестнице, в чемто убеждать, чего-то просить у какого-то Середы... Ничего не поделаешь: голод есть голод.

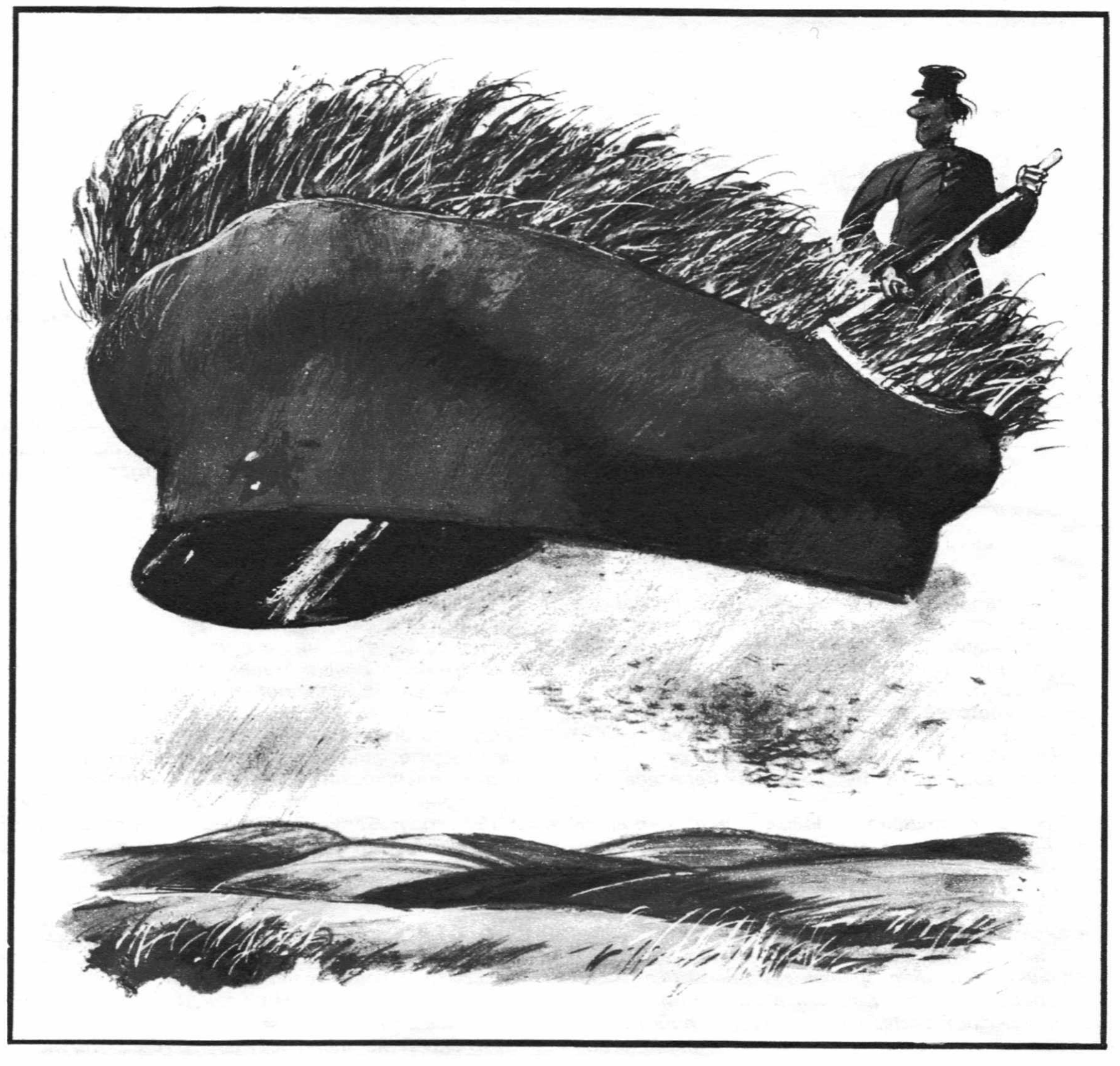
И не сразу, конечно, дался Середа. Плотненькая, но приветливая барышня, секретарша, потомила, однако каменевское имя имело вес. Провели в угловой, огромный кабинет, весь залитый солнцем. На большим столом увидал я черную народническую бороду (наверно, в этой комнате — лучшей — и жил Тургенев!).

Думаю, Середа был не большевистской закваски, а эсеровской и общеинтеллигентской: что-то человеческое, более мягкое в нем чувствовалось. Над столом он сгибался, как сотрудник «Русских ведомостей», тяготел к общине, летом, наверно, ходил в калошах. Бороду утюжил под Михайловского.

Я ему передал прошение наших крестьян, подтвердил, что положение вправду тяжелое, рассказал об общине — одним словом, получился разговор двух народолюбцев семидесятых годов. Середа успел разгладить, вновь завертеть свою бороду, опять разутюжить ее и признал, что без семян сеять трудно.

Опять секретарша, машинки, печати — и через день по всем правилам предписание складу: выдать гражданам сельца Притыкина столько-то пудов семян озимой пшеницы.

Успех настолько удивительный, что за него простишь и Тургенева, и дом Уделов.



Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

* * *

«Мандат» мой произвел в деревне впечатление огромное. Крестьяне в осторожности своей и вековечной подозрительности не очень-то сначала и поверили (все Дуньки и Анютки мигом перекинули победу из нашей кухни на деревню). Но на сходке я документ показал. Его ощупали, обнюхали, осмотрели: все в порядке!

Надо было решиться на одно: обозом двинуться в Москву, оттуда привезти семян — таково условие подарка. Начались разногласия. Мудрецы утверждали: что-нибудь тут да не так. Почему это ни с того ни с сего двести пудов пшеницы? И без возврата? На это ответили: а как же книги вернули? Он, барин-то, ты не смотри, что у себя во хригеле все книжки читает. Он свой интерес понимает: у бабушки (так называли мою мать) семянов тоже нет, он и хлопочет...

Взяло верх мнение, что ехать надо. Мы считались «гражданами сельца Притыкина», и от нашего двора выехал гражданин Климка, наш работник, знаменитый святою своей дуростью. Баба Авдотья голосила что у ней нет лошади и подводы, «а семенов-то и на моих дармоедов, на моих праликов надо» (у ней были дети) — ей решили уделить сообща. После долгих сборов, споров, проволочек обоз наконец тронулся. До Москвы сто тридцать верст, осень сухая, дней в пять-шесть обернутся...

Не без волнения ждали мы их. Мандат мандатом, но ведь Бог их знает, комиссаров...

На седьмой день Климка въехал на серой кобыле во двор — с нагруженным, укрытым брезентом возом.

— Что ж, хорошо в Москву съездил?

Климка был человек сумрачный, неразговорчивый. Да и слова не особенно гладко из него шли.

— Москва-то тебе понравилась?

— Понравилась... понравилась. Я тебе семянов привез... а ты... понравилась.

«Семянов» привез не один Климка — вся деревня.

— Даже замечательной пшеницы дали, — рассказывал на другой день Федор Степаныч, наш приятель и «комиссар деревни», неглупый, бойкий человек, из бывших приказчиков. Он немного кашлял, шея у него замотана шарфом.

— Так что, знаешь-понимаешь, не задаром в Москву съездили... И мужики премного вам благодарны.

Началась моя слава. Слава вообще связана с ужасом, особенно в «народных массах». Некоторый тихий ужас возник и вокруг моего «хригеля». Если возвращают книги, дают семена, если Кускова с Осоргиным угрожают артиллерией, значит же... И в те дни случалось, что в дверь ко мне раздавался стук. Отворял ее робкий посетитель откуда-нибудь из Мокрого, Оленькова, даже с Мордвеса.

— Значит, как мы слыхали, что вы очень до семянов ходовиты, то селение наше и кланяется, а насчет чего прочего мы завсегда поблагодарим...

Выходило что-то из «Ревизора». Бобчинский с Добчинским не являлись, но плакалась и баба, и вообще, будь у меня характер Хлестакова, я мог бы процвесть.

Но Судьба не так долго держала меня на подмостках.

Пшеницу посеяли. Кто подоверчивей — всю. Мудрецы (в том числе Федор Степаныч) смололи ее и пустили на пищу, а посеяли из остатков урожая, хотя зерном пшеница была превосходная: с Северного Кавказа.

Она взошла удивительно. На вечерних прогулках нередко я любовался ее мощной густой изумрудной зеленью. Стебелек к стебельку, как под щетку. Уже грач мог почти прятаться в ней, когда начались заморозки. Утром зеленя стояли седые — спутанные лошади, которые паслись на них, оставляли темнозеленые следы и борозды.

И, к удивлению моему... стал я замечать, что днем всходы не так изумрудны. Они бледнели, с каждым днем прибавлялись погибшие стебельки.

Через несколько дней с нашей же кухни пришло известие: пшеница вся вымерзла. Середа подкузьмил — вместо озимой дал яровую.

* * *

— Куда же вы смотрели, когда брали? — спрашивал я Федора Степановича.

— Оно, действительно, вышло ошибочно, но на глаз она что озимая, что яровая одинаково оказывает, никак не разберешь, да и начальство спутало...

Я не могу и тут жаловаться: слава моя уходила под горизонт, наподобие солнца, медленно и непоправимо, но лояльно. Меня никто не укорял. Но в дверь больше не стучали, ходоков не присылали, и вокруг меня устанавливалась прохладная пустота.

Впрочем, это были последние вообще мои месяцы деревенские: с падением Перекопа и мы отступили на Москву.

ПАСТЬ ЛЬВИНА

Памяти недавно скончавшегося Я. Л. Г.

Всякому, кто Москву знает, ясно, что за Никитским бульваром, почти параллельно ему, идет Мерзляковский переулок (прямо к «Праге»), а около него ютятся разные Скатертные, Хлебные, Столовые и другие симпатично-хозяйственные: барская, интеллигентская Москва.

Скатертный, д. № 8, в нижнем этаже помещалось писательское содружество — «Книгоиздательство писателей». На началах артельных выпускали там альманахи и собственные сочинения Бунин, Шмелев, Вересаев, Телешов, Алексей Толстой, Сургучев, я, другие. Управлял делами некий Клестов. Предприятие было поставлено основательно. Книги авторов прочных, альманахи отлично шли, писатели зарабатывали.

Войну книгоиздательство выдержало, даже преуспело. В революцию произошла такая вещь, что Клестов отошел к большевикам, Бунин, Толстой, позже Шмелев уехали. Остались книжные склады, Вересаев, Телешов да я. Клестов издали, но по старому знакомству покровительствовал. Власти не закрывали — частью не доглядели, да и Вересаева настоящая фамилия Смидович. Значит, большая рука в правительстве.

Мы кое-что продолжали печатать, кое-как держались. Благодаря различным комбинациям дипломатическим в 21-м году председателем оказался я: выбрали оставшиеся пайщики.

* * *

Вместо Клестова хозяйством заведовал теперь секретарь, старичок Яков Лукич. Прежде он служил бухгалтером в лабазе на Ильинке — худенький, носил очки, сгорбленный, несколько напоминал Ключевского. Имел какое-то отношение к старообрядцам — работник был замечательный и человек дотошный. К нам относился сочувственно, но слегка покровительственно, как к людям книжным, непрактическим. Я покорно подписывал разные бумажки, какие он мне подавал, а он посматривал на меня иногда строго, маленькими глазками, из-под очков. Я немного смущался. Что понимаю я в его бухгалтериях? Того и гляди поставит «неполный балл», как некогда инспектор в гимназии.

Раз, в начале апреля, захожу в издательство. Яков Лукич расстроен — сразу видно.

— У нас маленько затрудненьице-с...

— Что такое?

— Выселяют. Что, мол, за писатели такие, вы больше контрреволюционеры, да и то ни черта не издаете. А мы коминтерн. И квартиру вашу заберем, и типографию.

— Невесело, Яков Лукич.

— До веселья даже весьма далеко.

— М-м... Что же мы будем делать?

Яков Лукич призадумался.

— Что ж тут поделаешь... Аки в пасть львину махнем. На двенадцатое число — изволите видеть? — он показал бумажку,— назначено заседание, в Московском Совете. Коминтерн выступит. Ну и мы... тово, не должны бы лицом в грязь ударить. Мы же кооперация, не забудьте! Трудовое товарищество, и зарегистрированы, и книжечки издаем, работаем...

— Отлично. Вы с Викентием Викентьичем и займетесь...

Яков Лукич ухмыльнулся не без яду.

— Нет-с уж, какой там Викентий Викентьич. В бумажке прямо сказано: объяснения должен дать председатель правления.

— Да ведь у Викентия Викентьича брат в Совете...

— Мало бы что. Сказано — председатель, они иначе и разговаривать не станут... Да ведь и вы с товарищем Каменевым знакомы-с? Чего же проще.

Правление наше вполне подтвердило взгляд Якова Лукича: идти мне, а секретаря взять с собой — для справок, отчетности и тому подобного.

У Подколесина было окно, куда выскочить. Мне — куда же? Значит, надо идти.

* * *

Апрельский мягкий день. Лужи, почки на тополях, нежная московская дымка над полузамученным городом.

Дворец генерал-губернатора. Стучат машинки, входят и выходят товарищи, аккуратные барышни бегают. У входа два красноармейца.

— Я вчера у св. Андрея Неокесарийского в толковании к Апокалипсису читал-с... да, я теперь знаю уж точно... насчет коминтерна-с...

Яков Лукич, в потертом пальто, сильно закутав платком шею, в огромных калошах, входил со мной в вестибюль. Мрачный у него был вид. Хорошо бы закрестить всю эту дьявольскую чепуху.

Мы подали кому следует свою бумажку, сколько надо, ждали, потом нас попросили в зал заседаний. Узкая комната с окном на площадь. Длинный стол, в центре Каменев, по бокам «товарищи», больше молодежь.

— Ваше дело теперь скоро,— шепнула барышня.— Можете здесь побыть.

Каменев сидел несколько развалясь, побалтывая под столом ногой. Ботинок снят, очевидно, натер. Он председатель Совета, а тут заседание президиума. «В самое ихнее пекло и попали-с...» — шепнул Яков Лукич. И стал разбирать свои бумажки. (Там у него подробно, тщательно было разрисовано, какие мы когда выпускали книги, в каком количестве, как работала типография и т. п.)

Нельзя, впрочем, сказать, чтобы по виду пекло было страшное. Каменев кивнул почти любезно, «разбойнички» имели тоже веселый вид — слесаря, вроде приказчиков, булочники, некоторые с залихватскими вихрами. Во френчах, кожаных куртках. Тоже поглядывали на нас с любопытством. «Про Короленку, Владимира Галактионовича, не забудьте, про Короленку»,— шептал Яков Лукич. «Что, мол, такого знаменитого писателя тоже издаем. Они его уважают. И Кропоткина... Гаршина, обязательно надо...» «Яков Лукич, а как бы это не наврать, какой у нас с первого-то января баланс?» Яков Лукич не без раздражения тычет ведомость с колонкой цифр — все это я приблизительно знаю, да вдруг собьешься перед коминтерном. «Я уж ведь вам показывал-с... А ежели, извините, собьетесь,— только уж не уменьшайте...»

Нельзя отрицать, симпатичные молодцы действовали решительно. До нас были дела тоже мелкие, хозяйственные по Москве. Отпуск дров районному Совету, ремонт казарм, довольствие пожарным москворецкой части. Долго не разговаривали. Раз, два — готово. По правде сказать, темп и решительность даже понравились мне.

Наконец:

— Дело книгоиздательства писателей и коминтерна... Кто присутствует? А, председатель, так. Сядьте сюда. Коминтерн? Товарищ Герцберг. Слушаем. Товарищ, изложите свою претензию.

Товарищ Герцберг оказалась сытенькая, стриженая бырышня еврейского вида. У ней тоже была какая-то папка, она разложила ее. Я сел рядом, справа Яков Лукич. «Про Толстого-то, Толстого не забудьте»,— побледнев, зашептал Яков Лукич. «Он хоть Алексей, а для них вполне за Льва сойдет».

О, если бы слышала это товарищ Герцберг! Но она поводила плечами в кожаной незастегнутой куртке, напирала грудями на свою папку и сразу пошла галопом.

— Товарищи, так называемое книгоиздательство писателей в прежнее время издавало реакционную литературу, но вот уже два года находится в полном интеллигентском параличе...

То ли слишком велик был ее азарт, то ли она не подготовилась, но ничего лучшего для нас и представить себе нельзя было. Она утверждала, что мы существуем лишь на бумаге, книг не издаем, квартира пустует, типография не работает...— в то время, как бедный коминтерн теснится, жмется в каких-то углах, у него нет ни помещений, ни достаточного количества типографских машин.

Говорила быстро, по-одесски. Все знает, все понимает товарищ Герцберг. Даже удивлена, что ей, представительнице могучей организации, приходится доказывать... (таков был тон).

Всякое собрание есть театр. На каждом представлении родится атмосфера, спасающая пьесу или ее губящая. Не ту ноту взяла товарищ Герцберг — и сразу это почувствовалось.

Пугачевцы недовольны. Что-то говорят друг другу вполголоса. Неприязненно улыбаются. (Позже мы узнали, что у Московского Совета именно тогда и были нелады с коминтерном.)

— Товарищ, кратче,— сухо сказал Каменев.

Она рассердилась и стала еще красноречивей.

— Хорошо, все ясно. Представитель другой стороны.

Не нужно было быть ни Маклаковым, ни Плевакой, чтобы по шпаргалке прочитать, сколько книг и на какую сумму издали мы в этом году. (При имени Кропоткин, Толстой — победоносные усмешки на лицах слесарей.) На следующий месяц предположен

Короленко — избранные сочинения... Типография работает. В квартире издательства телефон и постоянные часы приема.

Коминтерн нервно попросил слова. Опять митинговая речь.

«Гаршина-то, Гаршина позабыли...» — шептал сбоку Яков Лукич тем тоном, как некогда, в молодости, говорил мне объездчик Филипп на охоте: «Эх, барин, опять черныша смазали!» Но теперь сам коминтерн на нас работал.

Каменев наконец вмешался:

— Все это, товарищ, известно. Вы повторяетесь. Мы теряем время.

— Довольно, довольно,— раздалось кругом.

Каменев предложил высказаться президиуму. Сказано было всего несколько слов. Трудовое товарищество работает — и пусть работает. Издает великих писателей, как Толстой. Мешать не надо.

Товарищ Герцберг, не спросясь, перебила говорившего, вновь громя нас. Каменев рассердился:

— Товарищ, я лишаю вас слова. Мнение президиума? Да. Так. Постановлено: коминтерну отказать. Секретарь, следующее там что у вас?

* * *

Через полчаса мы сидели уж в Скатертном. Мимо окон проходили прохожие. Закат сиял за Молчановками, Поварскими. Недалеко особняк Муромцевых. Недалеко дом Элькина, где когда-то мы жили. Мирная, другая Москва.

— Что ж, Яков Лукич, пасть львина уж не так страшна? Победили мы с вами коминтерн — два таких воеводы?

— Изумляюсь, поистине...

Он встал и отворил шкафчик.

— Тут у меня на лимонной корочке настойка есть, то и следовало бы по случаю поражения иноплеменных чокнуться.

Нашлись две рюмки. И мы чокнулись.

— Разоряют Москву, стервецы-с,— сказал вдруг грустно Яков Лукич.— До всего добраться хотят, это что-с, квартира наша, типография. Пустяки. Подробность. Они глубже метят. Им бы до святыни дорваться...

Он помолчал.

— А что мы с вами так фуксом выскочили, это действительно...

— И то слава Богу, Яков Лукич. Я не надеялся.

Он вдруг засмеялся тихим смехом, погладил стол, кресло.

— Все теперь опять наше.. И квартира, и типография. А как вы скажете, ежели по второй?

Выпив, Яков Лукич поднялся. Невысокий, сгорбленный, показался он мне дальним потомком дьяков московских, родственником Ключевского. Трепаная бороденка — не то хвост лошадиный, не то редкие кустарники по вырубкам.

— У св. Андрея Неокесарийского про этот самый коминтерн весьма даже ясно сказано...

И, трижды показав дулю невидимому врагу, обернулся ко мне. Что-то строгое мелькнуло в умных его глазках.

— А Гаршина вы все-таки изволили позабыть.

М. О. ГЕРШЕНЗОН

Если идти по Арбату от площади, то будут разные переулки: Годеинский, Староконюшенный, Николо и Спасопесковский, Никольский. В тринадцатом номере последнего обитает гражданин Гершензон.

Морозный день, тихий, дымный, с палевым небом и седым инеем. Калитка запушена снегом. Через двор мимо особняка тропка, подъем во второй этаж, и начало жития Гершензонова. Конец еще этажом выше, там две рабочие комнаты хозяина.

Гершензон маленький, черноволосый, очкастый, путано-нервный, несколько похожий на черного жука. Говорит невнятно. Он почти наш сосед. Иной раз встречаемся мы на Арбате в молочной, в аптеке или на Смоленском.

Сейчас, мягко пошлепывая валенками, ведет он наверх. Гость, разумеется, тоже в валенках. Но приятно удивлен тем, что в комнатах тепло. Можно снять пальто, сесть за деревянный, простой стол арбатского отшельника, слушать сбивчивую речь, глядеть, как худые пальцы набивают бесконечные папиросы. В комнате очень светло! Белые крыши, черные ветви дерев, золотой московский купол — по стенам книги, откуда этот маг, еврей, вросший в русскую старину, извлекает свою «Грибоедовскую Москву», «Декабриста Кривцова». Лучший Гершензон, какого знал я, находился в этой тихой и уединенной комнате. Лучше и глубже, своеобразнее всего он говорил здесь, с глазу на глаз, извивался, мучительная ущемленность была в нем. Вот кому не хватало здоровья! Свет, солнце, Эллада — полярное Гершензону. Он перевел «Исповедь» Петрарки и отлично написал о душевных раздираниях этого первого в средневековье человека нового времени, о его самогрызении, тоске.

Но, разумеется, Гершензону приятно было и отдохнуть. Он отдыхал на александровском времени. И в мирном разговоре, под крик галок московских тоже отдыхал.

* * *

Я заходил к нему однажды по личному делу, и он помог мне. А потом — по «союзному»: Союз писателей посылал нас с ним к Каменеву «за хлебом». Так что в этой точке силуэт Гершензона пересекается в памяти моей со «Львом Борисовичем». Есть такой рассказ у Чехова: «Толстый и тонкий»...

* * *

О Каменеве надо начать издали. В юношеские еще годы занес меня однажды случай на окраину Москвы, в провинциальный домик тихого человека, г. Х. Там было собрание молодежи, несмотря на безобидность хозяина, напоминавшее главы известного романа Достоевского или картину Ярошенки. Особенно ораторствовал молодой человек — самоуверенный, неглупый, с хорошей гривой. Звали его Каменевым.

Прошло много лет. В революции имя Каменева попадалось часто, но ни с чем для меня не связывалось: «тот» был просто юноша, «этот» — председатель Московского Совета, «хозяин» Москвы. Что между ними общего?

Однажды вышел случай, что из нашего Союза арестовали двоих членов. Правление послало меня к Каменеву хлопотать. Он считался «либеральным сановником» и даже закрыл на третьем номере «Вестник» Чека за открытый призыв к пыткам на допросах.

Чтобы получить пропуск, пришлось зайти в боковой подъезд бывшего генерал-губернаторского дома на Тверской, с Чернышевского переулка. Некогда чиновник с длинным щелкающим ногтем на мизинце выдавал нам здесь заграничные паспорта.

Теперь, спускаясь по лестнице с бумажкою, я увидел бабу. Она стояла на коленях перед высоким «типом» в сером полушубке, барашковой шапке, высоких сапогах.

— Голубчик ты мой, да отпусти ты моего-то...

— Убирайся, некогда мне пустяками заниматься.

Баба приникла к его ногам.

— Да ведь сколько времени сидит, миленький мой, за что сидит-то...

...У главного подъезда солдат с винтовкой. Берут пропуск. Лестница, знакомые залы и зеркальные окна. Здесь мы заседали при Временном правительстве, опираясь на наши шашки — Совет офицерских депутатов. Теперь стучали на машинках барышни. Какие-то дамы, торговцы, приезжие из провинции «товарищи» ждали приема. Пришлось и мне подождать. Потом провели в большой, светлый кабинет. Спиной к окнам за столом сидел бывший молодой человек Марьиной рощи, сильно пополневший, в пенсне, довольно кудлатый, более похожий сейчас на благополучного московского адвоката. Он курил. Увидев меня, привстал, любезно поздоровался. Сквозь зеркальные стекла слегка синела каланча части, виднелась зимняя улица. Странный и горестный покой давала эта зеркальность, как бы в Елисейских полях медленно двигались люди, извозчики, детишки волокли санки. В левом окне так же призрачно и элегически выступали ветви тополя, телефонные проволоки в снегу, нахохленная галка...

Мы вспомнили нашу встречу. Каменев держался приветливо-небрежно, покровительственно, но вполне прилично.

— Как их фамилии? — спросил он об арестованных.

Я назвал. Он стал водить пальцем по каким-то спискам.

— А за что?

— Насколько знаю, ни за что.

— Посмотрим, посмотрим...

Раздался звонок по телефону. Грузно, несколько устало, сидя, поджимая под себя ноги, Каменев взял трубку — видимо, лениво.

— А? Феликс? Да, да, буду. Насчет чего? Нет, приговор не приводить в исполнение. Буду, непременно.

Положив трубку, обратился ко мне:

— Если действительно не виноваты, то отпустим.

Мне повезло. Арсеньева и Ильина удалось на этот раз выудить.

* * *

Что могло нравиться Гершензону в советском строе? Быть может, то, что вот ему, нервно-путаному, слабому, но с глубокой душой, «тип» в полушубке даст по затылку? Что свирепая, зверская лапа сразу сомнет и повалит все хитросплетение его умствований? Но легко ли ему было бы видеть этого типа у себя в Никольском, в светлой рабочей комнате и в другой, через коридорчик, где у него тоже стояли книги? Гершензон не раз плакался на перегруженность культурой. В нем была древняя усталость. Все хотелось приникнуть к чему-то сильному и свежему. Истинно свежего и истинно здорового он так и не узнал, все лишь мечтал о нем в подполье. И, стремясь к такому, готов был принять даже большевистскую «силушку» — лишь за то, что она первобытно-дика, первобытно-яростна, не источена жучком культуры.

После случая с Ильиным и Арсеньевым я приобрел репутацию «спеца» по Каменеву. Считалось, что я могу брать его без промаху. Так что в мелких писательских бедах направляли к нему меня.

Одна беда надвигалась на нас внушительно: голод. Гершензон разузнал, что у Московского Совета есть двести пудов муки, с неба свалившихся. В его извилистом мозгу вдруг возникла практическая мысль: съесть эту муку, т. е. не в одиночку, а пусть русская литература ее съест. Наше Правление одобрило ее. И вот я снова в Никольском переулке, снова папиросы, валенки, пальто с барашковым воротником, несвязная речь, несвязный ход гершензоновских ног по зимним улицам Москвы...

Без радости вспоминаю эти малые дела тогдашней жизни, более как летописец. Что веселого было в восторженном волнении Гершензона, в его странном благоговении перед властью? В том, что мы, русские писатели, должны были ждать в приемной, подгоняемые голодом? В том, что Гершензон патетически курил, что Каменев принял нас с знакомой «благодушной» небрежностью, учтиво и покровительственно? Заикаясь и путаясь, Гершензон говорил вместо «здравствуйте» «датуте», весь он был парадокс, противоречие, всегда склонное к самобичеванию, всегда готовое запылать восторгом или смертельно обидеться. Рядом с ним Каменев казался ярким обликом буржуазности, самодовольства и упитанности — торжествующего и «культурного» мещанина.

Да, на каких-то мельницах Московского Совета, правда, залежалось двести пудов, и мы, по-своему даже должны быть благодарны Каменеву: мука попала голодающим писателям. Но... «ходить в Орду» невесело.

И далее картина: Смоленский бульвар, какой-то склад или лабаз. Морозный день. Бердяев, Айхенвальд, я, Вяч. Иванов, Чулков, Гершензон, Жилкин и другие — с салазочками, на них пустые мешки. Кто с женами, кто с детьми. Кого заменяют домашние. В лабазе наш представитель, И. А. Матусевич, белый от муки, как мельник, самоотверженно распределяет «пайки» (пуд, полтора). Назад везем мы их на санках, тоже овеянные питательною сединою, по раскатам и ухабам бульвара — кто на Плющиху, кто к Сивцеву Вражку, кто в Чернышевский. Ну, что ж, теперь две-три недели смело провертимся.

* * *

В эти тяжелые годы многое претерпел Михаил Осипович Гершензон. Много салазок волок собственным горбом, по многим горьким чужим лестницам подымался, много колол на морозе дров, чистил снег, даже голодал достаточно. Он упорно и благородно боролся за свою семью, как многие в то время. Семью любил, кажется, безмерно. Знал великие скорби болезни детей, их тяжелой жизни и переутомления. Стоически голодал вместе со своею супругой, отдавая лучшее детям, за тяготы этих лет заплатил ранней смертью.

Как всякий «истинный», не сделал карьеры при большевиках. Как Сологуб, писал довольно много для себя, но сдался раньше его. Гершензон умер в 1925 году.

...Гершензоновой могиле кланяюсь.

Юрий РЯШЕНЦЕВ

СЛОБОДСКАЯ МОЛИТВА

Целый день на бечевках летало белье,
возносились подштанники к солнцу. А вечером
воронье прекращало срамное вранье —
распускалась гармонь на колене калеченом...
Бог, прислушайся к «хромке», к фальшивым
басам,
к перебранке бездельника с вором и сторожем —
может, в нас Ты поверишь и выживешь сам
в нашем жильном народе, не врущем,
так стонущем.
Видишь, тихий стукач за окошком, и тот
в заблужденье введен, вот и губит из логова:
сын-то Твой обещался, а сам не идет —
или это не грех — обнадежить убогого?
Мы, земляне, торговый народ — не гневись:
мы за так, ни за что и готовы, и рады бы,
да фальшивою «хромкой» фальшивую жись
не избыть. Что ж корить нас за скорби
и надобы?..
Ангелок на ампирном кривом флигельке
хулиганит, дурит — сирота, безотцовщина.
А вальсок у безногого в левой руке
хоть куда! Да вот в правой руке —
не особенно...
Мы: и двор наш, и флигель, и «хромка», и я —
мы еще постоим, позвучим да помолимся,
да в разгар динамического бытия
и водой из-под шины державной умоемся.
Умереть? Но — от гордости иль от стыда?
Воспарить? Но отринешь ли думу законную:
что́ как в Божьей Вселенной Земля — слобода:
вчуже сходит и кровь за герань заоконную...

ПОДМОСКОВНАЯ ПЛАТФОРМА

Подмосковных теремков лазурь да охра —
Крекшино, Алабино, Катуар.
Перед дождичком в четверг
среда не просохла:
от людей и от скотины —
пар, пар, пар...

На платформе столяры да кожемяки,
дачница, молочница, морячок.
Дед со скуки иль с тоски
подает нам знаки:
все, мол, знаем, а не скажем,
знаем —
и молчок!

Это все родня твоя, по веку — не по крови,
милая, немилая, а родня.
Что же ты, красавица,
вскидываешь брови?
Али папка, чин большой, не давал ремня?

Что же ты, некрасовка, тудыть, пушкинианка,
морщишься, топорщишься на скамье?
А гульба гусарская — не та же пьянка?
Или слов таких не знала
в мамкиной семье?

Брось! Какая вера вам!
Да и чем гордиться:
незнаньем? неприятием?
Все «не», да «не», да «не»...
Здесь стая непробудная.
Ты в ней простая птица.
«Трансваль, Трансваль, страна моя» —
все — по уши в огне!
Но посмотри:
над волей рощ,
на небе мокром —
скошенный, отточенный серп луны.
Все при нас, моя зазноба:
это меч Дамоклов.
Мы — дамокловичи, детка. Тем-то и сильны.

ТУШИНСКАЯ ПЕСЕНКА

Чай, четвертый День Победы на дворе!
Горько тешится народная обида.
Ох, и ясны прохоря на блатаре...
Ох, занозистый протез у инвалида...

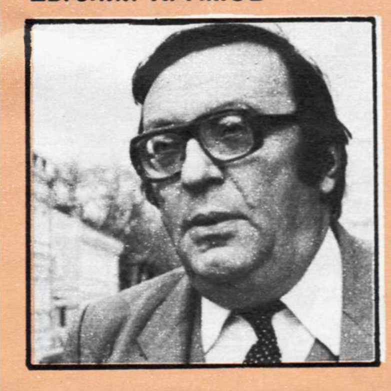
Инвалид не знает удержу в речах,
он ерошит кудри сыну-малолетке
и кричит на весь квартал о стукачах —
да не слушайте вы, лестничные клетки!..

Из-под танка он уполз не целиком,
чтобы сгинуть в зарешеченном вагоне...
Пригляди ты, вор в законе, за сынком,
как отцом его займется Вождь в законе.

В ПОСЛЕДНИХ ЧИСЛАХ ОКТЯБРЯ

На ямбах пушкинских воспитанный сезон,
а до чего негармоничный по нутру!..
Но нам, в Хамовниках, дивиться не резон
ни грому в полночи, ни снегу поутру.
Природе общество — хоть дальняя родня,
Однако общее нет-нет да и мелькнет.
Функционер, живущий около меня,
став жертвой пленума, нет-нет да и кивнет.
По крови русский, вологодский искони,
ну, наконец-то он и жребием — русак:
и жил, и в ус себе не дул, а вышли дни —
не угадал, не превзошел, попал впросак!..
Не плачь, бедняга, поживи, как все живут:
с улыбкой дерзкой да с проглоченной слезой —
под этим небом, где легки на скорый суд
баллоны тяжкие со снегом и грозой.

Евгений ХРАМОВ



ФЕВРАЛЬ

Ряд Суконный, ряд Обжорный,
Торг Грибной и Скобяной...
Облик площади Базарной
Вместе с каланчой пожарной,
С колесницею позорной
Возникает предо мной.
Чай из расписного блюдца...

Ты б хотел туда вернуться?
Побывать, хотя б во сне?
Не...
А как же ветер невский,
Добролюбов, Чернышевский
И курсисточка в пенсне?
Не — все это не по мне.

Я другие вижу даты
И другие чую дни:
Ярко-алые заплаты
На папахах солдатни.
Волки воют на столице,
Продувает Первый март
Перепуганную птицу —
Императорский штандарт.

А пока полки из Пскова
То ль идут, то ль не идут,
На мосту городового
Бьет революцьонный люд.
А пока моторы рыщут
И в дворцах, как во гробах,—
Нахлебаемся винища
Мы в Удельных погребах!
На руинах самовластья
Времени порвалась нить.
Нет на свете слаще сласти —
С ходу власть переменить!

Поднялись пригороды,
Двинулись окраины.
Перед нами — ироды,
А за ними — каины.
Что ж это делается?
Что ж это получится?
На кого надеяться?
Кто за все поручится?

А ты поглядывай,
да помалкивай,
Да кусок
в свою торбу
заталкивай...

ПРИГЛАШЕНИЕ В ПОЛЬШУ

I

На станции Брест выяснилось, что приглашение, по которому я ехал в Польшу, я забыл в Москве. Пограничники предложили мне выйти из вагона...

...И собрал я вещей своих ворох —
половину подрастерял.
Точно Троцкий на переговорах,
я надолго в Бресте застрял.

Ах, товарищи, паньство, пане,
как рвалась к вам моя душа!..
В брестском я сидел ресторане,
рядом — местных два алкаша.

Пузырилась их речь, шипела:
«Уважжаешшь?.. Да, ув-важжаю...»
А я слышал сердце Шопена:
«Приглашаю тебя, приглашаю...»

Прибыл Рижский и отбыл Минский,
и меня вдруг кто-то спросил:
«Пригласил Вас Войцех
Гелжинский?»
Разве только он пригласил?

Облака на небе забугском
и Мазурских озер осины
зашептали мне: «Не забудьте —
мы Вас первыми пригласили...»

И добавила голос Познань
к Лодзи, Кракову и Варшаве:
«Что ж Вы так надумали поздно —
Мы Вас так давно приглашали!»

Может, сам я не знал, не ведал
в суматохе любого дня —
все победы Польши и беды
приглашали всегда меня.

Ее било, терзало, мяло,
но, гордясь своею судьбой,
ожел бялый и поляк малый
меня звали наперебой.

Безнадежный бой Вестерплятте,
уходящий из Гдыни «Орел» —
каждый, кто был в «Пролетариате»,
приглашал меня, звал и вел.

Цитадели последние вылазки,
изможденные лики пражан,
Михаил Муравьев,
граф Виленский,
ненавидя, меня приглашал!

К этим рощам, фольваркам, гимнам
мы, где б ни были рождены,
по заслугам своим и винам
все навеки приглашены.

II

М. Б.

Пиши мне по-польски, по-польски,
по-польски!
Нельзя языку чужому доверить
тревогу, и радость, и все,
что измерить
ты с детства умела только
по-польски.
Вот так же, как ты закричала —
германы,
вот так же, как ты прошептала:
«Муй боже...»—
пиши мне «тенкснота», пиши мне
«коханый»,
а я разберусь, мне память поможет.

Мне память поможет, мне сердце
подскажет,
и снова дорога за окнами ляжет.

По Польше, окрашенной краской
зеленой,
по Польше, окрашенной желтою
краской,
по Польше полуночной,
незаселенной,
от Лужицкой Нисы до
Бялы Подлясской.

И лезут Силезии трубы за тучи,
и кости костелов крепки и надежны.
По Польше горячей, по Польше
горючей,
по Польше беспечной, по Польше
тревожной.

По Польше, лежавшей от можа
до можа,
по Польше, летевшей пылинкою
в небо...
По Польше, которой никто
не поможет,
по Польше, которой помоцы
не тшеба.
По Польше, по Польше
все больше и больше.
Без лести и фальши
все дальше и дальше.

МУНДИР

Часто в нашей печати достается тем, кто «спасает честь ведомственного мундира». А если посмотреть на этот мундир? Каков он? Как выглядел во времена прошлые и как выглядит сейчас?

Анатолий КУЦЕНКО

К современности советская система ведомственных знаков различия докатилась эдакой волной, то вздымающейся огромным валом с пеной на гребне, то опадающей почти до штиля. А взяла разбег эта волна в 1919 году, в рядах только что созданной Красной Армии. Вначале дело ограничивалось цветными петлицами на воротниках гимнастерок, позднее к ним добавились нарукавные знаки различия — красные суконные треугольники, квадраты и ромбы. С 1924 года эти геометрические фигуры в металлическом исполнении стали носить на петлицах.

Армия положила начало, да это и понятно, ведь армия — законодательница мод в деле учреждения новых знаков различия. И в наши дни сохраняется порядок, при котором проект новой формы любого гражданского ведомства должен быть согласован с соответствующим управлением Министерства обороны. Для чего, спросите вы. Да, очевидно, для того, чтобы в каком-нибудь очередном ведомстве не придумали, не дай бог, такие мундиры, перед которыми померкнет блеск армейского обмундирования. Ведь не зря же в 1935 году Председатель СНК СССР В. Молотов подписал постановление «О ношении формы и знаков различия, подобных или сходных со знаками РККА», где четко и ясно с высоты общегосударственного уровня указывалось: «Воспретить...». Что же вызвало к жизни столь строгий указ?

В использовании основ геометрии для изобретения петличных знаков различия Красная Армия не осталась одинока. Да и могло ли быть иначе? Ведь административная система всегда стремилась ввести, где можно и даже где нельзя, общий ранжир, единую униформу, начисто лишающую человека индивидуальности. По тому же пути двинулись другие ведомства: на петлицах работников наркомата путей сообщения появились полукруг, пятиугольник, шестигранник; в органах НКВД ввели для милиционеров петличные эмблемы в форме щита. Вскоре, однако, выяснилось, что количеством одинаковых щитков на петлицах невозможно отразить все многообразие рангов растущего репрессивного аппарата. Поэтому знаками различия сотрудников органов внутренних дел стали армейские «кубики» и «шпалы», только окрашенные не красным, а синим цветом.

В том же 1935 году в РККА вводились персональные воинские звания — от лейтенанта до Маршала Советского Союза. С этого дня квадраты, прямоугольники и ромбы в петлицах приобретали особый смысл и значение. Разве можно было допустить что-то похожее на форменных мундирах других ведомств? «Ношение командным и начальствующим составом знаков различия, не соответствующих присвоенному командному или специальному воинскому званию... преследуется по закону».

Однако, несмотря на строгое ограничение, мундирный раж стал охватывать ведомства, к которым форменная одежда шла как «корове седло». Малым тиражом, но издал брошюру с описанием собственной форменной одежды наркомвод (?). Для головных уборов работников тяжелой промышленности изобрел цветные кокарды наркомтяжмаш. Кроме того, на фотографиях второй половины 30-х годов можно видеть и другие попытки введения обязательных атрибутов форменной одежды. К примеру, петлицы жизнерадостных девушек, увлеченных парашютным спортом, украшает маленький самолетик-биплан; на воротнике степенного специалиста сельского хозяйства приколоты крест-накрест коса и грабли...

6 января 1943 года в Красной Армии были введены погоны. На следующий день газета «Красная звезда» писала по этому поводу: «...Мы, законные наследники русской воинской славы, берем из арсенала наших отцов и дедов все лучшее, что способствовало поднятию воинского духа и укреплению дисциплины». При этом как-то забывалось, что это «лучшее» в годы гражданской войны было символом принадлежности к белой армии. В то время белогвардейцев именовали не иначе, как «золотопогонниками», вкладывая в это слово максимум презрения.

Но времена меняются, а вместе с ними — и знаки различия. И как когда-то Николай II лично утверждал новые образцы форменной одежды для каждого из полков, рот и батальонов

АДМИНИСТРАТИВНОЙ

СИСТЕМЫ

русской армии, так Сталин 40 лет спустя выбирал то же самое, но с советской символикой. Правда, до полков и батальонов дело не дошло; ограничились родом войск, с одной стороны, и персональными воинскими званиями — с другой.

Один из удивительных памятников этой непростой затеи — введения погон в армии рабоче-крестьянского государства — висит нынче в фондах Государственного исторического музея. Это длиннополый сюртук цвета морской волны с пышными золотыми эполетами на плечах. В центре золотой мишуры цветным шелком вышит Герб СССР. Говорят, правда, Сталин проявил «вкус» — выгнал из кабинета всех, кто «привел» к нему на утверждение этот проект формы Маршала Советского Союза...

Следом за армией снова стройными рядами двинулась в пошивочные мастерские административно-командная система, нашедшая мощный довод для новой одежды. В нормативных документах того времени подчеркивалось: «Введение знаков различия способствует повышению авторитета командного, руководящего, инженерно-технического и административного состава ведущих органов государственного управления и народного хозяйства...»

Первыми снова были железнодорожники — по примеру Красной Армии в сентябре 1943 года для работников стальных магистралей вводятся погоны особого образца с внушительным набором эмблем, отражающих специфику отрасли. Через несколько дней утверждаются погоны для прокурорско-следственных работников Прокуратуры СССР, еще через две недели — для сотрудников наркомата иностранных дел. Особый всплеск административной моды пришелся на послевоенные годы: форменные мундиры с оригинальными эмблемами стали носить чиновники более 20 ведомств и министерств. В их числе министерства финансов и заготовок, геологии и нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии, электростанций и связи, главные управления геодезии и картографии, гражданского воздушного флота, горного надзора, таможенной службы и многие другие.

Учреждение новых знаков различия каждый раз сопровождалось соответствующей публикацией в прессе. Центральные газеты отводили под рисунки погон или петлиц целые полосы, а в приводимых рядом описаниях всем советским гражданам доводилось к сведению, что погоны «изготавливаются из серебряного галуна особого переплетения на суконном подбое». Те, кого это касалось или совсем не касалось, могли прочесть о ширине и цвете кантов, количестве нашивок и звездочек, диаметре пуговиц и эмблем. Дело дошло до того, что полупогоны, или так называемые «контрпогоны», носили в 50-х годах студенты горных факультетов всех вузов нашей страны, а школьники щеголяли хоть и без погон, но в «настоящих» мундирах с форменными пуговицами, бляхой на поясе и кокардой на форменной же фуражке.

Любовь к мундиру становилась поистине всенародной. С кителем не расставались даже после выхода в отставку или на пенсию. Для отставных офицеров и офицеров запаса в армии в 1946 году учредили дополнительные зигзагообразные полосы на погонах. Вслед за армией, опять же по уже устоявшейся традиции, право пожизненного ношения знаков различия было введено и в значительном количестве «обмундированных» гражданских ведомств. Стремление административно-бюрократической системы одеть всех поголовно в форму естественно и органично вытекает из тех «принципов», которыми и сейчас многим очень непросто поступиться. По мундирам ведь сразу видно, кто есть кто. А вместе с тем — и кому чего положено...

Но если введение ведомственных знаков различия проходило с помпой, под звуки фанфар и торжественных речей о сохранении чести новой формы, то отмена этих знаков (вместе с рангами и чинами) была осуществлена незаметно, без публикаций об этом в газетах. 12 июля 1954 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене персональных званий и знаков различия для работников гражданских министерств и ведомств».

Теперь многое в прошлом. И все-таки бюрократической системе есть что «спасать» и сегодня, причем в прямом, а не в переносном смысле. Ведь мундир позволяет выделиться из окружения, подняться над ним. Словом, был бы повод, а новый мундир найдется. К тому же, чем еще можно так сразу подчеркнуть какое-то новое качество, пусть даже внешне? Встречают-то по одежке...

Вот и у таможенников нашелся повод. В 1986 году Главное таможенное управление освободилось от многолетней опеки Министерства внешней торговли СССР. Обретение самостоятельности решено было, конечно же, ознаменовать введением новых форменных мундиров с новыми знаками различия. Отныне и до следующего повода «начальствующий и рядовой состав» учреждений Государственного таможенного контроля, следуя лучшим традициям форменного обмундирования русских чиновников, будет носить на службе особые «наплечные знаки» и новые эмблемы на воротниках. Эти самые «наплечные знаки», которые трудно назвать погонами из-за расположения их не вдоль, а поперек плеча *, поражают глубиной разработки темы и оригинальностью замысла: аналог можно обнаружить только до 1917 года.

Увы, пока существует форменная одежда, искать и находить новые ее разновидности будет кому. И отнюдь не на почве любительского интереса. Уже в наши перестроечные дни (а я бы еще добавил: буквально у нас под носом) в Министерстве обороны решили... передвинуть звездочки на погонах военнослужащих. К дефициту мыла, стирального порошка и — скажем скромно — некоторых продуктов питания добавился и дефицит погон! Интересно было бы узнать, в какую сумму народных средств обойдутся эти несколько миллиметров на плечах нашего офицерского корпуса... А, казалось бы, всего-то...

Словом, очевидно, следует ожидать продолжения этой дикой ведомственной игры с переодеваниями, поскольку цель ее по-прежнему лежит на поверхности: с момента рождения и до наших дней «коллекция» форменных различий подчеркивает яркостью и дороговизной чиновного шитья основополагающий принцип командной системы. Как говорится, кто главней, тот и красивей...

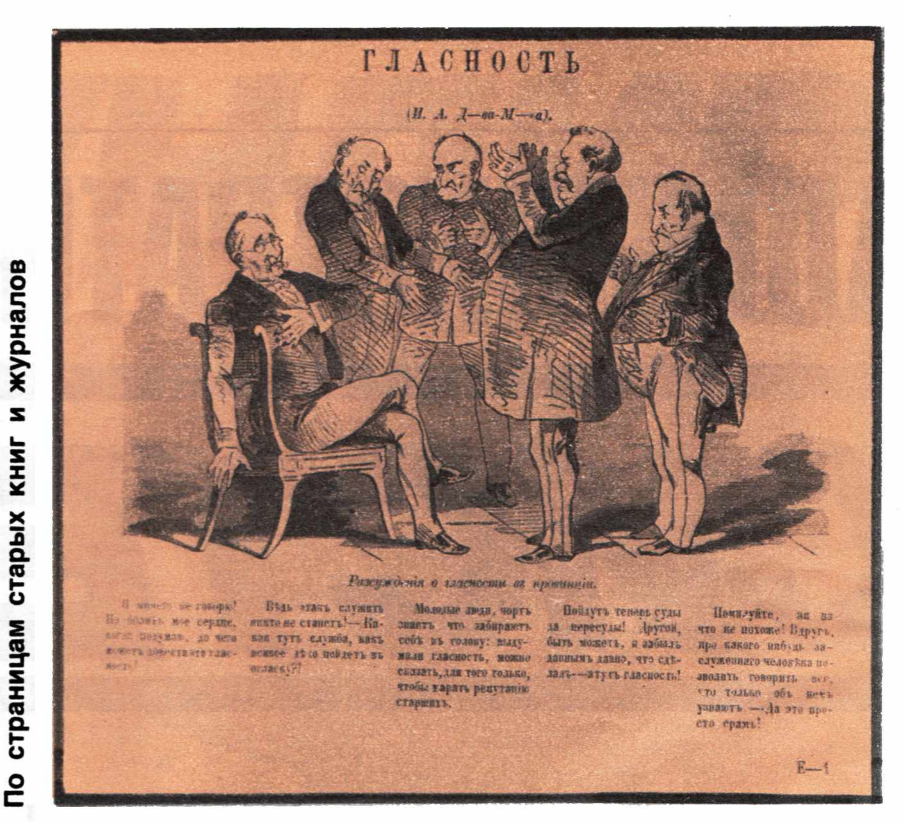
Робкую попытку нарушить этот принцип предприняли в Министерстве угольной промышленности. Особые знаки различия, вполне способные конкурировать с елочными украшениями, носят с 1975 года на своих черных мундирах почетные шахтеры. В то же время специальный отдел министерства озабочен дефицитом совершенно исключительного галуна, отсутствие которого не дает возможности достойно украсить рукава кителя самого министра. Кесарю — кесарево, а министру — в соответствии с должностью...

И снова поток, от которого рябит в глазах, набирает утраченную было силу...

---

* С мая 1988 года новые «наплечные знаки» были расположены все же вдоль плеча, что свидетельствует о немалых внутренних резервах ГТК.

Разсужденія о гласности въ провинціи.



Разсужденія о гласности въ провинціи.

По страницам старых книг и журналов

ЛИБЕРАЛЫ

Ярослав ЯРОСЛАВЦЕВ,
кандидат исторических наук

Считается, что слово «оттепель» в политический словарь ввел Илья Эренбург. Однако это не так. Словам «оттепель», «гласность», «перестройка», «застой» не 30, а, как минимум, 130 лет. Меняются исторические эпохи и общественные формации, переосмысляются политические термины, но в конкретных спорах дня сегодняшнего необходимо и ощущение исторической перспективы.

Отдел литературы

«Либерал — свободно мыслящий человек, человек, преданный свободе правления».
«Объяснение 1000 иностранных слов, употребляющихся в русском языке».
М., 1859 г.

В середине 1850-х годов русское общество осознало, что находится в глубоком кризисе.

Федор Тютчев писал: «Подавление мысли было в течение многих лет руководящим принципом правительства. Следствия подобной системы не могли иметь предела или ограничения — ничто не было пощажено, все подверглось этому давлению».

В годы николаевского царствования люди стремились уйти «в себя», в обществе снижались и размывались нравственные критерии. Как отмечал тот же Тютчев, «всё и все отупели». П. Я. Чаадаев безрадостно констатировал: «В России все носит печать рабства — нравы, стремления, просвещение и даже вплоть до самой свободы, если только последняя может существовать в этой среде». Конечно, минимальные способы сохранить независимость у людей оставались. «На что уж, кажется, надежное средство было в старые годы гробовое молчание? — вспоминал о николаевском времени писатель В. А. Слепцов.— Но скоро... убедились, что и на это всесильное оружие не всегда можно рассчитывать, что и оно не всегда может служить знаком согласия и что, если, например, все громогласно выражают одобрение, то молчание одного человека может быть принято за отрицание».

Доносительство становилось нормой поведения для «истинного патриота». В таких условиях либеральные идеи могли существовать и развиваться лишь в относительно небольших кружках, в дружеских беседах и спорах их участников, «западников» и «славянофилов» николаевских времен.

Конец 1840-х — начало 1850-х годов были особенно тяжелыми. Как отмечал один из современников, «с 1848 года до начала Крымской войны прошло время для нас столь же однообразно, сколько и тягостно. Администрация становилась все подозрительнее, придирчивее и произвольнее». Последовавшее вскоре поражение в Крымской войне показало полную несостоятельность российской административно-крепостнической системы и способствовало резкому росту либеральных настроений в обществе.

Об умонастроениях русского общества в годы войны можно судить по словам известного мемуариста Е. М. Феоктистова. Он писал: «Одна мысль, что Николай выйдет из борьбы победителем, приводила в трепет. Торжество его было бы торжеством системы, которая глубоко оскорбляла все лучшие чувства и помыслы образованных людей и с каждым днем становилась невыносимее...» Славянофилы, восторженно приветствовавшие вступление страны в войну, постепенно стали все более критически осмысливать положение дел, обнаружившееся в ее ходе.

Смерть Николая I была воспринята как очень важный рубеж. «Смерть Николая больше нежели смерть человека, (это) смерть начал, неумолимо строго проведенных и дошедших до своего предела,— писал А. И. Герцен в «Полярной звезде» (которую он, покинув страну, начал издавать в Лондоне).— Россия сильно потрясена последними событиями. Что бы ни было, она не может возвратиться к застою». Новые ощущения удачно выразила в своем дневнике В. С. Аксакова: «Все невольно чувствуют, что какой-то камень, какой-то пресс снят с каждого, как-то легче стало дышать...»

Наступало время, которое Ф. И. Тютчев тогда же назвал пережившим века словом «оттепель».

«Многими... начало овладевать желание обновиться, произвести коренную перестройку...— вспоминал В. А. Слепцов.— Впрочем... каков должен быть план этой перестройки, никто не мог сказать наверное. Потребность тем не менее чувствовалась довольно сильно и с каждым днем высказывалась все больше и больше...»

Именно стремление добиться существенных перемен, произвести *перестройку* и заставило русское общество в буквальном смысле слова *заговорить*. Как свидетельствовала Е. А. Штакеншнейдер, началось настоящее «словоизвержение... объясняемое лишь тридцатилетним молчанием».

В эти годы идейными центрами «неформального» общественного движения стали петербургское окружение К. Д. Кавелина, а также кружок А. В. Станкевича в Москве. В середине 1850-х годов произошло принципиальное сближение К. Д. Кавелина с Б. Н. Чичериным, быстро выдвигавшимся на позицию одного из лидеров русского либерализма. Союз Кавелина и Чичерина, их совместная практическая деятельность во многом способствовали становлению либеральных сил.

Широкое распространение в это время получила

Онъ. — Мнѣ кажется, Шанечка, что у тебя уже слишкомъ все открыто.
Она. — Я и не намѣрена ничего скрывать — теперь время гласности

рукописная литература. По рукам ходили многочисленные списки статей на общественно-политические темы; важнейшее место среди них занимали рукописи, исходившие от либералов. В особенности следует отметить статью Б. Н. Чичерина «Восточный вопрос с русской точки зрения», резко критиковавшую все стороны государственной политики России.

Важное значение имела и программная записка К. Д. Кавелина «Об освобождении крестьян». Эта записка, по свидетельству Д. А. Корсакова, «среди помещиков поселяла не только удивление, но просто страх: они читали ее, тщательно затворив предварительно двери».

В статье Н. А. Мельгунова «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России» современников, помимо прочего, поражала язвительная критика аппарата государственной власти. «Бюрократизм развит в такой степени,— говорилось здесь,— с целью подчинить всех надзору и опеке». «Долго еще оставаться в губительном застое? — восклицал Мельгунов.— Пора встрепенуться. Но, чтоб нас разбудить и вызвать к полезной деятельности, для того нужна — повторяем опять и готовы повторять беспрестанно — нужна гласность... Гласность! Великое слово! Одна гласность в силах оградить нас от беззаконий правосудия... поднять нас и облагородить».

Из славянофильского «самиздата» вышли дельные, имевшие общественный резонанс записки и статьи Ю. Ф. Самарина, К. С. Аксакова, А. И. Кошелева.

Рукописная литература позволяла широким либеральным кругам глубже уяснить себе сущность выдвигаемых требований. Кроме того, она давала либералам возможность ощутить свою общность. Люди, передававшие друг другу рукописные статьи, организовывавшие их переписывание, объективно оказывались связанными между собой уже определенной *общественно-политической деятельностью.*

* * *

Верховная власть и сама понимала невозможность продолжать прежний курс. Уже в манифесте по поводу окончания Крымской войны в обтекаемой форме была высказана мысль о необходимости преобразований в стране. Один из наиболее популярных поэтов тех лет, В. Г. Бенедиктов, писал в связи с манифестом:

Царь, призывая вас к мольбе
За этот мир любви словами,
Зовет вас к внутренней борьбе
Со злом, с домашними врагами.

Александр II, вступивший на престол в 1855 году, был человеком, как представляется, весьма разумным, имел, по словам современника, «доброе, горячее и человеколюбивое сердце». Глядя из исторической перспективы сегодняшнего дня, следует наконец отдать этому государственному деятелю должное и прямо сказать, что он *правильно* оценил критическую ситуацию в стране, *своевременно* и *в целом успешно* провел ряд сложнейших реформ, имевших для России огромное значение.

Эти решения дались императору очень непросто, поскольку был он вместе с тем человеком слабовольным и, как писала А. Ф. Тютчева, «страдал недостатком широты и кругозора». «Главный его недостаток состоял в плохом знании людей и в неумении ими пользоваться,— отмечал Б. Н. Чичерин.— Добрый по природе, он был мягок в личных отношениях... он скрытничал, лукавил, старался уравновешивать различные направления, держа между ними весы».

Именно поэтому идеологи русского либерализма (как, впрочем, и идеологи реакционных сил) старались формулировать жгучие и неотложные проблемы страны, способы их разрешения как можно более ясно, убедительно и при этом свои мнения и рекомендации доводить непосредственно до самого верха иерархической пирамиды.

«Можно ли надеяться, что Александр II будет сбрасывать с себя постепенно вериги прошлого, выметет Россию от николаевского сора, или его добрые намерения заглохнут в окружающей его среде, и, опутанный лилипутами, он вместе с Русью осужден будет на бездействие? — писал в эти годы один из корреспондентов «Колокола».— Мы видели уже от него несколько добрых начал, но в то же время видим такую нерешительность, такую скудную веру в народ и гласность, что не можем сказать, чем разрешится этот вопрос. Государю следовало бы убедиться в одном несомненном факте: все, что только есть теперь в России порядочного, благородного, патриотического — все на стороне его реформ и готово помогать ему».

На первых порах все и было именно так: даже лишенный гражданства, объявленный государственным преступником А. И. Герцен писал из Англии, обращаясь к царю: «Я готов ждать, стерпеться, говорить о другом, лишь бы у меня была живая надежда, что Вы что-нибудь сделаете для России. Государь, дайте свободу русскому слову... Дайте нам вольную речь... нам есть что сказать миру и своим. Дайте землю крестьянам. Она и так им принадлежит; смойте с России позорное пятно крепостного состояния... Я стыжусь, как малым мы готовы довольствоваться».

30 марта 1856 года российский самодержец публично заявил, что лучше освободить крестьян сверху, нежели ждать, пока они сами освободятся снизу. Эта речь Александра II произвела сильнейшее впечатление, она, по словам Д. А. Оболенского, «замутила общество», дав еще один толчок росту либеральных настроений. В конце 1857 года был опубликован царский рескрипт об улучшении быта крестьян, вызвавший новый подъем активности русских либералов.

Опубликование рескрипта, по справедливому наблюдению советского историка Л. Г. Захаровой, означало, помимо всего прочего, переход к *гласному* обсуждению важнейшего вопроса внутренней жизни страны, выдвижение *гласности* как одного из *принципов правительственной политики.*

Решительным сторонником либеральных преобразований в стране являлся еще один ведущий деятель эпохи — великий князь Константин Николаевич. Человек незаурядных способностей, «выламывавшийся» из традиционных представлений о члене императорской семьи, он занимал особое место на общественно-политической арене. Достаточно упомянуть хотя бы тот факт, что за ним на протяжении многих лет вело наблюдение III отделение.

«Душой нового, либерального направления прогресса называют... Константина Николаевича,— отмечала в дневнике за 1857 год Е. А. Штакеншнейдер.— Про государя говорят, что он добр, благороден, но нерешителен и слаб. Константин же Николаевич и умен, и решителен. И все хорошее, в либеральном духе, приписывают ему, все противоположное — государю». Однако (и это очень важно подчеркнуть) у Александра II хватало здравого смысла и государственной мудрости не бояться выдвигать великого князя на важнейшие в стране посты: в результате тот имел возможность постоянно и активно влиять на внутреннюю политику страны. «Одни восхваляют государя,— продолжала Е. А. Штакеншнейдер,— другие говорят, что главный двигатель всего хорошего — Константин Николаевич, но что он не выставляется вперед. Первые же утверждают, что, напротив, он выставляется вперед. Хочет, чтобы о нем говорили, хочет популярности... Приверженцы его ожидают от него многого, и противники, которых гораздо больше... тоже ожидают многого — дурного. Они его называют беспокойным человеком и опасным преобразователем».

Официальный журнал «Морской сборник», в издании которого Константин Николаевич принимал непосредственное участие, переориентировался одним из первых. Из-за своего ведомственного характера журнал не подлежал общей цензуре. Именно здесь, например, в 1856 году была опубликована статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», которую один из современников сравнил с «вечевым колоколом». Знаменитый хирург писал о необходимости развития в людях прежде всего общечеловеческих, нравственных начал, отстаивал приоритет этих начал над всеми остальными.

Об общественно-политических взглядах издателей «Морского сборника» можно судить по словам А. В. Головнина (фактического редактора журнала, близкого друга и помощника Константина Николаевича) из письма к «патрону» в 1858 году: «Необходимо предупредить... перевороты, издавая законы, которые *дали бы* народу то, что ему нужно, чем пользуются другие народы... Эти блага следующие: хорошие суды с гласностью и адвокатами, хорошая полиция, освобождение от крепостного права, полная веротерпимость, свобода промышленных предприятий... и наконец благоразумная свобода печатного слова и весьма умеренная цензура». Понятно, что люди с подобной программой не могли во второй половине 1850-х годов не оказаться в русле широкого либерального движения. В глазах же рядовых либералов все перечисленные выше действия «верхов» означали, по существу, официальное признание справедливости их требований. У широких кругов русского общества появлялась вера в возможность либеральных преобразований «сверху», причем в самое ближайшее время.

* * *

«Свободно дышала Россия в этот год»,— писал о 1856 годе современник. Из ссылки возвращались «государственные преступники» (декабристы, польские повстанцы и т. д.), шли разговоры об упразднении печально известного III отделения. Особенно большое впечатление на русское общество произвело «снятие препятствий» для желающих совершить поездку за границу. Как вспоминал Я. П. Полонский, в эти годы «за границу хлынуло почти все наше общество, как школьники, выпущенные из школы на улицу». Словом, оснований для оптимизма имелось немало. «Первый период нашего развития...— отмечал В. А. Слепцов,— был период воспалительный, сопровождавшийся всеобщим лихорадочным состоянием, необыкновенным жаром».

В этот период важнейшими документами, излагавшими основы политической программы либералов, стали статьи, опубликованные в сборниках «Голоса из России» (рукописи нелегально переправлялись за границу и печатались в Лондоне А. И. Герценом). Особенно важное значение имела работа Б. Н. Чичерина «Современные задачи русской жизни»: «Правительство сделалось всеобъемлющим... проникающим всюду,— отмечалось здесь,— а народ все более бледнел и исчезал перед ним». Одним из «величайших зол» Чичерин называл господствовавшую в недавнем прошлом «официальную ложь»: «Можно без преувеличения сказать, что... все отчеты и донесения высших государственных сановников суть ложь... все статистические сведения суть ложь». Автор делал вывод, что только *свободное общественное мнение* в состоянии контролировать действия чиновников всех рангов.

Б. Н. Чичерин сформулировал «главные начала, которые вытекают из понятия о либерализме»: 1. Свобода совести; 2. Свобода от крепостного состояния; 3. Свобода общественного мнения («Мы должны поставить ее на первом плане, как краеугольный камень либеральной политики»); 4. Свобода книгопечатания («Пока существует цензура, подвергающая всякое выражение мысли предварительному разрешению правительства, до тех пор существует только мнение правительства... Отменение цензуры есть основание всякой либеральной системы»); 5. Свобода преподавания («Наука должна иметь самостоятельное развитие, и правительство не может налагать на нее своих мнений»); 6. Публичность всех правительственных действий («Народ должен знать, что происходит в верховном управлении... правительство, которое искренно заботится о его пользе, не может бояться гласности своих действий»); и, наконец, 7. Публичность и гласность судопроизводства.

«Либерализм! Это лозунг всякого... здравомыслящего человека в России,— продолжал Чичерин.— Это знамя, которое может соединить... людей всех сфер, всех сословий... В либерализме вся будущность России. Да столпятся же около этого знамени и правительство и народ с доверием друг к другу». Главную задачу деятельности либералов автор видел в сплочении самых широких слоев общества вокруг своей программы, вокруг правительства, способного осуществить в стране либерально-демократические преобразования. Начало издания «Голосов из России» свидетельствовало, в частности, что работа эта уже началась.

Необходимым условием дальнейшего роста либеральных сил должно было стать появление ведущего внутрироссийского журнала этого направления. Таким органом стал созданный в 1856 году «Русский вестник», руководимый М. Н. Катковым.

На страницах журнала пропагандировалась широкая программа реформ: освобождение крестьян с землей, введение независимого суда, местного самоуправления и т. д.

«Полезно давать гласность и таким мнениям, которые проистекают из ошибочных и односторонних воззрений...— заявлял Катков в 1858 году.— Общество, призванное к изучению дела, только тогда и может сосредоточить свою мысль на точной сущности его, когда... выскажутся во всей своей несостоятельности воззрения не точные».

Острота и актуальность ставившихся журналом вопросов, привлечение лучших литературных и публицистических сил позволили «Русскому вестнику» приобрести влияние, сопоставимое даже с изданиями Герцена.

Журнал Каткова неоднократно подвергался правительственным преследованиям, возникал даже вопрос о его закрытии. Однако, оставаясь *либеральным* органом, он в качестве необходимого условия прогресса выдвигал постепенность преобразований, выступал против революционного пути развития.

Свой вклад в разработку либеральной программы вносил и орган славянофилов «Русская беседа», редактором-издателем которой являлся А. И. Кошелев. Особое внимание журнал уделял русским национальным вопросам, выяснению роли и значения «народности» в различных сферах человеческой деятельности. «Отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение,— писал, например, в одной из статей 1856 года К. С. Аксаков,— значит лишить его права участия в общем деле человечества».

Постоянными на страницах журнала являлись утверждения о том, что «непременно должны быть в жизни русского народа положительные стороны, истинные начала, высокие свойства». Примечательно, однако, что при этом редакция журнала не только не отказывалась, но публично приняла на себя *обязанность* «разумно усвоивать... всякий новый плод мысли западной, еще столь богатой и достойной изучения».

Журнал вел длительную полемику с «Русским вестником», полемику острую, подчас злую.

Однако за рамки горячего, но интеллигентного, достойного спора данная «перестрелка» практически не выходила: о доносительстве же, апелляции

к властям и речи быть не могло (иные времена!).

К. С. Аксаков в одной из полемических статей особо подчеркивал, что с «Русским вестником» «можно вести сериозный и приличный спор». Со своей стороны орган западников публично заявлял: «Как бы мы ни разнились в наших воззрениях, «Русская беседа» и «Русский вестник» сохранят взаимное друг к другу уважение». Да и сама читающая публика, этими журналами и воспитанная, прекрасно понимала, что *в главном* «западники» и «славянофилы» выступали заодно. Ну и, разумеется, необходимо прибавить, что либеральные идеи, помимо названных органов, проводили «Отечественные записки» А. А. Краевского, «Библиотека для чтения» А. В. Дружинина и ряд других влиятельных изданий. Соответственно возрастал и интерес к органам массовой печати, выступавшим за преобразование в государстве. «Подписка на периодические издания идет блистательно» — констатировалось в одном из таких органов в 1857 году.

В условиях российской административно-бюрократической системы, при отсутствии правильно организованной политической жизни общества редакторско-издательская деятельность М. Н. Каткова, А. А. Краевского, А. И. Кошелева и других была существенным фактором упорядочения, углубления и расширения либерального движения. Представляет интерес позиция официальной цензуры, в обязанности которой входило держать под контролем отечественные органы печати.

«В постановлениях цензурных не последовало в истекшие годы никаких существенных изменений; в цензора назначались люди не менее благонадежные...— указывал М. А. Корф, имевший к данному ведомству прямое отношение.— Но все усилия... приводили к последствиям, прямо противоположным желаемому... Оказалось, что когда в обществе возникает истинная потребность свободно высказываться, правительству делается невозможным противодействовать сему, потребность эта обращается в неудержимую силу, от которой не спасется и официальный круг, ибо и он дышит одним воздухом со всеми...»

Выразительную характеристику получил, например, известный цензор Н. Ф. Краузе от московского генерал-губернатора: «Приятель всех западников и славянофилов, друг Каткова, корреспондент Герцена, готовый на все и желающий переворотов».

Не отставала и художественная литература. Огромный резонанс получили, например, «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, опубликованные в журнале Каткова. В них была сатирически показана целая галерея чиновников-взяточников, казнокрадов и т. п., в связи с чем современники почти единодушно считали Салтыкова «зачинателем» «обличительной литературы».

Либерально-обличительное направление быстро стало модным; оно проникло и на театральные подмостки. Анализируя в «Полярной звезде» одну из «обличительных» пьес, Н. П. Огарев писал: «Когда речь идет о перестройке общественного здания... автор изобрел тщедушную лазейку честного чиновника, как путь к спасению. Но как бы ни ошибались люди обличительной литературы, умейте же уважать в них голос, который после долгого молчания заговорил о наших страданиях».

Еще одной формой общественной жизни конца 1850-х годов стали публичные диспуты, проходившие при большом стечении зрителей. Первый диспут состоялся 13 декабря 1859 года в зале петербургского Пассажа и был посвящен деятельности «Русского общества пароходства и торговли». С публичной критикой работы «Общества» выступил Н. П. Перозио, член правления А. И. Смирнов защищался. Страсти в зале накалились в такой степени, что председательствовавший В. И. Ламанский, закрывая дебаты, заявил: русская общественность еще «не созрела» для публичного обсуждения вопросов. Эта фраза стала для отечественных крылатой.

Еще больший интерес вызвал публичный диспут между историками М. П. Погодиным и Н. И. Костомаровым о происхождении Руси. Как заметил один из «дуэлянтов», М. П. Погодин, «общество, являясь на этот спор с таким рвением... представляет самое утешительное доказательство того, что мы *созрели* для решения нужных и важных для нас вопросов».

Большое значение для развития самосознания русского общества, углубления общественного движения имела деятельность губернских комитетов по крестьянскому делу, начавших свою работу в 1858 году; во многих из них имелись либеральные группировки, активно защищавшие свою программу. Именно здесь, на комитетских заседаниях, в открытой форме велась полемика между прогрессивными силами и реакционерами, в этих спорах либералы приобретали навыки конкретной политической борьбы, учились отстаивать свои взгляды. Губернские комитеты оказались в полном смысле слова «школой российского либерализма». Рядовые граждане России могли констатировать, что впервые в подобных масштабах общественные силы страны прямо привлекаются к разработке решения по *важнейшей проблеме* внутреннего устройства страны.

Сходное впечатление возникало и от учреждения в 1859 году редакционных комиссий, продолживших разработку нового законодательства о крестьянах. Комиссии строили свою работу на принципах гласности, всестороннего обсуждения проблемы, большинство их членов составляли либерально настроенные государственные и общественные деятели.

С работой комиссий оказался связанным и опыт подачи верховной власти коллективных заявлений («адресов»), содержавших либеральные требования. Авторы одного из таких документов, например, призывали Александра II «даровать крестьянам полную свободу с наделением их землей», учредить в стране суд присяжных и т. п. Именно заинтересованное, доброжелательное *взаимодействие* сторонников либеральных преобразований в правительстве и представителей общественности, *совместность* их усилий на ключевых направлениях и определило во многом успех перестройки XIX века.

* * *

Либеральное движение развивалось в стране и вширь, и вглубь. Еще в 1857 году Б. Н. Чичерин писал К. Д. Кавелину: «Либерализм... который не довольствуется отрицанием, а хочет основать твердую политическую систему — это особенная партия, которая со временем может образоваться. Но наступило ли время поднять ее знамя?.. Мне кажется, что время еще не созрело, но думаю, что теперь уже можно при случае дать почувствовать, на какой почве мы стоим».

Конечно, создание *политической партии* в условиях России того времени было попросту невозможно, однако в русском обществе довольно быстро выкристаллизовалась группа активных деятелей, публицистов, объективно являвшаяся как бы ядром набиравшего силу либерального движения.

Помимо людей, сознательно и заинтересованно стоявших на либеральных позициях, в рядах общественного движения, естественно, оказывались и случайные элементы, о которых А. В. Станкевич писал: «Иные из них делались... либералами вследствие ожидания реформ, уже подготавливаемых правительством, думая тем самым соответствовать его намерениям, другие — прислушиваясь к толкам и голосам, раздававшимся в обществе и стараясь не отстать от общего течения. Были и такие, которые делались либеральными от переполоха и испуга».

Современник событий Лев Толстой, со своей стороны, не без иронии отмечал: «Все, решительно все были либералы. Не был либералом только тот, у кого недоставало умственных способностей выразить что-нибудь либеральное».

Несколько слов необходимо сказать о деятельности в эти годы революционных демократов: Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена. Представляется бесспорным, не требующим никаких оговорок тот факт, что даже наиболее радикально настроенные деятели эпохи приветствовали благотворные перемены в стране после смерти Николая I. Хорошо известны заявления Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена в поддержку первых шагов царствования Александра II, их радость и надежды, связанные с ослаблением тотального гнета административно-бюрократической системы, началом подготовки отмены крепостного права, появлением в стране либеральной печати. Скажем, публикации «Морского сборника» руководителем «Современника» были охарактеризованы как «одно из замечательнейших явлений нашей литературы — может быть, самое замечательное во многих отношениях».

Иное дело, что *масштабы* и *темпы* преобразований не удовлетворяли передовые круги страны. Медлительность и неповоротливость административной машины, непоследовательность и неуверенность властей в деле ею же провозглашенной перестройки, сохранение на ведущих постах многих деятелей застойных времен давали серьезные основания *усомниться* в способности правительства радикально изменить ситуацию. Как отмечал один из современников, «общество родилось, выросло и воспитывалось на старых порядках; начала, против которых оно собиралось ратовать, еще крепко сидели в нем... люди, еще вчера приводившие в движение старый механизм, были все тут, налицо. И эти люди не могли, разумеется, оставаться равнодушными... зрителями той перестройки, которую предполагалось произвести». Скрытое противодействие противников перестройки, прямой нажим реакционных кругов на верхний эшелон власти, лично на Александра II, вызывали обоснованную тревогу в обществе. «Тютчев... прекрасно назвал настоящее время *оттепелью*,— писала В. С. Аксакова.— Именно так. Но что последует за оттепелью? Хорошо, если весна и благодатное лето, но если эта оттепель временная, и потом опять все закует мороз...»

Учитывая всю сложность ситуации, а также явственно ощущая нарастание напряжения в обществе, в русской деревне, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и их единомышленники *не верили* и *не желали верить* в благие намерения правительства, в политику мирных и постепенных преобразований, в потенциальные возможности либерализма как такового и его конкретных представителей в России. Вожди «Современника» постепенно приходили к убеждению, что разрешить жгучие и наболевшие вопросы времени можно только путем народного восстания, крестьянской революции. И на этом пути прямая конфронтация с либералами была неизбежной, поскольку революционный путь развития, «разрушительные тенденции» последними отвергались в принципе.

Но это не значит, что конечные цели и идеалы либерализма революционными демократами полностью отметались. Н. Г. Чернышевский, специально и подробно изучавший опыт деятельности либералов в передовых странах Европы, писал: «Реформы, которых желают модерантисты и революционеры, в сущности одинаковы и разнятся между собою только процессом своего осуществления... Люди крайних мнений должны знать, что они работают не в свою пользу... Общество несколько подвигается *назад* усилиями реакционеров... а подвигается *вперед* усилиями решительных прогрессистов. Но работают и те и другие одинаково в пользу умеренной партии». С учетом этого рассуждения и следует, как нам кажется, воспринимать столь же известный, сколь и бесспорный, тезис о борьбе вождя «Современника» с либералами различных оттенков, о неустанном разоблачении им сущности либерализма и т. д.

Что же касается либералов, отметим, что *и в их среде* очень скоро было осознано: процесс обновления, говоря современным языком, буксует. В 1857 году один из либеральных корреспондентов «Колокола» анализировал внутриполитическую ситуацию следующим образом: «Правительство восстает против отдельных случаев, а принцип, идею, из которой вытекают все наши коренные злоупотребления, оставляет нетронутым. Тот же произвол по-прежнему главный рычаг, которым управляется русское царство. Правительство боится коснуться этого принципа. Оно ничего не делает против причины болезни, а между тем хочет уничтожить самую болезнь». Одновременно наблюдалось и ироническое снижение некоторых либеральных лозунгов (со стороны самих же либералов). В одном из стихотворений А. М. Жемчужникова, опубликованных в 1858 году в «Русском вестнике», можно было прочесть такие строки:

Полезно бы ложь и пороки преследовать
гласно,—
Но так, чтобы не было это опасно...
И общее будет тогда благоденствие
близко —
Когда сократится в судах
переписка... (и т. д.).

По справедливому наблюдению одного из анонимных корреспондентов «Колокола», правительство «не ожидало, что народ, который оно вознамерилось постепенно отучать от помочей, окажется вдруг до того зрелым, что не только слушаться, но и сам рассуждать кое-как умеет».

Что же в данных условиях оставалось думать и как действовать тем «даровитым и способным людям», публицистам, литераторам и ученым, которых «потянула к себе заманчивая работа» по обновлению общества (терминология революционного демократа Н. В. Шелгунова)? А массам менее даровитых людей, разбуженных перестройкой? «При шаткости правительственных начал, при недостатке руководящих личностей, что дóлжно делать каждому из нас? Какая обязанность лежит на русском гражданине в настоящую минуту?» — задавал вопрос один из авторов «Голосов из России» и отвечал на него следующим образом: «Готовиться и исполнять свой долг». Фактически это был призыв к *сохранению верности* либеральной программе и приложению *всех сил* для ее полного и последовательного осуществления. «Истинный либерализм должен состоять не в поблажках...— резонно замечал позднее М. Н. Катков,— истинный либерализм должен состоять в умении подчинить свою волю закону и этим уважать свободу других... Строгая, нелицеприятная законность... вот первое условие либерализма. Несокрушимая твердость воли — главный признак его».

* * *

Закончим выдержкой из письма в герценовский «Колокол» (1858 г.): «Теперешнее состояние России, после 30-летнего оцепенения, очень похоже на состояние сонного человека, внезапно облитого холодной водой... Мы чувствуем, что проснулись, но не можем еще опомниться,— протираем себе глаза, озираемся вокруг, хотим понять, где мы и что с нами,— но вот уже почти четыре года протекли, а мы все не вышли из этого состояния просонок, и до сих пор не понимаем, по какой дороге и куда идем». И еще из того же документа: «Когда народ созрел и явственно заявляет требования свои на лучшую жизнь, тогда правительству надо смело решаться на требуемые улучшения, и давать их народу вполне, а не клочками...»

Читая эту статью, я все время невольно вспоминал Достоевского. Высвеченные им темные затхлые углы человеческой психики; «слезу ребенка» — сколько глобальных идей и общественных движений XX века погубило пренебрежение этим нравственным императивом великого писателя! И, наконец, вспоминались его герои, и в первую очередь Смердяков.

Собственно, эту статью можно было бы так и назвать: «Смердяков-89». Хотя в качестве теоретика при новом Смердякове выступает не какой-нибудь новоявленный Иван Карамазов, а целая организация. Широко известная, сформировавшаяся и свободно функционировавшая еще в годы застоя, а ныне разросшаяся и претендующая на звание национально-патриотического фронта.

На недавнем выступлении по телевидению — в программе «Добрый вечер, Москва!» — один из ее нынешних лидеров, И. Сычев, сказал, что КГБ и МВД якобы письменно удостоверили непредосудительный, патриотический характер деятельности «Памяти»,— а речь идет, конечно, о ней. Не знаю, так ли это в действительности, сомневаюсь, что подобные идеологические экспертизы в компетенции охранительных органов, но уверен, что оценивать «Память» необходимо не столько по заявлениям ее «вождей», сколько по тому влиянию, которое оказывают их «идеи». Нельзя забывать, что ложная идея рано или поздно приводит к страшным и вполне осязаемым последствиям. Тем более, если речь идет о националистической, то есть человеконенавистнической идее. Простота и доступность этой идеи делает ее легко усваиваемой примитивным умом и неразвитой душой. Нынешним смердяковым и не нужны особые изыски — им необходим только конкретный виновник их ущербности...

Несколько лет назад в моем родном Ижевске — городе многонациональном, столице Удмуртии — никаких филиалов или активистов «Памяти» не было в помине. Но отдадим должное работоспособности организации, имеющей сложную структуру, немалую казну (говорят, перед ней не устоял один из «вождей» этой братии, за то ныне отлученный) и ведущей активную пропаганду своих взглядов. (Так, например, во время упомянутой телетрансляции представители «Памяти» не столько отвечали на вопросы журналистов, сколько пересказывали собственные прокламации.)

Опасность распространения таких теорий недооценивать нельзя. Всякая пропаганда какой-то цели достигает — всегда находятся люди, не умеющие самостоятельно мыслить, которые охотно подхватывают готовые словесные формулы и мировоззренческие клише.

С ижевским смердяковым московская «Память» (не будем уточнять, какая ее ветвь) состояла в бойкой переписке. Его поддерживали, пестовали, наставляли. Не могу судить, сделал ли бы он то, что сделал, без «идеологического обеспечения». Но несомненно то, что без такового у героя статьи не возникло бы непререкаемого сознания своей правоты, богоизбранности и вседозволенности. Опять вспоминается Достоевский: «...не тварь дрожащая, а власть имею...» — в данном случае: «...не инородец какой-нибудь», а уполномоченный борец за святую «русскую идею», против «жидов и масонов»...

О случившемся написала «Удмуртская правда». Ижевский журналист И. Еремин передал редакции «Огонька» свою статью и материалы к ней, частично использованные им в газетной публикации. Предлагаем эти материалы вашему вниманию.

О. ХЛЕБНИКОВ

Игорь ЕРЕМИН

ИНТЕРВЬЮ В КАМЕРЕ СМЕРТНИКА

Давно хотел высказаться относительно организации, именующей себя национально-патриотическим фронтом «Память». Из того, что видел своими глазами на московских митингах, читал в официальной и «самиздатовской» периодике, сложилась убежденность: за лубочно-патриотическим фасадом «Памяти» под надрывный плач о скорбной судьбе матушки России варится идеологическая «кашка» вполне определенного свойства, круто замешанная на настое черносотенного шовинизма.

Хотел написать, но находились другие, более неотложные дела, а главным, что удерживало до поры до времени, был, по-видимому, недостаток местного материала, личных впечатлений.

Однако случай, ставший поводом к появлению этой публикации, настолько трагичен, что упаси бог принять его за подарок судьбы. Но случившегося уже не поправить, а замолчать событие, вызвавшее в городе столько пересудов, нельзя. Хочу сразу оговориться: то, что в описываемых событиях переплелись политика и уголовщина,— дело случая, хотя бы чисто внешне. Поэтому предупреждаю: тот, кто примет прочитанное за неуклюжий пропагандистский трюк, будет не прав.

I. СЛОВО И «ДЕЛО»

Огромная черная овчарка, одуревшая от жары и мизерности своего жизненного пространства, ограниченного железной цепью и узкой полосой между кирпичной стеной и проволочным заграждением, провожает тяжелым немигающим взглядом. Открываются и тут же захлопываются за спиной многочис-

ленные двери из стальной арматуры. Зона. Я пришел сюда, чтобы взять интервью у человека, приговоренного несколько недель назад к смертной казни. Он появляется в сопровождении двух дюжих охранников. Арестантская роба, стрижка «под ноль». Я впервые имею перед собой собеседника, запястья которого схвачены металлическими «браслетами». В пространстве нас разделяют полметра истертой столешницы, во времени — ...

ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ С ОСУЖДЕННЫМ БУЗАНОВЫМ. СЛЕДСТВЕННЫЙ ИЗОЛЯТОР МВД Удмуртской АССР. ИЮНЬ 1989 ГОДА.

— Я знаю, что вы хотите исповедаться, просите священника. Вы верующий?

— Да, верующий. Это может показаться странным: мать — атеистка, и обстановка вроде бы не располагала. Это произошло не сразу, в двух словах не объяснить. К Богу я пришел, пожалуй, после того, как отсидел за кражу.

— Вера в Бога как-то руководила вашими поступками?

— Естественно. Начнем с того, что я стал нормально жить после освобождения, праведно... «Не укради»... Это мало кому удается.

— Может быть, все проще? Допустим, страх перед возмездием?

— Нет, когда идешь на преступление, об этом не думаешь. Был бы страх, не было бы тюрем. Значит, не боятся.

— А вы чего-то боялись?

— Я ничего не боялся, жил так, как считал нужным. Если бы не этот случай, продолжал бы в этом же духе.

— А цель в жизни?

— Цель? Она сформулирована в воззвании «Памяти».

ИЗ ХРОНИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ОКТЯБРЬ 1988 ГОДА.

Тот вечер сулил Анатолию Бузанову и его двоюродному брату Дмитрию пикантное приключение. Недавнее случайное знакомство в автобусе с молодой, привлекательной женщиной, судя по всему, могло перерасти в нечто большее. Встретились, как было оговорено, у торгово-бытового центра на трамвайном кольце. Время шло к ночи. О том, что еще стремительней оно движется к страшной развязке, никто из троих не подозревал. Цель была одна — «развлечься».

«Развлекаться» принялись немедленно. Спустились в лог и «раздавили» пару бутылок водки, хотя все трое к моменту встречи были уже навеселе. Дальше — все логично. С. предложила, захватив по пути подругу, отправиться к ней домой. (Не хочу называть полной фамилии этой женщины. Как бы я ни расценивал ее поведение, «о мертвых либо хорошо, либо никак».) С подругой случился «прокол» — вмешался муж. Ну, нет, и не надо. Взяли такси, поехали. С. открыла дверь своим ключом, впустила братьев, сказав при этом: «Тише, тише».

Тогда Бузанов еще не знал, к чему относятся эти слова.

ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ С ОСУЖДЕННЫМ БУЗАНОВЫМ.

Воззвание «Памяти»? Что-то вроде этого: «В стране произошел раскол! Два лагеря противостоят друг другу уже открыто: национально-патриотический фронт «Память» и сионо-масонская космополитическая группировка. С кем вы, соотечественник?» Вы что же, всерьез верите в наличие масонского заговора?

— Я не просто верю, я знаю, что он есть!

— У вас имеются какие-то доказательства?

— Они кругом! (Бузанов берет со стола спичечный коробок и показывает мне этикетку, где изображен какой-то орнамент.) Видите, как внедряют? Вот она, медуза жидовская, шестиугольник. Все большое начинается с малого.

— И как же эта штука должна на меня воздействовать?

— Она действует подсознательно. Если человеку исподволь постоянно что-нибудь подсовывать, он к этому привыкает.

— То есть, если «Память» нам постоянно твердит, что существует еврейский заговор, мы в конце концов должны в это поверить, даже если его нет?

— Ну почему же его нет?

— Вам известны фамилии заговорщиков?

— Да возьмите любого еврея, они все повязаны между собой. Но есть еще и сионизированные русские.

— Например?

— Например, Вознесенский, Евтушенко.

— Поэты-то чем вам не угодили?

— Да это же прихвостни сионистские! «Наезжают» на русские традиции, на патриотическое движение. Они ссылаются на слова Льва Толстого, что патриотизм — это добровольное рабство. Толстой, может быть, и гений, но гении-то разные бывают. Гитлер тоже был в какой-то степени гений.

— Вы что же, оправдываете Гитлера?

— Я одобряю только одну сторону его деятельности: он боролся против масонов.

ИЗ ХРОНИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Войдя в квартиру, братья и С. снова пили. Много. За что поднимались бокалы, не знаю, но это как раз тот случай, когда, начав за здравие, кончили за упокой. Спонтанно родилась идея совершить вояж за город и придать попойке статус пикника. Принялись укладывать сумки. Приобщенные затем в качестве вещдоков, они поражают бессистемностью содержимого: бутылки, тряпки, детские игрушки, магнитофонные кассеты. На какое-то время, по словам Бузанова, он отключился и заснул. Дальше — неясно. Бузанов утверждает, что, очнувшись, он застал своего брата и С. в весьма недвусмысленной позе. Брат это категорически отрицает. Вскоре он покинул квартиру, безуспешно попытавшись увести с собой Бузанова.

Так или иначе, словом ли, действием С., очевидно, задела Бузанова. Иначе то, что последовало вскоре после ухода брата, вообще не поддается объяснению, даже формальному. Окончательно придя в себя, Бузанов обнаружил свою новую знакомую спящей и совершенно раздетой. Слова худого не говоря, он дошел до кухни, восстановил силы тремя стопками водки, взял со стола мясорубку и вышел в коридор.

ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ С ОСУЖДЕННЫМ БУЗАНОВЫМ.

— Итак, вы утверждаете, что все беды в России начались с того, что власть захватили сионисты-масоны. Сейчас у вас нет оснований утверждать, что, допустим, в правительстве страны «засилье евреев». Каким же образом действуют «заговорщики»?

— За границу у нас многие ездят. Вот взять хотя бы Евтушенко, он за пятнадцать лет застоя в 85 странах побывал, страдалец-то наш... Да он просто эмиссар масонский, функционер! Распутин правильно про него сказал на Съезде народных депутатов — вот единственный человек, кто хорошо выступил: нам еще от Евтушенко конституции не хватало.

— Сталин, на ваш взгляд, был масоном?

— Нет, вряд ли. Они его и прихлопнули, масоны.

— А как вы вообще к Сталину относитесь?

— Отрицательно. Единственное доброе дело, которое он хотел сделать,— евреев истребить, да и то не успел до конца. Да что Сталин. ...Самые зловещие фигуры — это Каганович и Ярославский-Губельман. Сталин — он штафирка, он никто, я звать его никак по сравнению с ними.

— Страшный заговор, коварный заговор... Просто в дрожь бросает. И чего же вы хотите?

— Я хочу только одного — чтобы меня не расстреляли.

— Я имею в виду вашу организацию, «Память».

— Россия для русских! Евреи здесь постояльцы, для них Россия — постоялый двор, а на постоялом дворе и плюнуть можно, и Ваньку с подносом послать куда подальше.

— Я, Анатолий, как и вы, русский. И как ни обидно за нацию, я не могу отрицать того, что и русские, к сожалению, и «на пол плюют», и «посылают».

— А вот это уже результат масонского заговора! Необходимо срочно объявить всех евреев иностранцами и выслать их в Израиль. Вы посмотрите, что творится! Россию отлучили от религии, отобрали нравственные ценности, не дав ничего взамен. Я тут слушаю радио — что показывают в наших кинотеатрах?! То «Коварный заговор», то «Заклятие Долины змей», ни одного нормального названия. Страх и ужас, я спать, извините, не могу, мне змеи снятся. А эти видеосалоны? Иду, смотрю, объявление висит, корявыми буквами написано: «фильм о маньяке-убийце». Безобразие! Это все результат безнравственной политики.

ИЗ ХРОНИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Держа в руке мясорубку, Бузанов шел по коридору четырехкомнатной квартиры С. Заглянул в одну комнату — пусто, в другую... В полуосвещенном помещении разглядел кровать, над одеялом — прижавшиеся друг к другу две детские головки. Пятилетняя Гуля и тринадцатилетний Альберт спали, привыкнув, видимо, к ночным похождениям своей мамы (это их имела в виду С., сказав: «Тише!», когда открывала дверь новым приятелям). Подойдя к кровати, Бузанов размахивается и наносит несколько страшных ударов мясорубкой сначала по голове девочки, потом мальчика. Идет дальше. С. по-прежнему спит. Участь детей разделила и их мать.

Убив, Бузанов решает сжечь квартиру. Разливает банку с маслянистой жидкостью, разбрасывает по комнатам горящую бумагу. Заполыхало мгновенно.

Теперь нужно уходить. Замок на двери заело, справиться с ним он не смог. Дышать становилось все труднее, Бузанов пробегает через горящую комнату, разбив стекло, вываливается на лоджию и принимается взывать о помощи. За свою жизнь он сражался до конца. Разбуженные соседи набирают «01». Пожарные ликвидируют пожар и спасают обгоревшего Бузанова.

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ БУЗАНОВА ВО ВРЕМЯ СЛЕДСТВИЯ. «Почему я понял, что надо убить? Что-то страшное навалилось на меня. И в этот момент я понял, что надо крушить и убивать. Первое, что мне попалось,— мясорубка. Будь там сковородка, я бы убил ею... После того, как убил, я, кажется, почувствовал облегчение».

Страшное и странное дело. «Неординарное», в один голос говорили мне юристы, причастные к расследованию. Признай суд Бузанова ненормальным — нет вопросов. Но эксперты тверды: «Вменяем!» Мне, понаблюдавшему Бузанова в зале суда, на экране монитора, когда прокручивали видеозапись следственного эксперимента (сделанную сразу вслед за убийством), во время личной встречи,— с этим трудно не согласиться. Пьяное буйство, состояние аффекта? Наверное. Но не знаю, как это переводится на язык медицины, а в народе говорят: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Чуть позже я рискну высказать свою версию относительно одного из мотивов убийства, который, на мой взгляд, не следует сбрасывать со счетов.

Но не меньше самого факта изуверского преступления мне не дает покоя позиция Бузанова — члена «Памяти», антисемита.

«Память»... Как же так случилось, что слово это, глубокое и первородное, стало ассоциироваться с пещерным национализмом, с разнузданным антисемитским шабашем? Откуда это? Ведь не десятки и сотни, а тысячи и тысячи людей поражены этой бациллой. И как все у них просто: загнать евреев на «землю обетованную», огородить для надежности «колючкой» — и нет проблем! И прекрасно заживем! Ничего не напоминает? Не старая ли это песня о «врагах народа» на новые слова и с перестроечным рефреном? Да это же просто находка для тех, кому очищение общества — нож острый. Проблема-то, оказывается, не в нас, не в системе, она — фактор внешний и, стало быть, легкоустранимый. Как? Известно, каленым железом.

Наверное, то, что убийство совершил фанатик «Памяти», — случайность. А то, что человек, запрограммированный, как оказалось, на убийство, пришел в «Память»? Можно ведь и так поставить вопрос. Разве нет?

II. КОЕ-ЧТО О БЕССМЕРТИИ ДУШИ

ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ С ОСУЖДЕННЫМ БУЗАНОВЫМ.

— Анатолий, вы как человек религиозный верите в бессмертие своей души?

— Да.

— Но вы написали кассационную жалобу, просите пересмотреть приговор.

— Ну, во-первых, я еще не знаю, как это все будет «там», потом, жалко мать. И потом, если уж меня расстреляют, я хочу, чтобы была другая формулировка приговора, не «из хулиганских побуждений», а в «состоянии аффекта» или что-то в этом роде. Не хочу предстать перед богом свиньей.

— А если вас помилуют, как вы будете жить с таким камнем на душе?

— Не знаю. И вот еще что... Второй раз убить С. вот сейчас, в данных обстоятельствах... Я бы хлопнул ее, не задумываясь. Потому что здесь ее вина громадна, не меньше, чем у меня. Хотя бы потому, что не пожалела себя, детей своих. Я был ошеломлен, когда узнал, что она коммунист. Вот рядовой представитель партии: самогоноварения, гулянки. Вот образчик морали... Детей, правда, жалко.

ИЗ РАЗГОВОРА С СОЖИТЕЛЬНИЦЕЙ БУЗАНОВА ГАЛИНОЙ С.

— Нет, алкоголиком он не был. Но пьяный и трезвый Толя — это два разных человека. Лицо становится сердитым. Полстакана ему хватало, чтобы начать скандалить без всякого повода. Бил меня. Потом шел спать, утром не оправдывался, особо не извинялся. Очень скрытный, о себе говорить не любил. Все читал. Что? Исторические книги да вот эти бумаги: о евреях и все такое. Нет, о «Памяти» он со мной не разговаривал, говорю, скрытный очень был.

Видите вот, из портрета Брежнева икону сделал, молился на нее каждый день. Говорил: «Я при нем родился, вырос».

Друзья? Не было друзей. Он считал себя выше окружающих. Случайных знакомых презирал: «Двух слов связать не могут». Хорошо отзывался только о Киме Андрееве (один из лидеров «Памяти».— **И. Е.**), в Москву к нему ездил, оттуда приезжал очень довольный.

ИЗ ПИСЕМ КИМА АНДРЕЕВА АНАТОЛИЮ БУЗАНОВУ.

«Получил вашу бандероль сегодня сполна. Большущее спасибо тебе от патриотов «Памяти». Конкретным делом, шагом, добрым жестом способствуешь возрождению русского духа в родном многострадальном Отечестве. То, что ты прислал, все годится в нашем хозяйстве... Я точно чувствую — вы с русской душой человек».

«...Еще я советую тебе писать дневник. Короткими, стреляющими строками описывать, что тебя взволновало. Фамилии друзей и других действующих лиц, если знаешь, пиши полностью. День недели ставь. Запись веди в толстой, не громоздкой тетради в клеенчатой обложке с одной стороны листа. Вторая — как бы резервная, чистая, для дополнительных внезапных дописок. Набирайся опыта по отбору фактов для будущих материалов. Посылаю тебе заводскую окопную газету. В ней моя заметка. Можешь оценить мой слог и манеру письма». (Как всякий истинный вождь, К. Андреев скромен и глубок в своих наставлениях.— **И. Е.**)

«...Бузанову Анатолию, единомышленнику, начинающему летописцу нашей эпохи, бойцу за возрождение святой Руси. С благословением жму твои работящие руки — Ким Андреев, окопный летописец «Памяти».

ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ С ОСУЖДЕННЫМ БУЗАНОВЫМ.

— Вы любите людей, Анатолий?

— А за что их любить? Амебы, обезьяны бесхвостые.

— В одном из своих заявлений вы пишете: «В моем случае надо смотреть в корень. Я ведь родился не убийцей, став им на ваших глазах. За рубежом не проживал, «Рэмбо» не смотрел. Учился у советских педагогов. Языками иностранными не владею, так что дело имел только с нашей макулатурой». Вы считаете, что общество в чем-то перед вами виновато, что-то вам недодало?

— Наоборот, оно дало мне слишком много.

— Чего именно?

— Скептицизма, цинизма... Чересчур... Мой уход в религию, в «Память» был своеобразным протестом, что ли. Я пытался спасти себя от нашего социалистического общества.

ИЗ ПИСЕМ КИМА АНДРЕЕВА АНАТОЛИЮ БУЗАНОВУ

«Дорогой Толя!

Получили вчера твое письмо с газетной вырезкой твоей заметки.

Ты потешил мою душу усладой от хорошего свежего суждения в вашей «Удмуртской правде».

Ты сетуешь, что порядком изрезали твою рукопись. Я сравнил ее с публикацией в газете и отметил, что суть все же главную они оставили. Такие публикации надо приветствовать. Продолжай в таком же духе. Шибко не печалься, если иногда вычеркнут какие-то слова или даже идеи. В нашем деле терпение и постоянная разведка базы, трибуны — главное, чтобы можно было опять повторить свои тезисы, но уже с новым, может быть, поворотом.

Постарайся вернуть мне книгу о вреде рок-музыки. Она уже стала нужна срочно...

На этом ограничусь. Пиши. Обнимаю и желаю творческих озарений. Ким Андреев».

Думаю, многим из тех, кто смотрел трансляцию со Съезда народных депутатов СССР, запомнился Илья Заславский. Эрудированный, по-государственному мыслящий. Если он на трибуне — разговор будет по существу. Но мало кто знает, чего стоил ему депутатский мандат, какую оголтелую травлю развернула «Память» против человека, с детства пораженного полиомиелитом, председателя общества инвалидов, всего себя без остатка отдающего борьбе за права товарищей по несчастью. Развернула по единственной причине: Заславский — еврей, а значит, «масон и заговорщик». Вот уровень мышления «российских патриотов».

Снова и снова возвращаясь к Бузанову, сопоставляя его характер, поступки и убеждения, я думаю: что тут первично, что вторично? Политика и уголовщина, уголовщина и политика...

И нет мотива преступления. Ну нет, и все тут. А может... Кто знает, какие ассоциации роились в ту жуткую ночь в пьяном воображении Бузанова? Кто скажет теперь, какие логические цепочки выстраивались в залитом алкоголем сознании? С. была татаркой, и хотя на следствии Бузанов заявит, что к татарам он относится «лояльно»... Слова «нацмен», «инородец» — это из лексикона «Памяти». (Сожительница Бузанова рассказывала мне, что и по ночам, сквозь сон Анатолий поносил масонов.) Это, конечно, только мои догадки. Но когда лютой ненавистью ненавидишь целый народ, вряд ли можно говорить о любви, даже простом сочувствии к отдельно взятому человеку. Или троим, что дела не меняет.

И еще. Я очень уважаю Валентина Распутина как писателя, но не приемлю как политика. Это почти целиком относится и к его выступлению на Съезде народных депутатов. Но в одном не могу с ним не согласиться. В том, что мы подошли к порогу нравственной деградации общества.

Вы только вдумайтесь, ведь это же страшно, когда о тридцатилетнем парне общественный обвинитель говорит: «Бузанов исчерпал себя как личность».

Что-то с нами со всеми происходит. Надо признаться, мы здорово растерялись, когда, покачавшись, рухнула казавшаяся незыблемой пирамида догматических представлений и ложных идеалов.

Самое время всмотреться в себя, подумать о душе. Может быть, только почувствовав себя хозяевами собственной страны, собственной судьбы, мы научимся по-настоящему уважать ближнего и себя самого?

Когда в собственном доме не все ладно, кто-то пытается навести порядок, а кто-то принимается искать причины неурядиц и виноватых на стороне. Иногда заблуждаясь искренне, иногда вполне намеренно...

■

Написать вам меня побудила публикация в газете «Красная звезда» проектов новых общевоинских уставов Вооруженных Сил СССР.

Скажите, пожалуйста, нужен ли нам, узнавшим в последнее время многие страшные факты нашей не столь уж и давней истории, генералиссимус (пусть даже как «теоретическое» воинское звание)? В наш бурный век — это прежде всего воинское звание диктаторов. Если мечтать о новом, то, пожалуй, можно его заранее и предусмотреть. Только вот надо ли?

Не могу не затронуть еще один, весьма щекотливый вопрос. Речь о пленных и о плене как таковом. В то время, когда объявлена амнистия попавшим в плен в Афганистане, когда работает комитет «Надежда», кощунственно звучат слова ныне действующего Устава и повторяемые в проекте нового: «Ничто, в том числе и угроза смерти не должно заставить военнослужащего Вооруженных Сил СССР сдаться в плен». То есть, по сути дела, Родина словами Устава внутренней службы требует от своего защитника, оказавшегося, например, без боеприпасов, под дулом автомата противника, обязательно принять смерть. Даже, если в таком положении он оказался не по своей вине. Правда, в проекте предусмотрена возможность попадания в плен «вследствие тяжелого ранения или контузии», «оказавшись в беспомощном состоянии».

Мы говорим: Родина-мать, но какая же мать требует от своих сыновей бессмысленной и бесполезной гибели? Неужели она отрекается от того, кто в силу обстоятельств не может больше защищать ее? Неужели человек должен гибнуть ради торжества принципа вождя всех народов: «Пленный — значит предатель»? Не по-матерински это.

Мы хотим построить правовое государство и поэтому должны стремиться к тому, чтобы наши законы были юридически точными и всесторонне взвешенными документами. А воинские уставы — это законы. Хоть и не хочется бросаться в крайности, но тем не менее именно крайние ситуации позволяют лучше оценить степень их совершенства. И вот такая ситуация — расстрел безоружных людей в Новочеркасске в 1962 году. С одной стороны, согласно Уставу и военной присяге, военнослужащий обязан беспрекословно выполнять все приказы командиров и начальников, а с другой — клянется «до последнего дыхания быть преданным своему народу», а за нарушение «пусть... постигнет суровая кара советского закона». Клясться в преданности народу и стрелять в этот самый народ, думаю, вещи несовместимые. Сегодня, во время перестройки, нельзя оставлять все, как было раньше. Надо глубоко проработать вопрос о выполнении приказов, заведомо противоречащих присяге, Конституции СССР и советским законам, а также внести в Устав положение о запрещении использования Вооруженных Сил СССР внутри страны.

Кроме того, на мой взгляд, не соответствует новому мышлению, решениям XIX партконференции следующее положение Устава: «Единоначалие строится на партийной основе». Вооруженные Силы СССР — это инструмент государства, а не партии. И сейчас, когда мы наконец пришли к пониманию того, что функции партийных и государственных органов необходимо разделить, данное положение выглядит просто анахронизмом. Партия должна проводить свою политику в армии, как и в других организациях, через коммунистов-военнослужащих, а не командовать напрямую.

А. С. ЗАЙЦЕВ
Ульяновск

■

В № 27 за 1989 год председатель Всесоюзного внешнеэкономического объединения «Продинторг» А. К. Кривенко в интервью журналу сообщил, что одним из «товаров» для продажи за рубеж являются панты марала, северного и пятнистого оленей. Ведутся, заметил он, и переговоры с Сингапуром и Новой Зеландией об организации совместных предприятий по сбору пантов в Союзе, их переработке и изготовлении различных лекарств, в частности пантокрина.

Изготовление пантокрина (в различных лекарственных формах) за рубежом из отечественных пантов мы считаем разбазариванием ценного сырья, принижением роли авторства отечественных ученых.

Видимо, товарищ А. К. Кривенко не совсем четко себе представляет, что это за чудодейственное лекарство.

Пантокрин оказывает тонизирующее, общеукрепляющее действие, повышает выносливость, активизирует регенерационные процессы при заживлении ран и язв, является адаптогенным средством в условиях, неблагоприятных для человека, и в первую очередь — при повышенной радиационной опасности.

Следует также вспомнить, что СССР является единственной страной в мире, которая разработала препараты пантокрина и которая их выпускает (на Хабаровском химико-фармацевтическом заводе) в виде настойки и раствора для инъекций. При этом мы импортируем препарат в Японию.

В своем интервью А. К. Кривенко сказал, что недавно «Продинторг» провел удачную сделку по продаже 800 тонн пантов марала США за 385 тысяч долларов.

Мы не считаем эту акцию удачной сделкой!

То, что произошло, свидетельствует прежде всего о полном отсутствии знаний о том объекте, которым торгуют сотрудники «Продинторга». Хабаровский химфармзавод не может обеспечить даже внутренний рынок ценным препаратом из-за того, что зверосовхозы ежегодно недопоставляют сырье.

Простые расчеты показывают, что из 800 тонн пантов марала, проданных США, можно было бы выпустить более 8 млрд. ампул с раствором пантокрина, что составило бы свыше 4 млрд. рублей.

Так что выгоднее — 4 миллиарда или 385 тысяч?

О какой удачной сделке может идти речь?!

Сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института химии и технологии лекарственных средств: Ф. А. КОНЕВ, доктор фармацевтических наук; Б. И. ВАКУШИН, кандидат фармацевтических наук; М. И. БОРЩЕВСКАЯ, младший научный сотрудник.

Харьков

«ПРОШУ МЕНЯ ВЫСЛУШАТЬ...»

Окончание. Начало на стр. 6.

СЛЕДСТВИЕ

Площадь Дзержинского, 2. Внутренняя тюрьма Главного управления госбезопасности.

Три дня подряд длится допрос — 29—30—31 мая. Вероятно, это самые страшные дни в жизни Бабеля. Сначала он не признавал себя виновным, а потом вдруг признал...

Бабель показал: **«Продолжительное время был связан с троцкистами, находился под их политическим влиянием и связал свою литературную судьбу с именем Воронского, с которым сблизился в 1923—1924 годах, когда тот являлся редактором журнала «Красная новь». Разделял и сам занял троцкистскую позицию Воронского творить вопреки массе, вопреки партии, допускал клеветнические обобщения положения в стране и выпады против существующего руководства».**

Надо все время помнить: перед тобой дело фальсифицированное, лживое, чтоб не поддаться на обман. Голос Бабеля намеренно искажен записями следователя. Кажется, сам язык сопротивляется насилию, вязнет, мертвеет.

«О Воронском Бабель сказал, что тот отнесся к нему чрезвычайно внимательно, написал несколько хвалебных отзывов и ввел в кружок группировавшихся вокруг него писателей, куда входили: Всеволод Иванов, Борис Пильняк, Лидия Сейфуллина, Сергей Есенин, Сергей Клычков и Василий Казин. Несколько позже к группе Воронского примкнул Леонид Леонов, а затем, после написания «Думы про Опанаса»,— Эдуард Багрицкий.

«Я, как и остальные названные мною писатели, целиком подпал под идейное влияние Воронского... Принято было за правило наши редакционные дела решать в интимной обстановке, на квартире Воронского в гостинице «Националь». Собираясь по вечерам, мы обычно заставали уже у Воронского Лашевича, Зорина, Владимира Смирнова и Филиппа Голощекина. Иногда мы компанией переходили в другие номера той же гостиницы, занимаемые Лашевичем и Зориным...

Однажды, в 1924 году, Воронский пригласил меня к себе, предупредив, что Багрицкий будет читать только что написанную им «Думу про Опанаса». Кроме меня, Воронский пригласил Леонова и Всеволода Иванова. Вечером мы собрались за чашкой чая. Воронский предупредил, что на читку он пригласил Троцкого.

Вскоре явился Троцкий в сопровождении Карла Радека. Выслушав поэму Багрицкого, он одобрительно о ней отозвался, а затем по очереди стал расспрашивать нас о наших творческих планах и биографиях. Больше никогда с Троцким я не встречался».

«В 1927 году Воронский был снят с работы редактора «Красной нови» и за троцкизм сослан в Липецк. Там он захворал, и я поехал его проведать, пробыл у него несколько дней, узнал, что до меня его навестила Сейфуллина, одолжил Воронскому денег... Помню, что Воронский в эту встречу рассказал мне о том, что вечером накануне того дня, когда он должен был выехать в ссылку, к нему позвонил Орджоникидзе и попросил его приехать в Кремль. Они провели за дружеской встречей несколько часов, вспоминая о временах совместной ссылки в дореволюционные годы. Затем, уже прощаясь, Орджоникидзе, обращаясь к Воронскому, сказал: «Хотя мы с тобой и политические враги, но давай крепко расцелуемся. У меня больная почка, быть может, больше не увидимся...»

«Постоянное общение с троцкистами, как показал Бабель, оказало влияние на его творчество. В «Конармии» он описал все жестокости и несообразности гражданской войны. Подчеркнуто изображение только крикливых и резких эпизодов и полное забвение роли партии в деле сколачивания из казачества, тогда еще недостаточно пронизанного пролетарским сознанием, регулярной и внушительной единицы Красной Армии, которой являлась тогда Первая Конная. «Одесские рассказы» — отход от советской действительности.

Бабель показал, что он вел антисоветские разговоры среди писателей Ю. Олеши и Вал. Катаева, артиста Михоэлса и кинорежиссеров Александрова и Эйзенштейна. В отношении Ю. Олеши Бабель сказал: «Он мне известен еще со времен моего пребывания в Одессе, в первые годы после революции. Затем, когда Олеша и я стали писателями, нас связывала личная дружба, единые литературные вкусы и взгляды».

По поводу происходящих в стране судебных процессов Бабель говорил, что в стране происходит якобы не смена лиц, а смена поколений, что арестованы лучшие, наиболее талантливые полководцы и военные деятели».

Второй темой на допросе был шпионаж.

«Бабель показал, что шпионские связи он установил в 1933 году через И. Эренбурга с французским писателем Андре Мальро, которому передавал сведения о состоянии Воздушного флота, оснащения и структуры РККА, экономики Советского государства, о происходящих арестах, о настроениях интеллигенции».

Следователь старательно выпытывает у Бабеля о его жизни в Париже.

В 1925 году в Париже Бабель встречался с Ремизовым, Цветаевой. Вторая поездка — в 1932 году — была по приглашению режиссера Алексея Грановского.

«Грановский пригласил меня для переговоров о написании сценария фильма «Азеф»... На квартире художника Анненкова, которого я часто навещал в Париже, я встречался с Сувариным. Суварин просил книги и газеты, привезенные мною из СССР... Помню, что Суварин интересовался судьбой Радека, Раковского, Зорина, Бела Куна и некоторых деятелей Коминтерна...»

«Мое первое знакомство с Эренбургом, происшедшее в одном из парижских кафе, было весьма мимолетным и перешло в дружбу только в следующий мой приезд в Париж в 1933 году. Тогда же Эренбург познакомил меня с Андре Мальро, о котором он был чрезвычайно высокого мнения, представив мне его как одного из самых ярких представителей молодой радикальной Франции... Мальро высоко ставил меня как литератора, а Эренбург, в свою очередь, советовал мне это отношение всячески укреплять».

«Об Эренбурге Бабель показал: «Понятно, что когда Эренбург нашел в моем лице единомышленника, он охотно пошел со мной на антисоветские беседы, в которых мы установили общность наших взглядов и пришли к выводу о необходимости организованного объединения для борьбы против существующего строя».

Секрет «признаний» прост. И его раскроет сам Бабель, когда заявит на суде, что он «на предварительном следствии себя и других лиц оговорил по принуждению». Да и кто бы в здравии тела и духа объявил себя французским и австрийским шпионом?

15 июня опять повели на допрос. На этот раз Серикову надо было добыть от подследственного признание в терроризме. И это ему удалось.

«Бабель показал, что «знал о заговоре, подготовленном Ежовым, с которым, помимо личной связи, был связан через жену, Е. С. Ежову», а та, в свою очередь, «в 1937 году создала свою заговорщическую группу». Со слов Ежовой ему известно, что она связана с Косаревым (б. секретарем ЦК ВЛКСМ), который ведет практическую подготовку к совершению терактов против Сталина и Ворошилова. Он, Бабель, разделял точку зрения Ежовой».

Похоже, что Бабель уже не сопротивляется, соглашается со всем, что навязывает ему следователь, быть может, в тайной надежде, что чем абсурдней этот театр, тем очевидней будет его невиновность. А Сериков мог торжествовать: под его пером уже вырисовывалась желанная шайка вредителей. 19 июня он предъявил Бабелю обвинение по четырем статьям УПК РСФСР — 58 п. 1 «а», 58-7, 58-8 и 58-11. Бабель «виновным себя в совершенных преступлениях признал полностью».

Однако Сериков решил укрепить пункт обвинения в шпионаже и 25 июня еще раз вызвал Бабеля на допрос. Бабель рассказывал о своих зарубежных друзьях: «Очередная встреча с Мальро произошла в 1935 году на Конгрессе в защиту культуры в Париже. В состав советской делегации я вначале не был включен и, как узнал потом, вместе с Пастернаком был кооптирован в члены делегации по настоянию Мальро. В 1936-м мы встречались в местечке Тессели, в Крыму, в присутствии Горького».

«Эренбург приезжал в Москву в 1936 и 1938 годах. В связи с прошедшим процессом над зиновьевцами и троцкистами выражал опасения за судьбу главного своего покровителя — Бухарина и расспрашивал о новых людях, пришедших к руководству, в частности о Ежове. В последний его приезд разговор наш вращался вокруг двух тем: аресты, непрекращавшаяся волна которых, по мнению Эренбурга, обязывала всех советских граждан прекратить какие бы то ни было сношения с иностранцами, и гражданская война в Испании...»

«Сейфуллина познакомила Бабеля с австрийцем Бруно Штейнером, в прошлом пленным офицером австрийской армии, который длительное время проживал в СССР — принял представительство от известной австрийской фирмы «Элин» и распространял в СССР ее изделия. Сейфуллина представила Штейнера как своего давнишнего приятеля и сообщила об освободившейся в его квартире комнате. «Я поселился у Штейнера, причем мы стали вести общее хозяйство, а расходы по дому делили пополам... Штейнер проживал в СССР до 1936 года...»

Когда можно было уже передавать дело в суд, в следствии по какой-то причине наступает длительный перерыв — почти на два с половиной месяца. В августе Сериков пишет постановление о продлении срока следствия до 10 сентября: «По делу Бабеля требуется установить его заграничные связи, документировать преступную деятельность, а также провести ряд очных ставок». Документ подписывают два новых лица: помощник начальника следчасти капитан Шварцман и зам. начальника следчасти майор Макаров.

А потом куда-то исчезает Сериков — то ли провинился перед начальством, то ли, наоборот, вознесся; возникает, чтобы тут же исчезнуть, еще один следователь — Кулешов — и 10 сентября «по распоряжению руководства следчасти дело передано следователю Главного управления ГБ НКВД лейтенанту Акопову. Его начальник капитан Родос продлевает срок следствия еще на месяц.

В эти же дни дает о себе знать и узник. Бабель обращается к Берии с просьбой разрешить ему привести в порядок отобранные рукописи. «Они содержат черновики очерков о коллективизации и колхозах Украины, материалы для книги о Горьком, черновики нескольких десятков рассказов, наполовину готовой пьесы, готового варианта сценария. Рукописи эти — результат восьмилетнего труда, часть из них я рассчитывал в этом году подготовить к печати...»

Возможно, Бабель уже не верил, что останется жить.. Надеялся перед концом привести в порядок рукописи. Не дали.

Последняя попытка мастера прорваться к своему труду. Как похож в этом Бабель на другого узника — философа Павла Флоренского, который, узнав, что рукописи его изъяты ОГПУ, с отчаянием воскликнул: «Труд всей моей жизни пропал... Это хуже физической смерти».

10 октября Акопов вызвал подследственного на допрос. Это была веха. Бабель отказался от своих показаний. Его уже нельзя будет поколебать.

«Прошу следствие учесть, что при даче прежних показаний я, будучи даже в тюрьме, совершил преступление, я оклеветал нескольких лиц...»

Бабель признается: да, виноват! Но совсем не в том, в чем его обвиняют. Есть два суда: один — этот, неправый, и другой — высший, когда человек судит себя сам.

Следствие, по существу, сорвано. Пришлось опять, уже в третий раз продлевать срок содержания под стражей. Акопов зарылся в дела.

Допрос 11 мая 1939-го. Н. И. Ежов (приговорен к расстрелу):

«Вследствие наблюдений за взаимоотношениями Бабеля с Ежовой он предположительно полагает, что они были связаны по шпионской работе в пользу английской разведки».

А. К. Воронский (приговорен к расстрелу). Бабеля вовсе не упоминает. Из всех допрошенных по делу Воронского Бабеля коснулся только Н. Зарудин.

Допрос 9 июля 1937-го. Н. Н. Зарудин (приговорен к расстрелу):

«Воронский вел среди литераторов: меня, Катаева, Губера, Бабеля и прочих разговоры, имеющие целью воспитать и развить ненависть и враждебность к руководителям ВКП(б)... Воронский готовил теракт над Ежовым, намечая использовать литературную встречу в квартире Ежова. На этой встрече согласно намеченному плану должны были присутствовать кроме заговорщиков и исполнителей писатели Пильняк, Бабель, Гроссман...»

Допрос 11 декабря 1937-го. Б. А. Пильняк (приговорен к расстрелу).

«Он, Пильняк, агитировал за ярого троцкиста Воронского, Сейфуллину, Бабеля и других. Бабель и Сейфуллина ездили к Воронскому в ссылку за инструкциями...»

Допрос 29 июля 1938-го. А. И. Стецкий, бывший зав. отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) (приговорен к расстрелу):

«Работал с писателями в антисоветском духе, противопоставлял их, в том числе и Бабеля, линии партии...»

Кое-что наскреблось еще — и вот новое обвинительное заключение готово.

Снята только одна статья — 58-7 (вредительство), все остальное повторено почти слово в слово. Бабель обвиняется в том, что

«1. Являлся активным участником контрреволюционной троцкистской организации.

2. Вел шпионскую работу в пользу французской и австрийской разведок.

3. Готовил теракты против руководителей партии и правительства.

Считая предварительное следствие законченным, следственное дело № 419 передать в Прокуратуру СССР для направления по подсудности»,— и вереница подписей, снизу вверх: следователь Акопов, старший следователь Кочнов, зам. начальника следчасти Родос, начальник Сергиенко.

И все же почему-то они медлят с направлением в суд, задерживают до особого распоряжения еще на месяц.

5 ноября Бабель обращается к Верховному прокурору. Записка на клочке бумаги, буквы неровные.

«Верховному прокурору СССР от арестованного Бабеля И. Э., бывшего члена ССП.

Со слов следователя мне стало известно, что дело мое находится на рассмотрении Прокуратуры СССР. Желая сделать заявление, касающееся существа дела и имеющее чрезвычайно важное значение, прошу меня выслушать».

На следующий день начальник тюрьмы капитан Миронов отправил записку по назначению.

Перед праздником 7 Ноября, как вспоминает вдова Бабеля А. Н. Пирожкова, к ней на Николо-Воробинский пришел молодой сотрудник НКВД и попросил дать для Бабеля брюки, носки и носовые платки.

«Какое счастье, что во время обыска удалось перенести брюки Бабеля из его комнаты в мою. Носки и носовые платки имелись в моем шкафу. Я надушила носовые платки своими духами и все эти вещи передала вошедшему. Мне так хотелось послать Бабелю привет из дома! Хотя бы знакомый запах.

Раздумывая с мамой о визите сотрудника, мы пришли к выводу, что это хороший признак, какое-то облегчение, как нам казалось».

Этот запах духов, возможно, был для Бабеля последней весточкой из дома.

21 ноября, не дождавшись ответа из Прокуратуры, он пишет туда опять, тоже на обрывке, рука так же нетверда.

«В дополнение к заявлению моему 5 ноября 1939-го вторично обращаюсь с просьбой вызвать меня для допроса. В показаниях моих содержатся неправильные и вымышленные утверждения, приписывающие антисоветскую деятельность лицам, честно и самоотверженно работающим для блага СССР. Мысль о том, что слова мои не только не помогают следствию, но могут принести моей родине прямой вред,— доставляет мне невыразимые страдания. Я считаю первым своим делом снять со своей совести ужасное это пятно».

Со своей жизнью Бабель, видно, уже простился, мучается судьбой других. Все последние месяцы.

Тем временем следователи в который раз задерживают дело, теперь до 2 января 1940 года. Почему же тянут? Бабель нужен им для новых арестов, для раскрутки еще одного массового процесса?

В декабре деньги для Бабеля на Лубянке уже не принимали. Он был в Бутырской тюрьме. И оттуда отправил третье послание в Прокуратуру:

«Во внутренней тюрьме НКВД мною были написаны в Прокуратуру Союза два заявления — 5 ноября и 21 ноября 1939 года — о том, что в показаниях моих оговорены невинные люди. Судьба этих заявлений мне неизвестна. Мысль о том, что показания мои не только не служат делу выяснения истины, но вводят следствие в заблуждение — мучает меня неустанно... Мною приписаны антисоветские действия и антисоветские тенденции писателю И. Эренбургу, Т. Коновалову, М. Фейерович, Л. Тумерману, О. Бродской и группе журналистов — Е. Кригеру, Е. Бермонту, Т. Тэсс. Все это ложь, ни на чем не основанная. Людей этих я знал, как честных и преданных советских граждан. Оговор вызван малодушным поведением моим на следствии».

ПРИГОВОР

Бабель обречен, но бьется до конца, уже за других.

25 января, за день до судебного заседания, он обратился с заявлением в Военную коллегию Верховного суда:

«5 ноября, 21 ноября 1939 года и 2 января 1940 года я писал в Прокуратуру СССР о том, что имею сделать вкратце заявление по существу моего дела и о том, что мною в показаниях оклеветан ряд ни в чем не повинных людей. Ходатайствую о том, чтобы по поводу этих заявлений был до разбора дела выслушан прокурором».

Бабель просит вызвать в суд в качестве свидетелей: Воронского, Эренбурга, Сейфуллину и других людей, которые знают его, просит дать ему возможность ознакомиться с делом.

Ни одну из его просьб не удовлетворили.

На следующий день был суд. Заседали, видимо, в кабинете Берии, тут же, в Бутырках. Таков был негласный порядок: Берия имел кабинеты во всех тюрьмах города, «работал» обычно по ночам, а днем уступал место судьям.

Испытанная «тройка» Военной коллегии — многоопытный председатель, армвоенюрист Ульрих, и члены — Кандыбин и Дмитриев. Конвейер — на каждое дело не больше двадцати минут.

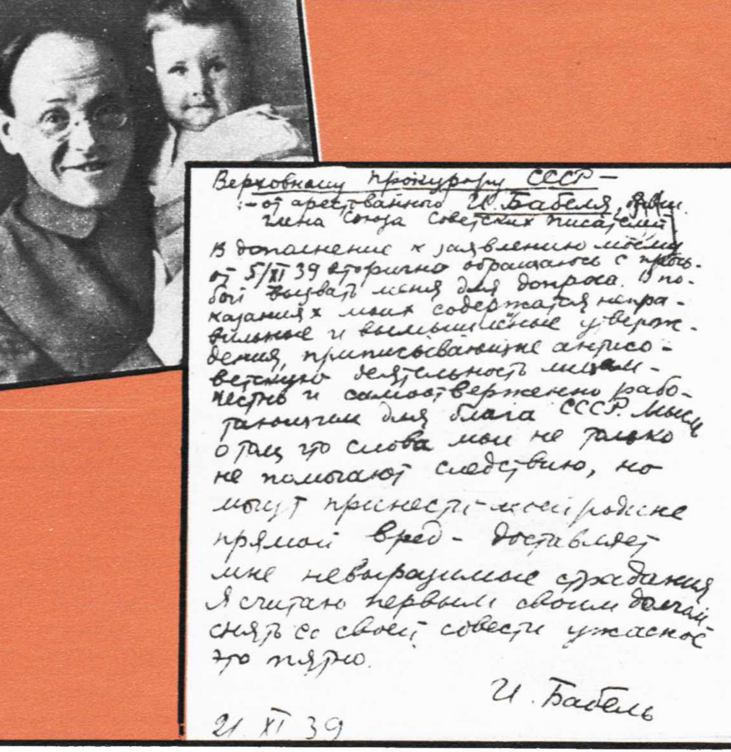
Ввели подсудимого. Зачитали обвинение — все ту же жвачку, приготовленную Сериковым и Акоповым. Дали слово Бабелю.

— Я не виновен. Шпионом не был. Никогда ни одного действия не допускал против Советского Союза. В своих показаниях возвел на себя поклеп. Себя и других оговорил по принуждению...

Судьи его не слушали. Приговор — расстрел — был предрешен.

Его еще ждала бесконечная и мгновенная ночь, ночь смертника.

«Приговор приведен в исполнение 27 января 1940 года в Москве. Сведений о месте захоронения не имеется».

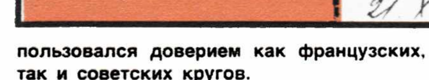


Верховному прокурору СССР —
от арестованного И. Бабеля, быв. члена Союза Советских писателей

В дополнение к заявлению моему от 5/XI 39 вторично обращаюсь с просьбой вызвать меня для допроса. В показаниях моих содержатся неправильные и вымышленные утверждения, приписывающие антисоветскую деятельность лицам честно и самоотверженно работающим для блага СССР. Мысль о том, что слова мои не только не помогают следствию, но могут принести моей родине прямой вред — доставляет мне невыразимые страдания. Я считаю первым своим долгом снять со своей совести ужасное это пятно.

И. Бабель

21 XI 39



РЕАБИЛИТАЦИЯ

А. Пирожкова. 25 января 1954 г.:

«Генеральному прокурору СССР т. Руденко.

Мой муж, писатель И. Э. Бабель... осужден сроком на 10 лет без права переписки. По справкам, получаемым мною ежегодно в справочном бюро МВД СССР, он жив и содержится в лагерях.

Учитывая талантливость Бабеля как писателя, а также то обстоятельство, что с момента его ареста прошло уже 15 лет, прошу Вас пересмотреть дело И. Э. Бабеля для возможности облегчения его дальнейшей участи».

Проверка дела Бабеля была поручена военному прокурору, подполковнику юстиции Долженко. В июне он вызвал Пирожкову к себе. По ее словам, произошел такой разговор. Пирожкова: «Вы дело Бабеля видели?» — «Вот оно, передо мной».— «И какое впечатление?» — «Дело шито белыми нитками...»

И вот же, чтобы реабилитировать невиновного, понадобилось подшить к делу отзывы трех человек.

Еще три документа из досье Бабеля.

Екатерина Павловна Пешкова, 16 июля 1954 года:

«Я познакомилась с писателем Бабелем со времени приезда Алексея Максимовича Горького из Италии примерно в 1928—1931 годах. Особенно часто встречала Бабеля летом 1934—1935 годов, когда он посещал Алексея Максимовича в Горках-10. Бабель к Алексею Максимовичу приходил очень часто, одно лето, когда жил на даче в Молоденове, Бабель приходил ежедневно.

Алексей Максимович Горький о писателе Бабеле отзывался исключительно с положительной стороны. Ценил его как талантливого новеллиста, говорил, что Бабель обладает редкой способностью писать миниатюры — короткие рассказы, советовал ему писать короткие рассказы, считал его способным написать и большую вещь.

Бабель является ярым патриотом Советского Союза, с восторгом рассказывал о перерождении людей, что он наблюдал во время своих поездок по Союзу. Алексей Максимович Горький всегда с интересом слушал эти его рассказы.

Меня крайне удивил арест Бабеля, зная его за советского человека».

Илья Эренбург, 16 июля 1954 года:

«Я знал Бабеля с 1926 по 1938 год и часто с ним встречался, много беседовал. Это был честный советский писатель, как у нас, так и заграницей всегда защищавший наши идеи. Он был коммунистом по убеждениям, осуждал троцкистов всегда в разговорах. А. М. Горький говорил мне, что считает его прекрасным и честнейшим писателем и человеком.

С Андре Мальро познакомил Бабеля я. Мальро в то время был близок к французским коммунистам, принимал активное участие в организации съезда антифашистских писателей в 1935 году вместе с Барбюсом и другими. После войны Мальро выступил как антикоммунист и сторонник де Голля. Однако в то время, когда Бабель с ним встречался в Париже, Мальро пользовался доверием как французских, так и советских кругов.

Я считаю Бабеля выдающимся советским прозаиком, его произведения широко известны за рубежом и всегда причислялись как нашими друзьями, так и врагами, к наиболее ярким образцам коммунистической литературы».

Валентин Катаев, 24 июля 1954 года:

«...Бабеля знаю с 1919 или 1920 года, когда мы работали в Одессе по агитации и пропаганде в Одесском губкоме. Тогда Бабель только что вернулся из Конармии и писал рассказы для книги «Конармия». Рассказы эти всем очень нравились, и мне в том числе. К этому времени Бабель был уже известным писателем, так как Максим Горький напечатал его в своем журнале «Летопись». Бабель поражал меня тогда остротой и своеобразием своего стиля. Переехав в 1922 году в Москву, я снова встретился с Бабелем и часто с ним виделся у Маяковского, который очень высоко ценил талант Бабеля и напечатал у себя в журнале «Леф» рассказ Бабеля «Соль». Маяковский считал Бабеля одним из самых выдающихся прозаиков того времени. Затем мне неоднократно приходилось слышать от Максима Горького самые восторженные отзывы о Бабеле. Не ошибусь, если скажу, что из всех нас, молодых писателей, Алексей Максимович больше всех любил Бабеля и советовал даже у него учиться...

...Бабель был безусловным сторонником Советской власти, восхищался гением Ленина и считал, что Октябрьская революция открыла новую страницу мировой истории... Относительно художественных произведений Бабеля у меня впечатление двойственное. Когда-то они мне очень нравились остротой стиля и своеобразием формы. Но сейчас мне кажется, что литература Бабеля несколько манерная, претенциозная, впрочем, ведь все на свете меняется, я уверен, что теперь Бабель бы писал по-другому. Из его вещей больше всего мне нравятся «Одесские рассказы» и пьеса «Закат». Что же касается книги «Конармия», то она мне нравится меньше, так как теперь иначе смотришь на многие исторические события нашего славного революционного прошлого. В «Конармии» Бабель все-таки не поднял подвиг русского народа на ту высоту, которой он достоин, но и в этой книге много ценного и патриотического, в этом нельзя не признаться...»

Долженко изучил показания всех, кто имел отношение к делу Бабеля. Дело на глазах разваливалось.

Из определения Военной коллегии Верховного суда от 18 декабря 1954 года: «Фигурирующий в показаниях Бабеля на предварительном следствии ряд лиц, якобы причастных к его преступной деятельности, в т.ч. Эренбург, Катаев, Леонов, Иванов, Сейфуллина и др., не арестовывались и вообще не привлекались к ответственности, а дело в отношении б. секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева прекращено за отсутствием состава преступления... Просмотром архивно-следственных дел Урицкого и Гладун, показания которых были приобщены к делу Бабеля, в качестве документальной вины Бабеля, установлено, что они впоследствии от своих показаний отказались, как от вымышленных.

Прокуратура также установила, что принимавшие участие в расследовании дела Бабеля б. работники НКВД Родос и Шварцман ныне арестованы как фальсификаторы следственных дел.

Военная коллегия Верхсуда СССР, проверив материалы дела и согласившись с заключением прокурора, определила: «Приговор Военной коллегии Верхсуда СССР от 26 января 1940 года в отношении Бабеля И. Э. отменить по вновь открывшимся обстоятельствам и дело о нем... прекратить».

Но и теперь еще за делом Бабеля тянется ложь. На обороте последнего листа заключения прокурора о реабилитации дана недвусмысленная справка: «Приговор в отношении Бабеля приведен в исполнение 27 января 1940 г.»

А полтора месяца спустя после заключения прокурора Военная коллегия сообщает в Главную военную прокуратуру, КГБ и МВД:

«Пирожковой объявить о реабилитации Бабеля и о том, что он, отбывая наказание в местах заключения, умер...» — и дальше в пустое заказыванное пространство чья-то недрогнувшая рука вписывает чернилами: «17 марта 1941 года...»

Через месяц опять: «Сообщаем, что Бабель, отбывая наказание, умер 17 марта 1941 г.» — дата уже напечатана на машинке.

И так идет во все энциклопедии и справочники, до сегодняшнего дня протянулось это, уже бессмысленное, вранье!

И последний документ. 24 января 1964 года Военная прокуратура обратилась в КГБ с просьбой выслать ей изъятые у Бабеля при обыске рукописи.

Ответ: «Сообщаем, что рукописи, записные книжки не сохранились».

То же говорят в КГБ и сейчас: рукописей Бабеля нет.

Александр Солженицын назвал клочок неба, которому досталось простираться над Лубянкой, «несчастливым». Этот клочок неба проткнула закопченная труба, столб дыма, десятилетиями посыпавший Москву пеплом сожженных рукописей. Сколько улетело в эту трубу книг, которых уже никто никогда не прочтет!

НОЧНОЙ АМСТЕРДАМ

Валентин ЮМАШЕВ
Юрий ФЕКЛИСТОВ
(фото)

Кажется, на факультете журналистики нет спецсеминара под названием «Трудные журналистские тропы». Тем не менее образ есть, он существует. И это значит, что журналист попал туда, где жутко как тяжело, трудно, сил никаких, но мужественный журналист все это превозмог, преодолел и передал те самые заветные несколько строчек в газету.

Так вот. Трудные журналистские тропы привели меня в публичный дом города Амстердама. Притом не просто в зауряндненький какой-нибудь публичный домишко, а самый роскошный, самый известный, самый престижный публичный дом города. Мой переводчик Марк, очень приятный, умный парень, выпускник университета, который сопровождал меня по ночному Амстердаму, переступил вместе со мной порог дома с нескрываемым трепетом. Потом он мне рассказал, что слышал об этом публичном доме еще с детства, а студентом он с друзьями бродил вокруг многоэтажного роскошного здания. Чтобы войти внутрь, денег ни у кого из них не хватало. К дому подъезжали «феррари», «роллс-ройсы» и очень дорогие «мерседесы», из них вылезали пузатые или изящные, молодые или старые, в общем, всякие, но очень богатые господа и заходили внутрь. А бедные студенты оставались снаружи.

И вот я тоже внутри. Марк рядом со мной. Мы беседуем с хозяином публичного дома господином М. Фамилию он свою просил не называть. В принципе весь Амстердам знает, что именно он, господин М., является хозяином заведения, в том числе знает это и полиция, но, так сказать, официально он числится владельцем домашнего ресторана для людей старшего возраста.

Господину М. лет сорок пять. У него прекрасная белозубая улыбка, благородный загар, волосы чуть тронуты сединой, вообще, выглядит он отлично, как, видимо, и должен выглядеть хозяин преуспевающего публичного дома.

Он проводит нас по этажам, многочисленным комнаткам, закоулкам, служебным помещениям здания. И мы попадаем туда, куда не положено заглядывать даже богатым и очень богатым клиентам. По ходу нашего путешествия господин М. дает короткие пояснения: «Здесь гараж, он охраняется, поскольку машины очень дорогие. Здесь склад для шампанского. В наших традициях, а они многолетни, продажа клиентам только шампанского. Другие напитки, мы считаем, для такого случая неуместны. А вот здесь отдыхают, располагаются наши девочки».

Господин М. ввел нас в уютное, чистое и в то же время предельно простое помещение, с многочисленными шкафчиками, большим длинным столом, большим зеркалом, ковриком на полу, вот, пожалуй, и все убранство комнаты. Она напомнила мне что-то вроде спортивной раздевалки в бассейне. Да, подтвердил наш хозяин, у каждой девушки ключи от шкафчика, и он принадлежит только ей, там, дальше, душ, так что здесь все возможности, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть.

Наконец, господин М. повел нас в освободившийся на этот момент номер. Дверь была закрыта, и, прежде чем мы вошли туда, он сказал: «Только имейте в виду, что это не лучшие апартаменты, эти считаются средними, а лучшие, к сожалению, сейчас заняты». Мы вошли, остановились, и... Господин М., глядя на нас, удовлетворенно хмыкнул, он был доволен произведенным эффектом. Такое я видел только в совсем ненашем кино, картину завершало нечто среднее между огромной ванной и бассейном, расположившееся прямо в центре этого огромного, роскошного, утопающего в коврах и роскоши зале.

Ну а дальше я беседовал с самими девушками — с милыми, симпатичными, очень красивыми и не очень, умными и глупенькими, в общем, с обычными дорогостоящими проститутками. Беседовал с клиентами, с обслуживающим персоналом публичного дома, с его старожилами и людьми новенькими, только поступившими на службу...

Больше не буду утомлять читателя неуместными рассказами про то, чего самому читателю увидеть скорее всего не придется. Не потому, конечно, что ни один советский турист или советский командированный не заглянет как бы невзначай в подобное заведение. Это, я думаю, может и случиться. Но просто посещение этого публичного дома ему никогда не осилить — слишком дорого.

Забавно то, что заместитель главного редактора журнала «Панорама», который устроил этот визит в публичный дом, очень сильно переживал, что смета, выделенная журналом на мое пребывание в Голландии, не позволила сделать программу посещения публичного дома полной и поэтому пришлось ограничиться только экскурсией и разговорами. Мы с ним вместе поразмышляли над проблемой журналистских лишений, о тяжелой нашей ноше; я сказал, что на журнал «Панорама», так и быть, я не в обиде.

Но, впрочем, вовсе не о публичном доме я хотел рассказать. Вместе с Юрием Феклистовым, фотокорреспондентом «Огонька», мы делали репортаж о ночной жизни Амстердама. А публичный дом просто попался нам по пути. Фотографировать в нем не позволили, но зато мы сделали съемку в других точках города, где жизнь кипела, бурлила и вовсе не походила на ночную, мрачную, темную, а скорее напоминала праздник, фестиваль молодежи и студентов, впрочем, и не только молодежи, потому что начиная с одиннадцати вечера и до утра по центральным улицам города бродили многотысячные толпы людей — молодых и старых, голландцев и интуристов (я тоже интурист!); все светилось, музыка громыхала, всюду мелькали какие-то фонарики, огни, как у нас на Первое мая или Седьмое ноября. Но в Амстердаме был не праздник, а день сугубо обычный, рядовой. Просто почему-то по ночам они любят отдыхать, может быть, потому что днем очень сильно и много работают?

Кто-то танцует, кто-то поет, кто-то целуется, кто-то мчится на досточке-скейте мимо прохожих в совершенно безумном слаломе, а большинство просто ходят, счастливо улыбаясь, глазеют на яркие огни...

«А где контраст?» — спросит меня дотошный читатель. Где рядом со сверкающими неонами, где за капиталистическим фасадом то темное, грязное, гнусное, что не скроется от зоркого ока командированного отечественного журналиста?

Будет вам и контраст! Пожалуйста: в Голландии полно наркоманов.

Нигде столько не видел: ни в Англии, ни в США, ни в ФРГ, там я находил другие изъяны хваленого общества, но тут — это какое-то всеобщее столпотворение накуренных и наколотых. Для нас всякий раз было неожиданным, когда мы сталкивались со всем этим наркотическим бумом, но все остальные реагировали на это совершенно спокойно. На двух машинах мы мчались в Эйндховен, опаздывали на интервью, вдруг первая машина, с Юрой Феклистовым, остановилась, из нее вылез Тони, переводчик, студент и водитель, он весь скрючился, покрылся испариной, руки у него тряслись, он смотрел на нас безумными глазами. Мой переводчик Марк, о нем я уже говорил, достаточно флегматично произнес, что это у него «ломка», сейчас пройдет и мы поедем. Прошло несколько минут, и мы действительно мчались по трассе на «вольво» со скоростью 180 километров в час, впереди Тони, а мы за ним.

Таких ситуаций или похожих было множество. Один из руководителей журнала привел меня в известное в городе кафе-экспресс, завел в особое помещение, подмигнул кому-то и передо мной открыли деревянный сундучок, а там с десяток видов той самой травки. Когда я нервно помотал головой, мой провожатый очень удивился и сказал, что это самая лучшая травка, ее надо брать, лучше в Амстердаме не найти. Когда я опять помотал головой, он совсем расстроился, купил себе, а про меня что-то вслух произнес по-голландски, видимо, что я полный кретин и таких лопухов он в жизни еще не встречал.

Так вот, ночью все наркоманы, которые днем прячутся по квартирам, общагам, коммунам и т. д., выползают на улицы города и заполняют его. В общем-то, как рассказывали нам наши провожатые, большого вреда от них нет, они не буянят, не дерутся, не пристают к прохожим, просто сидят десятками, сотнями на площадях, на зеленых полянках, играют на дудочках и гитарах.

Сейчас в Голландии молодые люди решительно разбились на две мощные группировки. Возможно, немного отдаленно этот конфликт напоминает конфликт наших люберов и хиппи из недавнего прошлого. Но так же отдаленно, как их супермаркет напоминает наш универсам. Сейчас там у них появились так называемые юппи, молодые люди, цель которых — карьера, хороший бизнес, вообще хорошая деловая, предприимчивая жизнь. И, с другой стороны, противоположная группировка, назовем их так, демократы, это в основном студенты, молодые рабочие и т. д., которые издеваются над юппи за их эгоизм, любовь к самим себе и наплевательское отношение к мировым проблемам. Мой переводчик Марк был как раз из этих демократов. Он, например, отказывался заправлять машину у колонок «Шелл», потому что эта нефтяная компания имеет деловые отношения с Южной Африкой, и также проскакивал мимо станций «Экссон», потому что танкер этой компании был виновником катастрофы у Аляски. Впрочем, про себя замечу, ему все-таки было не очень тяжело протестовать, поскольку, проскочив «Шелл» и «Экссон», он тут же видел станцию «Тексако», которая вроде бы пока ничего не натворила, где Марк успешно и заправлялся.

Так вот, ночной Амстердам как бы стал зеркалом этих противоречивых взаимоотношений двух группировок, или даже скорее двух разных образов жизни. Самые богатые, самые роскошные дискотеки со стоимостью аппаратуры во многие сотни тысяч долларов — место обитания юппи. Наоборот, самые демократичные танцзалы, с самыми демократичными нравами — место встречи Марка и его многочисленных друзей. Каждый из этих кланов тщательно оберегает свои традиции. На дискотеку к юппи, например, можно приходить только в костюме, в галстуке, в ботинках. Никаких, естественно, кроссовок. И когда мы туда пришли, Юру Феклистова пустили, у него в жизни все нормально, он, видимо, поэтому ближе к юппи, а меня не пустили. Я был в кроссовках, джинсах, майке. Моя карьера не задалась, пиджака и галстука у меня не было... Так бы я туда и не попал если бы не карточка советского журналиста.

Наши путешествия обычно заканчивались к часам четырем. В это время народу было столько же, сколько и в одиннадцать вечера, ничуть не меньше. Я все пытался понять, когда же город утихает перед утренним взрывом — с грохотом машин, трамваев и уже новой людской толпой — более сосредоточенной, деловой, но, впрочем, замечу, по-прежнему доброжелательной, яркой и вовсе не злой.

Так я этот момент и не застал. К четырем утра ничего — никакой музыки, никаких танцев, никакого пива, даже голландского мне уже не хотелось. Хотелось спать. И я шел спать.

Rondvaart
ENTREE SHOW
SHOW
LIVE SHOW
LIVE SHOW THEATER

Только что кончил писать книжку-портрет Михаила Козакова: факт, как говорится, всего лишь моей биографии, ну, может, отчасти и козаковской — никак не больше того, во всяком случае, пока книга не выйдет и кому-то не взбредет в голову ее прочесть. Рассказал, как сумел, о его судьбе — в театре, в кино, на телевидении; постарался не обойти вниманием все значительное, что он сделал (оказалось: немало). И — ощущаю недосказанность. Вот почему.

...Выдающийся наш музыкант Генрих Густавович Нейгауз писал, что смолоду по наивности воспринимал великих людей, будь то Бетховен или Толстой, как бы минуя специфику их искусства. Ему было важно, «что я через искусство вижу огромного человека, и в какой-то мере (условно говоря) мне безразлично, высказывается ли он в прозе или в стихах, в мраморе или звуках». Ну, великие — великими, бог с ними, но тут сказался и общий закон восприятия, так что наивность Нейгауза-юноши не наивнее притязаний множества поколений зрителей и читателей: искать, допустим, за прекрасно сыгранной ролью что-то такое, что... Нет, не выше искусства, но как бы помимо него. Сверх программы, что ли. Так у меня и с Козаковым. Зная, любя его роли и режиссуру, вспоминаю — не то чтобы первым делом, однако особо,— как он читает со сцены ахматовский «Реквием» январским вечером 1985 года (кто позабылся в простительной эйфории, напомню: гóда Черненко, гóда решительной контратаки несогласного помирать «застоя», его реанимированной судороги). Читает первым, задолго до всех благотворительных вечеров, публично и неразрешенно. То есть небезопасно.

Впрочем, с охотою допускаю, что нынче былой козаковский почин совсем не покажется чрезвычайным,— представьте, в самом деле с охотою, потому что, стремглав привыкая к хорошему в нашей непраздничной жизни, мы с вами в своем праве. Ведь стыдно ж по-нищенски измерять сегодняшнее вчерашним, принимать добрые перемены всего лишь за нежданный и вроде бы полузаконный контраст к недавней скверне. Это как в любой растреклятой очереди за любым дефицитом, где непременно отыщется утешитель, и стоит вам возроптать, тотчас встрянет со своей укоризной: «Ну, товарищи, заелись! То ли еще в войну было!». И все-таки...

Станислав РАССАДИН

ПОЯСНЕНИЕ К ПОРТРЕТУ, или НУЖНА ЛИ АРТИСТУ НРАВСТВЕННОСТЬ?

Вот спрашиваю себя: зачем Козаков в тот вечер решил рискованно нарушить благодушие аудитории? Спрашиваю, не нагнетая мрачного драматизма, но и преуменьшать не хочу: отмена намеченных выступлений, расторжение договоров, замалчивание в прессе — все это стало бы, так сказать, вполне нормальной реакцией власти на самочинную вылазку артиста, вздумавшего извлечь из глухого запрета поэтическую жемчужину самиздата; ту самую, которой совсем незадолго до того отнюдь не посвящали статей, но зато, случалось, привлекали по статье за чтение и хранение. Так что же было причиной? Тщеславие? Или хотя бы артистическая жажда самовыражения?

Первое — без сомнения, нет, второе — без сомнения, да, но, полагаю, было и еще кое-что, лично меня занимающее в особенности.

Понимаю, что тем из читателей, для кого профессия и судьба артиста — немыслимая вершина невообразимого счастья, а он сам — сверхобычное существо, мое признание покажется смешным. Даже наглым. И все же признáюсь: я сочувствую им, артистам, и профессии, и судьбе. Можно, хотя и страшно, сказать: жалею.

Отчего так?

Прежде всего хотя бы и оттого, что не бывает артистов счастливых — если, конечно, не думать, будто счастье возможно без воплощения заветных надежд.

Можно представить писателя, и хорошего, честного, не зараженного самодовольством, кто, умирая, скажет чистосердечно: дескать, все, что мог и должен был сделать, сделал. Другой вопрос, что, допустим, Толстой такого бы о себе ни за что не подумал, проживи он еще хоть полвека, а все-таки, пусть в относительных (что в сравнении с Толстым не обидно) пределах, этакое возможно. Ибо писатель даже в невыносимые времена зависит от себя самого, от своих возможностей, от твердости, наконец, своего характера.

А артисты — ктó из них, из самых великих, сыграл не все, но хотя бы бóльшую часть вымечтанного? Кто за собой не оставил наподобие дорогих могил мучительно невоплощенные и, может быть, свои коронные роли? Кто? Михаил Чехов? Леонид Леонидов? Куда более их благополучный Качалов?.. Уж что говорить о Гарине либо Раневской...

Да опять-таки и не в великих загвоздка. Эта судьба — общая, очень неравно распределяющая свою немилость, но не минующая никого.

— Тебя будут много снимать, когда постареешь,— в давнюю пору обоюдного юношеского приятельства сказал Козакову Андрей Кончаловский. Замечание проницательное — к сожалению, оказавшееся более проницательным, чем коллеги Кончаловского, не исключая его самого, не поспешившие реализовать ресурсы богатой козаковской характерности. Да и на сцене... Конечно, грех горевать: не говоря о кино-, теле- и театральной режиссуре, об общении благодаря ей с большой литературой (Толстой, Гете, Лермонтов, Голдсмит, О'Нил, Дюрренматт, Миллер...), в актерской судьбе Козакова счастливо сбылись Гамлет и Дон Жуан, Кочкарев, Сирано, громкие, именитые роли, к чьей череде при помощи телевидения прибавились Арбенин и Фауст. Но где (загибаю пальцы) его молодой Меркуцио? Глумов? Дульчин, которого он, опоздавши сыграть, отдал в своей постановке Олегу Янковскому? Шервинский в «Днях Турбиных» Булгакова? Людовик в его же «Мольерé»? Дух зла Воланд (как, впрочем, и гаер Коровьев)? Астров? Может быть, Яго? Несомненно, Кречинский?..

Нет, разгибаю от безнадежности замысла: пальцев не хватит, да к тому же у всякого — в первую голову у Козакова — свой список утрат, свои представления, для какой именно роли будто намеренно создана его ироническая пластика, его, я сказал бы, способность к лирической эксцентричности.

Лет с десяток назад Козаков поставил в театре «Эрмитаж» спектакль «Это беспощадное искусство!» — по двум коротеньким пьесам. Его не многие видели, и жаль: помнится, то была из лучших режиссерских работ Козакова. И очень, очень смешная. Первую пьесу сочинил американец Роберт Андерсон, другую — в пандан или, напротив, в пику ей — наш Леонид Зорин; действующими лицами обеих были люди театра: режиссер, драматург, артист. И если актер «ихний» изображался существом бесконечно зависимым, унижающимся ради роли и заработка, шутовски или гладиаторски готовым на все, то «нашенский» ничего не хотел, никуда не стремился, даже тщеславием не болел. Ему, полустатисту, навязывали роль Наполеона Бонапарта, ради которой и сам Стайгер согласился играть у Бондарчука, а он отбивался руками, ногами, предпочитая озвучивать на радио зверушек и вéрхом признания видя приглашение в блаженной памяти телевизионный «Кабачок».

Наглец? Зарвавшийся пролетарий сцены? О да, и драматург Зорин, уж разумеется, тянул одеяло на себя, упирая (тоже небезосновательно) на зависимость и его профессии. Но комически явленная атрофия актерского самолюбия есть, быть может, самый печальный из результатов отсутствия у артиста собственной воли. Руководства собственной судьбой.

Противостоять чему отчаянно трудно!

Вот отчего я, например, без раздражения — ну, если только не встретится вовсе бесстыдная крайность — листаю самые льстивые из парадных портретов, этого распространенного рода артистических жизнеописаний. Понимаю: это как воздаяние при жизни, которой к тому ж не суждено, словно жизни писателя или живописца, затвердеть в воплощении, продлиться в истории. А коли так, изволь. Без опоздания прочти о себе, что ты самый-самый-самый...

Понимаю, даже избрав иной путь, иной род портрета, то есть вовсе не собираясь ни убеждаться, ни убеждать, будто Михаил Козаков и есть тот самый, который самый-самый. Ибо назовем ли артистов театра и тем паче кино, тех, что и ныне сумели себя воплотить полнее, удачливей, памятней, чем Козаков? Вопрос для него, пожалуй, и невеселый, для нас — риторический. Сколько угодно. Есть ли у нас лучшие режиссеры, нежели он? Еще бы! Читает ли кто-то стихи лучше, чем... Э, нет, вот тут осекусь, задержу безапелляционное «да», потому что считаю эту грань козаковской работы явлением выдающимся, но легко допущу, что иные иного мнения, которое плюралистически не оспорю.

А при всем при том Козаков занял совершенно особое, решительно свое место — в кино, в театре, на телевидении, в чтецком деле или лучше сказать: в нашем искусстве, в целом и вкупе... Впрочем, какое именно — чтоб разобраться в этом, для того и писалась книга, а я сейчас о другом.

У человека театра или даже кино есть и еще нечто, что, по моему пониманию, невыгодно и опасно лишает его преимуществ опять-таки литератора, живописца или композитора-музыканта. У тех есть надежда (совсем не такая смешная, как ее трактовали те, кто вел очередную кампанию против «сумбура в музыке» или «художников-компрачикосов»): не будучи понятым современниками, обрести признание через пять, двадцать да хоть и через сотню лет. То есть у них есть возможность не зависеть от непосредственного успеха. А гениальный фильм, не утратив и через двадцать лет гениальности, тем не менее может уже не сыскать пути к сердцу зрителя; гениальный спектакль, отвергнутый залом, как бы и вовсе не существует, и вольно постановщику сетовать на недоросшего зрителя. Вот, между прочим, одна из причин, по каким столь зыбки критерии в этих родах искусств, вот лаз для бездарностей и неумех, которые, поделом провалившись, получают или захватывают шанс стать в один ряд с неоцененным талантом. Вспоминается Фазиль Искандер: «...Рабство уже тем плохо, что у труса, связанного цепью, чувство равенства с героем, связанным цепью». А разве зависимость от сиюминутной милости зрителя не золоченая клетка? Не одна из форм несвободы?

Чтоб остаться, вернее, стать и в этой клетке свободным, пребывая только самим собой, для этого надобно обладать незаурядной стойкостью. В том числе нравственной.

Приступаю к материи, деликатной в особенности. Рискую заметить: как бывают артисты, не чересчур угнетенные общим образованием, однако благодаря прирожденной органике способные безупречно изобразить саму рафинированность, так случается, что они же, как будто ничуть не утрачивая мастерства и таланта, поют или произносят такие слова, от которых душу воротит — по крайней мере у слушателя и зрителя. И вот что меня занимает: действительно ль здесь не происходит утраты или растраты? Неужто и впрямь профессия лицедея надежно обороняет душу от искажения, когда уста лгут?

Вроде бы да, и вот свидетельство авторитета, не девальвированное даже ерничеством. Фаина Раневская говорит о коллеге:

— Он, безусловно, талантливый человек, но большой подонок.

И когда вспоминающий ныне об этом ее собеседник, молодой на ту пору актер Михаил Козаков удивляется парадоксу: «А разве так бывает, Фаина Георгиевна?»,— замечательная старуха поднимает «килограммовые, как у Вия, веки» и насмешливо смотрит на него в упор. (Может быть, фантазирую я, отчасти и сожалея о таком приобретении своего беспощадного опыта?)

— Миша, когда я была в вашем возрасте, я тоже полагала, что это несовместимо. Но потом поняла, что талант — как прыщ. Он может вскочить на любом лице.

Впрочем, Раневская, кажется, назвала иную часть тела.

Неужели она права?..

«Спасибо Вам за Ваш священный подвиг, товарищ Генеральный секретарь!» — забыли уже такую песню? Недавно один кинокритик с усмешкой заметил про нынешнюю статью, в которой обличались заказчики и создатели этого холуйского сочинения, что лишь для исполнителя — солиста Большого театра Ворошило в ней отыскались слова словно бы даже сочувствия: кáк, дескать, ему, бедолаге, было трудно — наспех учить этот плод неотложного вдохновения и волноваться, не собьется ли на высоком концерте, не перепутает ли пронумерованных и опечатанных, как казенная собственность, слов?

Возможно, что критик-насмешник не прав и не стоит быть злопамятными, но что же поделаешь, ежели помнится? Как помнится, скажем, маститый Евгений Нестеренко, ради такого случая пренебрегший вокалом и, раздуваемый счастьем, декламирующий все на том же, кажется, торжестве: «...Товарищ Брежнев нынче говорит!». Как помнится Смоктуновский, обволакивающий своей рефлектирующей интеллигентностью дикий дикторский текст фильма «Повесть о коммунисте»... Все они потому и помнятся, что не удается забыть моей тогдашней досады: «Ну, зачем это **им**?»

То есть можно понять зачем. У кого не хватило духу отказаться (хотя, казалось, чего проще — ответреться: голос, мол, сел или я певец, декламация не мое дело). Кто, напротив, жадно урывал заказ, справедливо рассчитывая на воздаяние. Думаю тем не менее, что

и эта моя досада, и сама наша язвительная памятливость суть не что иное, как свидетельство уважения к артистической личности. Вообще в принципе. Желание не оскорблять ее снисходительностью — во всяком случае, большей, чем нормальная снисходительность к нормальной человеческой слабости.

Тем паче что речь о сфере, где очень велик соблазн в самом деле решить, что к таланту, как и к прыщу, бессмысленно иметь претензии. Ведь не сорвался же баритон Ворошило на какомнибудь фа диез, воспевши престарелого генсека не ниже собственного умения, а Онегин либо Роберт в «Иоланте» на следующем спектакле у него прозвучали не хуже обычного — так о чем толковать? И все же спрошу без надежды на точный ответ, но и без риска, ибо никто не сочтет возможных утрат, никто не сумеет разобъяснить: кáк подобные компромиссы могут сказываться на творческом самочувствии? Кáк оно, самочувствие, уживется — и уживается ли — с цинизмом?

Не прошусь в моралисты. Никого никому не тычу в глаза, да и тот, о ком сочинил книгу, пожалуй, этому помешал бы. И мешает тем, что (вот уж точно злопамятно) поминает свои грехи, не такие, кажется, и великие.

То он — сверху вниз — презрительно глянет на себя давнего, хоть молоденького, но уже с Гамлетом за плечами (да не мелком, потому что, глянув, напишет, а написав, издаст), за то, что не сгорел заживо от стыда в роли мерзавца-абстракциониста из софроновской пьесы. То всерьез пожалеет, что, соблазнясь неоднозначностью фигуры, взялся играть Дзержинского и хоть сыграл с добросовестностью, даже с блеском, но чтó можно было сделать в фильме, где история изначально подменена, где роли зла и добра расписаны по ранжиру «застоя»?.. А то возьмет и зло помучит себя воспоминанием: он, мальчик, смотрит инсценировку «Хождения по мукам» с другом родителей Борисом Михайловичем Эйхенбаумом.

Цитирую (из козаковской книжечки, изданной «Огоньком»):

«— Вам что, дядя Боря, не нравится?

Он отводит меня в сторону и говорит очень серьезно:

— Ты сейчас, Миша, может быть, не поймешь то, что я тебе скажу. Но запомни на всю жизнь. Это все ложь.

— Что, дядя Боря? Спектакль?

— И спектакль, и Махно, и Бессонов, и роман этот в основном ложь.

...Надо же было так случиться, что я дважды (!) играл потом в «Хождении по мукам», в двух киноверсиях. И та и другая версии — никудышные, и я там очень плох. И поделом...»

«Ах, актеры, актеры...» — Я вновь цитирую самого Козакова, его интеллигентские покаянные мысли.— Чего только нам не приходится играть! Счастье тем из нас, кто искренне не ведает, что творит...»

Как мы уже поняли, не ему самому. **Этого** счастья он лишен.

«...Горе тем, кто ведает правду, но играет, и печальную радость испытывают немногие, кто находит в себе мужество отказаться от роли, чтобы засыпать спокойно, не зная угрызений совести, не напиваться в гадюшнике актерского ресторана ВТО, желая забыться во хмелю, и пьяно исповедоваться тоже пьяному и уже не воспринимающему коллеге: «А я-то тут при чем? Что я, режиссер, что ли? Мы актеры, наше дело телячье. Жить-то надо. Нельзя же не играть вообще... И потом ты заметил, какой у меня подтекст был в этой реплике? А? И еще перед финалом — какой я глаз выдал, когда мой партнер, этот.., монолог толкал?!»

Что они такое — эти слова козаковского собрата по профессии, переданные им хоть и с полупрезрительным, но сочувствием? Подтверждение грустного скепсиса Раневской? А может, наоборот: опровержение?.. Да, именно так, опровержение — пусть даже косвенное, косноязычное, жалкое. Потому что душевный неуют, очерченный Козаковым с жанровой узнаваемостью, с той, что доступна лишь вдосталь наглядевшемуся очевидцу, он-то и есть признание: критерии существуют, намекая своим существованием, что общество в целом не безнадежно. И когда завсегдатай гадюшника спьяну выпрашивает себе оправдание, а — беря много выше и забираясь гораздо глубже, в историю — сама великая Стрепетова, сыгравшая в антисемитской пьесе, даже она... Хотя почему *даже*? Тут ведь не было ни оправдания нищетой, ни угрозы «не играть вообще»... Словом, если и Стрепетова испытывается презрением лучшей публики и неодобрением честнейших коллег,— это победа общественного мнения. Впрочем, какая победа? До нее далеко; просто напоминание, что мнение это не совсем искоренили...

Есть разные представления о профессионализме.

Одну — высокоталантливую — актрису интимно спросили, не совестно ли ей играть в наипошлейшей «Стряпухе». Она ответила:

— Конечно, совестно. Но я актриса. И если уж получила роль, стараюсь играть как можно лучше.

Говоря без малейшей иронии, ответ заслуживает почтения. Во всяком случае, уважительного понимания. Куда в большей степени, чем интеллигентнейший режиссер, не погнушавшийся предоставить свои подмостки тому, что сам от души презирает. Но...

То, что подобная — более чем привычная — ситуация мучает Козакова, и сам опыт, который, казалось бы, уже ко всему должен был его приучить, чем дальше, тем больше отнимает возможность благодушной привычки; то, что Козаков не способен удовлетворенно замкнуться в сознании добросовестно исполненного профессионального долга, все это значит: и долг, и сама профессия здесь понимаются по-особому. А верней-то сказать: нормально, неискаженно.

Когда-то давно я, сочинивший для телевидения пьеску о жизни и драме Александра Васильевича Сухово-Кобылина, попросил даму, от которой дело зависело, предложить эту роль Козакову, лично мне тогда незнакомому: почудилось сходство «породы» — ну и другие счастливые сопряжения, допускающие успех. И услыхал:

— Что вы! У него ужасный характер!..

Теперь, когда знаю о Козакове гораздо больше, готов согласиться — с оговоркой, что темпераментный этот эпитет принимаю как псевдоним мучительной (самомучительной) неудовлетворенности. Перепады и переломы судьбы, разрывы, уходы — из лучших театров, иногда на гребне их и собственного успеха,— провалы там, где все гарантировало удачу, и удачи, когда ждать их было почти невозможно, во всем этом участвовал и «ужасный» (для себя самого, а порою и для других) характер, тем не менее удивительным образом подчиняющийся логике, линии, цели.

Сдается, и тот самый случай с ахматовским «Реквиемом», неразрешенно прочитанным в небезопасное время,— как, между прочим, и то, что своего любимого Бродского Козаков читал с разных сцен тоже задолго до снисходительных к поэту времен,— был порождением той же упрямой логики, которую обозначим просто: порядочность. И первопричиной имел не жажду успеха (хотя что в ней зазорного?). Успех того давнего вечера был и так очевиден. Был нужен не просто успех, возможно, и вовсе не он, а... Да что рассусоливать! Козакову **это было нужно** — и все тут. Просто нужно. Нужно душевно. Духовно. Прошу прощения за сугубую тривиальность — словно глоток воздуха, когда горло перехватило удушьем.

Ведь дышим по неотложной потребности, а не когда разрешат. Свободными становимся — тоже.

Борис
БАЖАНОВ

Кремль,

ПОМОЩНИК СТАЛИНА — СЕКРЕТАРЬ ПОЛИТБЮРО

Теперь я вхожу в секретариат Сталина. У этого учреждения будет большая история. Сейчас во главе его номинально стоит Назаретян. Но он сейчас же уйдет в отпуск, который будет продолжен по болезни. Он вернется в конце года очень ненадолго, будет Сталиным послан в «Правду» с особыми поручениями (я об этом расскажу дальше — это громкая история) и обратно в аппарат ЦК не вернется.

Амаяк Назаретян — армянин, очень культурный, умный, мягкий и выдержанный. Он в свое время вел со Сталиным партийную работу на Кавказе. Со Сталиным на «ты» сейчас всего три человека: Ворошилов, Орджоникидзе и Назаретян. Все трое они называют Сталина «Коба» по его старой партийной кличке. У меня впечатление, что то, что его секретарь говорит ему «ты», Сталина начинает стеснять. Он уже метит во всероссийские самодержцы, и эта деталь ему неприятна. В конце года он отделывается от Назаретяна не очень элегантным способом. Похоже на то, что этим их личные отношения прервутся. Назаретян уедет на Урал — председателем областной контрольной комиссии, потом вернется в Москву и будет работать в аппарате ЦКК и комиссии советского контроля, но к Сталину больше приближаться не будет. В 1937 году Сталин его расстреляет.

Другой помощник Сталина, Иван Павлович Товстуха, наоборот, до самой своей смерти (в 1935 году) будет играть важную роль в сталинском секретариате и при Сталине. Но сейчас, на ближайшие месяцы, он в секретариате будет бывать мало: он выполняет особое поручение Сталина — организует «Институт Ленина». Постоянно работают в секретариате сейчас три помощника Сталина: я, Мехлис и Каннер. Когда мы определяем в наших разговорах сферы нашей работы, мы делаем это так: «Бажанов — секретарь Сталина по Политбюро; Мехлис — личный секретарь Сталина; Гриша Каннер — секретарь Сталина по темным делам; Товстуха — секретарь по полутемным».

Это требует пояснений. Сравнительно ясно все насчет меня и Мехлиса. Ничего темного в нашей работе нет. В частности, все, что адресуется и приходит в Политбюро, получаю я. Все, что приходит на имя Сталина лично, получает Мехлис и докладывает Сталину. Я, так сказать, обслуживаю Политбюро, Мехлис обслуживает Сталина. У Гриши Каннера официально функции неопределенно-бытовые. Он занимается безопасностью, квартирами, автомобилями, отпусками, лечебной комиссией ЦК, ячейкой ЦК, на первый взгляд всякими мелочами. Но это надводная часть его работы. Подводная — о ней можно только догадываться.

Я очень скоро выясняю основную линию работы Гриши Каннера. Управляет делами ЦК старый чекист, бывший член коллегии ВЧК Ксенофонтов. Он и его заместитель Бризановский, тоже чекист, работают по указаниям и приказам Гриши.

В первые дни моей работы я десятки раз в день хожу к Сталину докладывать ему полученные для Политбюро бумаги. Я очень быстро замечаю, что ни содержание, ни судьба этих бумаг совершенно его не интересуют. Когда я его спрашиваю, что надо делать по этому вопросу, он отвечает: «А что, по-вашему, надо делать?» Я отвечаю — по-моему, то-то: внести на обсуждение Политбюро, или передать в какую-то комиссию ЦК, или считать вопрос недостаточно проработанным и согласованным и предложить ведомству его согласовать сначала с другими заинтересованными ведомствами и т. д. Сталин сейчас же соглашается: «Хорошо, так и сделайте». Очень скоро я прихожу к убеждению, что я хожу к нему зря и что мне надо проявлять больше инициативы. Так я и делаю. В секретариате Сталина мне разъясняют, что Сталин никаких бумаг не читает и никакими делами не интересуется. Меня начинает занимать вопрос, чем же он интересуется.

В ближайшие дни я получаю неожиданный ответ на этот вопрос. Я вхожу к Сталину с каким-то срочным делом, как всегда, без доклада. Я застаю Сталина говорящим по телефону. То есть не говорящим, а слушающим — он держит телефонную трубку и слушает. Не хочу его прервать, дело у меня срочное, вежливо жду, когда он кончит. Это длится некоторое время. Сталин слушает и ничего не говорит. Я стою и жду. Наконец я с удивлением замечаю, что на всех четырех телефонных аппаратах, которые стоят на столе Сталина, трубка лежит, и он держит у уха трубку от какого-то непонятного и мне неизвестного телефона, шнур от которого идет почему-то в ящик сталинского стола. Я еще раз смотрю; все четыре сталинских телефона: этот — внутренний цекистский для разговоров внутри ЦК, здесь вас соединяет телефонистка ЦК; вот «Верхний Кремль» — это телефон для разговоров через коммутатор «Верхнего Кремля»; вот «Нижний Кремль» — тоже для разговоров через коммутатор «Нижнего Кремля»; по обоим этим телефонам вы можете разговаривать с очень ответственными работниками или с их семьями; «Верхний» соединяет больше служебные кабинеты, «Нижний» — больше квартиры; соединение происходит через коммутаторы, обслуживаемые телефонистками, которые все подобраны ГПУ и служат в ГПУ.

Наконец, четвертый телефон — «вертушка». Это телефон автоматический с очень ограниченным числом абонентов (60, потом 80, потом больше). Его завели по требованию Ленина, который находил опасным, что секретные и очень важные разговоры ведутся по телефону, который всегда может подслушивать соединяющая телефонная барышня. Для разговоров исключительно между членами правительства была установлена специальная автоматическая станция без всякого обслуживания телефонистками. Таким образом секретность важных разговоров была обеспечена. Эта «вертушка» стала, между прочим, и самым важным признаком вашей принадлежности к высшей власти. Ее ставят только у членов ЦК, наркомов, их заместителей, понятно, у всех членов и кандидатов Политбюро; у всех этих лиц в их кабинетах. Но у членов Политбюро также и на их квартирах.

Итак, ни по одному из этих телефонов Сталин не говорит. Мне нужно всего несколько секунд, чтобы это заметить и сообразить, что у Сталина в его

Продолжение. См. «Огонек» № 38.

, 20-е годы

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО СЕКРЕТАРЯ СТАЛИНА

письменном столе есть какая-то центральная станция, при помощи которой он может включиться и подслушать любой разговор, конечно, «вертушек». Члены правительства, говорящие по «вертушкам», все твердо уверены, что их подслушать нельзя — телефон автоматический. Говорят они поэтому совершенно откровенно, и так можно узнать все их секреты.

Сталин подымает голову и смотрит мне прямо в глаза тяжелым, пристальным взглядом. Понимаю ли я, что я открыл? Конечно, понимаю, и Сталин это видит. С другой стороны, так как я вхожу к нему без доклада много раз в день, рано или поздно эту механику я должен открыть, не могу не открыть. Взгляд Сталина спрашивает меня, понимаю ли я, какие последствия вытекают из этого открытия для меня лично. Конечно, понимаю. В деле борьбы Сталина за власть этот секрет — один из самых важных: он дает Сталину возможность, подслушивая разговоры всех Троцких, Зиновьевых и Каменевых между собой, всегда быть в курсе всего, что они затевают, что они думают, а это — оружие колоссальной важности. Сталин среди них один зрячий, а они все слепые. И они не подозревают и годами не будут подозревать, что он всегда знает все их мысли, все их планы, все их комбинации и все, что они о нем думают, и все, что они против него затевают. Это для него одно из важнейших условий победы в борьбе за власть. Понятно, что за малейшее лишнее слово по поводу этого секрета Сталин меня уничтожит мгновенно.

Я смотрю тоже Сталину прямо в глаза. Мы ничего не говорим, но все понятно и без слов. Наконец я делаю вид, что не хочу его отвлекать с моей бумагой, и ухожу. Наверное, Сталин считает, что секрет я буду хранить.

Обдумав все это дело, я прихожу к выводу, что есть, во всяком случае, еще один человек, Мехлис, который тоже не может не быть в курсе дела — он тоже входит к Сталину без доклада. Выбрав подходящий момент, я ему говорю, что я, так же как и он, знаю этот секрет, и только мы его, очевидно, и знаем. Мехлис, конечно, ожидал, что я рано или поздно буду знать. Но он меня поправляет: кроме нас, знает и еще кто-то: тот, кто всю эту комбинацию технически организовал. Это Гриша Каннер. Теперь между собой уже втроем мы говорим об этом свободно, как о нашем общем секрете. Я любопытствую, как Каннер это организовал. Он сначала отнекивается и отшучивается, но бахвальство берет верх, и он начинает рассказывать. Постепенно я выясняю картину во всех подробностях.

Когда Ленин подал мысль об устройстве автоматической сети «вертушек», Сталин берется за осуществление мысли. Так как больше всего «вертушек» надо ставить в здании ЦК (трем секретарям ЦК, секретарям Политбюро и Оргбюро, главным помощникам секретарей ЦК и заведующим важнейшими отделами ЦК), то центральная станция будет поставлена в здании ЦК, и так как центр сети технически целесообразнее всего ставить в том пункте, где сгруппировано больше всего абонентов (а их больше всего на 5-м этаже — три секретаря ЦК, секретари Политбюро и Оргбюро, Назаретян, Васильевский — уже семь аппаратов), то он ставится здесь, на 5-м этаже, где-то недалеко от кабинета Сталина.

Всю установку делает чехословацкий коммунист — специалист по автоматической телефонии. Конечно, кроме всех линий и аппаратов, Каннер приказывает ему сделать и контрольный пост, «чтобы можно было в случае порчи и плохого функционирования контролировать линии и обнаруживать места порчи». Такой контрольный пост, при помощи которого можно включаться в любую линию и слушать любой разговор, был сделан. Не знаю, кто поместил его в ящик стола Сталина — сам ли Каннер или тот же чехословацкий коммунист. Но как только вся установка была кончена и заработала, Каннер позвонил в ГПУ Ягоде от имени Сталина и сообщил, что Политбюро получило от Чехословацкой компартии точные данные и доказательства, что чехословацкий техник — шпион; зная это, ему дали закончить его работу по установке автоматической станции; теперь же его надлежит немедленно арестовать и расстрелять. Соответствующие документы ГПУ получит дополнительно.

В это время ГПУ расстреливало «шпионов» без малейшего стеснения. Ягоду смутило все же, что речь идет о коммунисте — не было бы потом неприятностей. Он на всякий случай позвонил Сталину. Сталин подтвердил. Чехословацкого коммуниста немедленно расстреляли. Никаких документов Ягода не получил и через несколько дней позвонил Каннеру. Каннер сказал ему, что дело не кончено — шпионы и враги проникли в верхушку Чехословацкой компартии; материалы по этому поводу продолжают быть чрезвычайно секретными и не выйдут из архивов Политбюро.

Ягода этим объяснением удовлетворился. Нечего и говорить, что обвинения были полностью выдуманы и никаких бумаг в архивах Политбюро по этому делу не было.

Передо мной встает проблема. Что я должен делать? Я — член партии. Я знаю, что один член Политбюро имеет возможность шпионить за другими членами Политбюро. Должен ли я предупредить этих остальных членов Политбюро?

Какие последствия это будет иметь для меня лично, не представляет для меня никаких сомнений. Погибну ли

А. Н. Поскребышев и И. В. Сталин на XVII съезде ВКП(б). Москва. 1934 г.

я жертвой «несчастного случая» или ГПУ для Сталина смастерит обо мне дело, что я диверсант и агент английского империализма, Сталин во всяком случае со мной расправится. Для большой цели можно жертвовать собой. Стоит ли для этого? То есть для того, чтобы помешать одному члену Политбюро подслушивать разговоры других? Я решаю, что здесь не надо торопиться. Сталинский секрет я знаю; раскрыть его я всегда успею, если это будет очень важно. Пока я этой важности не чувствую — полгода пребывания в Оргбюро унесло у меня уже немало иллюзий; я уже хорошо вижу, что идет борьба за власть, и довольно беспринципная; ни к одному из борющихся за власть я особых симпатий не чувствую. И, наконец, если Сталин подслушивает Зиновьева, то, может быть, Зиновьев каким-то образом в свою очередь подслушивает Сталина. Кто его знает? Я решаю: подождем, увидим.

НАБЛЮДЕНИЯ СЕКРЕТАРЯ ПОЛИТБЮРО

В середине декабря 1923 года ГПУ робко пытается поставить Политбюро в известность о том, что в большей части партийных организаций большинство не на стороне ЦК. Я констатирую, что в огромной ячейке самого ЦК большинство голосует против ЦК. Я запрашиваю секретаря Московского комитета партии Зеленского о результатах голосований в Московской организации. Я получаю паническую сводку — ЦК потерял большинство в столичной организации, наиболее важной в стране; по ней равняются провинциальные организации.

На заседании тройки (утверждение повестки) я докладываю рапорт Зеленского. Для тройки это неожиданный удар.

Конечно, вопросу придается первостепенное значение. Зиновьев произносит длинную речь. Это явная попытка нащупать и сформулировать общую линию политической стратегии по схемам Ленина. Но он хочет дать и свое — он хочет оправдать свою позицию политического лидера; он говорит о «философии эпохи», об общих стремлениях (которые он находит в общих желаниях равенства и т. д.). Потом берет слово Каменев. Он обращает внимание на то, что политические процессы в стране могут быть выражены только через партию; обнаруживая немалый политический нюх, он подозревает, что оппозиция — правая; переходя на ленинско-марксистский жаргон, он говорит, что эта оппозиция отражает силу возрождающихся враждебных коммунизму классов — зажиточного крестьянина, частника и интеллигенции; надо вернуться к ленинской постановке вопроса о смычке рабочего класса и крестьянства.

Пока речи идут на этих высотах, Сталин молчит и сосет свою трубку. Собственно говоря, его мнение Зиновьеву и Каменеву не интересно — они убеждены, что в вопросах политической стратегии мнение Сталина интереса вообще не представляет. Но Каменев человек очень вежливый и тактичный. Поэтому он говорит: «А вы, товарищ Сталин, что вы думаете по этому вопросу?» «А,— говорит товарищ Сталин,— по какому именно вопросу?» (Действительно, вопросов было поднято много.) Каменев, стараясь снизойти до уровня Сталина, говорит: «А вот по вопросу, как завоевать большинство в партии». «Знаете, товарищи, — говорит Сталин,— что я думаю по этому поводу: я считаю, что совершенно не важно, кто и как будет в партии голосовать; но вот что чрезвычайно важно, это — кто и как будет считать голоса». Даже Каменев, который уж должен знать Сталина, выразительно откашливается.

На следующий день Сталин вызывает к себе в кабинет Назаретяна и долго с ним совещается. Назаретян выходит из кабинета довольно кислый. Но он человек послушный. В тот же день постановлением Оргбюро он назначен заведующим партийным отделом «Правды» и приступает к работе.

В «Правду» поступают отчеты о собраниях партийных организаций и результаты голосований, в особенности по Москве. Работа Назаретяна очень проста. На собрании такой-то ячейки за ЦК голосовало, скажем, 300 человек, против — 600; Назаретян переправляет: за ЦК — 600, против — 300. Так это и печатается в «Правде». И так по всем организациям. Конечно, ячейка, прочтя в «Правде» ложный отчет о результатах ее голосования, протестует, звонит в «Правду», добивается отдела партийной жизни». Назаретян вежливо отвечает, обещает немедленно проверить. По проверке, оказывается, — «что вы совершенно правы, произошла досадная ошибка, перепутали в типографии; знаете, они очень перегружены; редакция «Правды» приносит вам свои извинения; будет напечатано исправление». Каждая ячейка полагает, что это единичная ошибка, происшедшая только с ней, и не догадывается, что это происходит по большинству ячеек. Между тем постепенно создается общая картина, что ЦК начинает выигрывать по всей линии. Провинция становится осторожнее и начинает идти за Москвой, то есть за ЦК.

Между тем, на Политбюро разражается буря. Правда, буря в стакане воды.

Дело в том, что Мехлис и Каннер, нуждаясь в помощниках, берут в помощь себе сотрудников с неопределенными функциями (поди, в самом деле, определи функции самого Каннера). Каннеру помогает молодой любезный еврей, партийная кличка которого Бомбин. Он очень мил, его все называют «Бомбик», он хорошо поет арию Лоэнгрина «О, лебедь мой» и тщательно скрывает, что может иметь какие-либо связи с ГПУ (в особенности от меня, так как мои плохие отношения с ГПУ уже в это время всем известны). Мехлис взял к себе в помощь двух человек, во-первых, Маховера, который был Управляющим делами ЦК комсомола и теперь по возрасту ушел из комсомола и переходит на партийную линию (он кончит тем, что будет в момент самоубийства Орджоникидзе его личным и преданным секретарем); во-вторых, Южака, чрезвычайно круглолицего и краснолицего молодого еврея.

Назаретян — человек очень аккуратный. Он не только переправляет результаты голосования организаций, но, чтобы Сталин отдавал себе правильный отчет в истинном положении дел, посылает Сталину сводки и о том, как голосуют на самом деле, и о том, как «Правда» это переделывает.

Мехлис докладывает эти сводки Сталину. Совершенно неожиданно для сталинского секретариата Южак оказывается скрытым троцкистом. Сводки болтаются на столе у Мехлиса. Южак их похищает и доставляет Троцкому. Троцкий устраивает скандал на заседании Политбюро. Всем ясно, что Назаретян работает по сталинскому поручению. Члены Политбюро делают вид, что разделяют справедливое негодование Троцкого, и Сталин первый. Он обещает немедленно произвести расследование. Расследование длится неделю, но к его концу вообще уже все кончено, нужный результат достигнут, машина пошла в обратную сторону, большинство переходит на сторону ЦК, оппозиция потерпела поражение.

Сталин докладывает на Политбюро, что расследованием выяснена личная виновность Назаретяна, который немедленно отозван из партийного отдела «Правды» и удален из секретариата Сталина. Назаретян отослан в провинцию. Он будет председателем краевой контрольной комиссии на Урале. Он не простит Сталину, что Сталин не пытался его защищать и, наоборот, сложил всю вину на него. К Сталину он уже не вернется и будет расстрелян Сталиным в 1937 году. Не знаю, какова судьба Южака, но ни секунды не сомневаюсь, что он не пережил тридцатых годов — у Сталина хорошая память, и он никогда ничего не прощает.

О Сталине я все время узнаю новые детали. Как-то вдруг я узнаю, что Сталин — антисемит, что мне объясняет очень многое в следующие два года.

Узнаю я об этом случайно. Мы стоим и разговариваем с Мехлисом (Мехлис — еврей). Выходит из своего кабинета Сталин и подходит к нам. Мехлис говорит: «Вот, товарищ Сталин, получено письмо от товарища Файвиловича. Товарищ Файвилович очень недоволен поведением ЦК. Он протестует, ставит ЦК на вид, требует, считает политику ЦК ошибочной» и т. д. (Надо пояснить: товарищ Файвилович — четвертый секретарь ЦК комсомола...)

Сталин вспыхивает: «Что этот паршивый жиденок себе воображает!» Тут же товарищ Сталин соображает, что он сказал что-то лишнее. Он поворачивается и уходит к себе в кабинет. Я смотрю на Мехлиса с любопытством: «Ну, как, Левка, проглотил?» «Что? Что? — делает вид, что удивляется, Мехлис.— В чем дело?» «Как в чем? — говорю я. Ты все ж таки еврей». «Нет,— говорит Мехлис,— я не еврей, я — коммунист».

Это удобная позиция. Она позволит Мехлису до конца его дней быть верным и преданным сталинцем и оказывать Сталину незаменимые услуги.

Меня все же интересует, каким образом Сталин, будучи антисемитом, обходится двумя секретарями-евреями, Мехлисом и Каннером. Я очень быстро выясняю, что они взяты в целях камуфляжа. Во время гражданской войны Сталин возглавлял на фронтах группу вольницы, ненавидевшей Троцкого, его заместителя Склянского и их сотрудников-евреев в наркомвоене, что родило в партийной верхушке подозрения в сталинском антисемитизме. В последующем переходе к гражданской работе Сталин, чтобы рассеять эти подозрения, взял в свои ближайшие сотрудники Каннера и Мехлиса, сначала в свои сотрудники в Нар.Ком.Раб.Крест. Инспекции, номинальным руководителем которого Сталин был в 1921—1922 годах, а затем в свой секретариат в ЦК. В этом выборе ему никогда не пришлось раскаиваться. Каннер и Мехлис всегда были его преданными сотрудниками. Каннера он, впрочем, все же на всякий случай в 1937 году расстрелял — Каннер был его поверенным и исполнителем уж в слишком большом числе темных дел. В конце 1923 года вся эта история с оппозицией заканчивается. Она имеет одно маленькое забавное последствие. Так как во время партийной дискуссии большинство в ячейке ЦК было завоевано оппозицией, встает вопрос о виновных. В первую голову ясна совершенная бездарность секретаря ячейки ЦК. Это старая партийная борода, но явный болван. Каннер решает его заменить. Но такую важную вещь, как выбор нового секретаря ячейки ЦК (в ячейке почти полторы тысячи членов — все сотрудники аппарата ЦК — коммунисты), он все же не решается провести без санкции Мехлиса и моей. Он ставит вопрос перед нами. Мы обдумываем. Мехлис вздыхает: «Мы партия рабочих; а в ячейке ЦК — все служащие, канцеляристы и бюрократы, ни одного рабочего; а тут нужен бы по партийной ортодоксии рабочий от станка или по крайней мере ручного труда. А какой тут в ЦК ручной труд?» Чтобы позабавиться, я говорю: «Стойте. Есть в ЦК один рабочий ручного труда». «Не может быть,— говорят мои собеседники.— Это ты выдумываешь». «Уверяю вас, что есть». «Кто же эта синяя птица?»

Я им объясняю, что когда я работал у Молотова секретарем «Известий ЦК», худосочного журнала, о котором я говорил выше, то этот журнал приходил в напечатанном виде из типографии в экспедицию ЦК и оттуда рассылался по партийным организациям. В экспедиции был один рабочий, который все эти тюки паковал, таскал и рассылал. Маленький, лысый и, кажется, не дурак. Фамилия — Поскребышев. При общем смехе решено его вызвать. Поскребышев приходит, ничего не понимая: почему и зачем он может быть нужен секретариату Сталина. Разговариваем с ним. Парень не дурак и уж будет послушен до крайности. Чуть ли не из озорства решаем его выдвинуть в секретари ячейки ЦК (раз это идет из секретариата Сталина, это проходит мгновенно). Поскребышев оказывается секретарем ячейки чрезвычайно послушным и даже слишком часто бегает к Каннеру за директивами.

Но озорство сталинских секретарей играет еще один раз решающую роль в карьере Поскребышева. В 1926 году Станислав Косиор становится четвертым секретарем ЦК (в это время число секретарей увеличивается до пяти). Обычно перемещенный вельможа тянет за собой длинный хвост людей, которым он доверяет, «своих ребят». Косиор хочет показать, что он никакой своей группы не имеет и создавать не хочет, и, когда его спрашивают, кого он хочет иметь своим помощником, скромно отвечает, что у него никакой кандидатуры нет и он предпочтет, чтобы ему кого-либо указал секретариат Сталина; Косиор — маленький и лысый, Поскребышев — маленький и лысый; они представляют довольно комичную пару. Именно поэтому Каннер, давясь от смеха, предлагает в помощники Косиору секретаря ячейки Поскребышева. Что и делается.

Так создавалась карьера будущего секретаря Сталина. Из секретариата Косиора он перейдет в 1928 году в помощники Товстухи, после смерти Товстухи в 1935 году займет его место — помощником Сталина и заведующим Особым сектором, и восемнадцать лет будет верным денщиком Сталина, перед которым будут дрожать министры и чины Политбюро. Правда, он будет иметь неосторожность жениться на родной сестре жены Седова (сына Троцкого). Но когда его жена будет в 1937 году арестована по приказу подозрительного Сталина, он и глазом не моргнет и будет продолжать неотлучно пребывать при Сталине до 1953 года. Только за несколько месяцев до смерти Сталина он будет устранен и в трепете будет ждать своего расстрела. Каковорого расстрела Сталин все же не произведет.

В БОЛЬШЕВИСТСКИХ ВЕРХАХ

Всю вторую половину 1923 года секретарь Сталина Товстуха выполняет очередное «полутемное» дело, порученное ему Сталиным. В борьбе за власть Сталина это дело имеет немалое значение.

Ленин умирает. Борьба за наследство идет между тройкой и Троцким. Тройка ведет энергичную пропаганду в партии, выставляя себя как верных и лучших учеников Ленина... Для Сталина одна часть написанного Лениным представляет особую важность. И во время дореволюционной эмигрантской грызни, и во время революции и гражданской войны Ленину приходилось делать острые высказывания о тех или иных видных большевиках, и, конечно, не столько в печатных статьях, сколько в личных письмах, записках, а после революции в правительственной практике во всяких резолюциях на бумагах и деловых записках. Наступает эпоха, когда можно будет извлечь из старых папок острое осуждение Лениным какого-нибудь видного партийца и, опубликовав его, нанести смертельный удар его карьере: «Вот видите, что думал о нем Ильич».

А извлечь можно много. И не только из того, что Ленин писал, но и из того, что о нем писали в пылу спора противники. Достаточно вспомнить дореволюционную полемику Ленина с Троцким... А чего только нет во всяких личных записках Ленина членам правительственной верхушки и своим сотрудникам. Если все это собрать, какое оружие в руках Сталина!

Тройка обсуждает вопрос, как это сделать, конечно, в моем присутствии. Но я ясно вижу, что Зиновьев и Каменев недальновидно думают при этом только о борьбе с Троцким и его сторонниками, а Сталин помалкивает и дума-

И. П. Товстуха, один из секретарей Сталина.

ет о значительно более широком использовании ленинского динамита. Решено окольными путями внушить Рязанову, чтобы он сделал нужное предложение на Политбюро. Рязанов, старый партиец, считается в партии выдающимся теоретиком марксизма, руководит Институтом Маркса и Энгельса и копается с увлечением в марксовых письмах и рукописях. Действительно, он с искренним удовольствием предлагает Политбюро сделать из Института Маркса и Энгельса Институт Маркса, Энгельса и Ленина. Политбюро в принципе соглашается, но считает необходимым вначале создать особый Институт Ленина, который бы несколько лет был посвящен творчеству Ленина и собиранию всех материалов о нем, и только затем объединить оба института. Кстати, Политбюро решает, что надо приступить к делу немедленно, и 26 ноября 1923 года постановляет, что Институт Ленина должен представлять единое хранилище всех «рукописных материалов» Ленина, и в порядке партийной дисциплины под угрозой партийных санкций обязывает всех членов партии, хранящих в своих личных или в учрежденческих архивах какие-либо записки, письма, резолюции и прочие материалы, написанные рукой Ленина, сдать их в Институт Ленина.

У решения Политбюро хороший камуфляж — решение принято по инициативе Рязанова; члены ЦК, получив протокол Политбюро, будут считать, что дело идет об изучении творчества Ленина.

Помощником директора Института Ленина состоит Товстуха. Он уже давно роется в архивах Политбюро, извлекает ленинские записки и сортирует их. Сейчас у него будет целый поток материалов, которые он будет для нужд Сталина сортировать: ленинские записки, невыгодные для Сталина, навсегда исчезнут; невыгодные для всех остальных будут тщательно собраны, рассортированы по именам. По требованию Сталина относительно любого видного партийца ругательная ленинская заметка в любой момент будет, если понадобится, представлена Сталину.

Л. З. Мехлис на территории Кремля. Москва. 1936 г.

14—15 января 1924 года на Пленуме ЦК подводятся итоги партийной дискуссии — тройка с удовлетворением констатирует, что оппозиция разбита. Можно сделать следующий шаг в борьбе с Троцким. Но эти шаги делаются постепенно и осторожно. Отдельные члены ЦК делают заявления в ЦК, что в Красной Армии неблагополучно. Пленум создает «военную комиссию ЦК» «для обследования положения в Красной Армии». Председатель — Гусев. Подбор состава комиссии такой, что заключения ее вперед ясны: в нее входят и Уншлихт, и Ворошилов, и Фрунзе, и покорные Андреев и Шверник.

Сейчас же после Пленума (16—18 января) XIII партийная конференция аппаратчиков (конференция составляется из руководящих работников местных партийных организаций) по докладу Сталина призывает к бдительности партийных бюрократов, указывая, что «оппозиция, возглавляемая Троцким, хочет сломать партийный аппарат», и требует прекращения всяких дискуссий.

Через несколько дней, 21 января, умирает Ленин. В суматохе следующих дней можно сделать ряд интересных наблюдений. Сталин верен себе. Он отправляет Троцкому (который лечится на Кавказе) телеграмму с ложным указанием дня похорон Ленина, так что Троцкий вынужден заключить, что он на похороны поспеть не может. И он остается на Кавказе. Поэтому на похоронах тройка имеет вид наследников Ленина (а Троцкий, мол, даже не счел нужным приехать) и монополизирует торжественные и преданные речи и клятвы. Я наблюдаю реакции...

Ленин — признанный вождь и лидер. Растерянность — как теперь будет без него? В партийной верхушке отношение разное. Есть люди, искренне потрясенные, как Бухарин или ленинский заместитель Цюрупа, которые к Ленину были сильно привязаны. Немного переживает смерть Ленина Каменев — он не чужд человеческих черт. Но тяжелое впечатление производит на меня Сталин. В душе он чрезвычайно рад смерти Ленина — Ленин был одним из главных препятствий по дороге к власти. У себя в кабинете и в присутствии секретарей он в прекрасном настроении, сияет. На собраниях и заседаниях он делает трагически скорбное лицемерное лицо, говорит лживые речи, клянется с пафосом верности Ленину. Глядя на него, я поневоле думаю: «Какой же ты подлец». О ленинской бомбе «письма к съезду» он еще ничего не знает. Крупская выполняет до буквы волю Ленина. Письмо это к съезду; съезд будет в мае, тогда она вскроет конверт и передаст ленинское завещание Политбюро. Каменев уже что-то знает о завещании от Фотиевой, которая продолжает работать секретарем Совнаркома, но помалкивает.

В связи со смертью Ленина и связанной с ней суматохой пленумы ЦК следуют один за другим. За первым январским пленумом ЦК следует экстренный Пленум после смерти Ленина, затем в январе еще один; только что в начале января были произведены все назначения и переназначения союзных наркомов, и уже снова происходит перераспределение важных мест. Кого назначить председателем Совнаркома на место Ленина? Ни в Политбюро, ни даже в тройке согласия нет. Члены тройки боятся, что если будет назначен один из них, для страны это будет указанием, что он окончательно наследует Ленину — как № 1 режима, а это не устраивает остальных членов тройки. В конце концов сходятся на кандидатуре Рыкова: политически он фигура бледная, и его пост главы правительства будет более декоративным, чем реальным (вроде как Калинин, председатель ВЦИК, формально нечто вроде президента республики, а на самом деле — ничто). До этого Рыков был председателем Высшего совета народного хозяйства.

Но в связи с созданием СССР реорганизуется СТО — Совет труда и обороны. Во главе его — Каменев, и фактически руководство всеми хозяйственными наркоматами (ВСНХ, Госплан, НКФин, НКТорг, НКЗем и т. д.— переходит к СТО; это еще ограничивает важность рыковского поста председателя Совнаркома. Реорганизуется ГПУ, превращаясь в ОГПУ с властью над всем СССР. Формально возглавляет его Дзержинский, но так как он одновременно назначается председателем ВСНХ вместо Рыкова, то практически руководство ОГПУ переходит даже не к первому его заместителю Менжинскому, а ко второму заместителю Ягоде, который уже завязал тесные связи со сталинским секретариатом, но не со мной).

Новый пленум ЦК 3 февраля обсуждает вопрос о созыве очередного съезда, но главное, заслушивает доклад «военной комиссии ЦК» и после резкой критики, направленной внешне против военного наркомата, а по существу против Троцкого, постановляет «признать, что в настоящем своем виде Красная Армия небоеспособна» и что необходимо провести военную реформу.

Наконец, в начале марта новый Пленум наносит новый удар по Троцкому: заместитель Троцкого Склянский (которого Сталин ненавидит) снят; утвержден новый состав Реввоенсовета; Троцкий еще оставлен председателем, но его заместителем назначен Фрунзе; он же назначен на пост начальника штаба Красной Армии. В Реввоенсовет волной вошли враги Троцкого: и Ворошилов, и Уншлихт, и Бубнов, и даже Буденный. Декоративный пост специалиста-главнокомандующего (полковник царской армии Сергей Каменев) упразднен.

На тройке обсуждается вопрос, что делать со Склянским. Сталин почему-то предлагает послать его в Америку председателем Амторга. Это пост большой. С Америкой дипломатических отношений нет. Там нет ни полпредства, ни торгпредства. Есть Амторг — торговая миссия, которая торгует. На самом деле она заменяет и выполняет функции и полпредства, и торгпредства, и базы для всей подпольной работы Коминтерна и ГПУ. Торговые функции еще тоже важны. Еще недавно, после гражданской войны удалось восстановить совершенно разрушенный железнодорожный транспорт только своевременной закупкой большой партии паро-

возов в Америке, которую произвела специальная торговая миссия, во главе которой стоял будто бы профессор Ломоносов; все эти закупки возможны только благодаря поддержке сильных финансовых еврейских групп, благосклонно относящихся к советской революции. Тут нужно много дипломатии и умения.

Удивляюсь сталинскому предложению не только я. Сталин ненавидит Склянского (который во все время гражданской войны преследовал и цукал Сталина) больше, чем Троцкого. Но и Зиновьев его терпеть не может.

Помню, как несколько раньше на заседании Политбюро, когда речь зашла о Склянском, Зиновьев сделал презрительное лицо и сказал: «Нет ничего комичнее этих местечковых экстернов, которые воображают себя великими полководцами». Удар был нанесен не только по Склянскому, но и по Троцкому. Троцкий вспыхнул, но сдержался, бросил острый взгляд на Зиновьева и промолчал.

Склянский был назначен председателем Амторга и уехал в Америку. Когда скоро после этого пришла телеграмма, что он, прогуливаясь на моторной лодке по озеру, стал жертвой несчастного случая и утонул, то бросилась в глаза чрезвычайная неопределенность обстановки этого несчастного случая: выехал кататься на моторной лодке, долго не возвращался, отправились на розыски, нашли лодку перевернутой, а его утонувшим. Свидетелей несчастного случая не было.

Мы с Мехлисом немедленно отправились к Каннеру и в один голос заявили: «Гриша, это ты утопил Склянского». Каннер защищался слабо: «Ну, конечно, я. Где бы что ни случилось, всегда я». Мы настаивали, Каннер отнекивался. В конце концов я сказал: «Знаешь, мне, как секретарю Политбюро, полагается все знать». На что Каннер ответил: «Ну, есть вещи, которые лучше не знать и секретарю Политбюро». Хотя он, в общем, не сознался (после истории с Южаком все в секретариате Сталина стали гораздо осторожнее), но мы с Мехлисом были твердо уверены, что Склянский утоплен по приказу Сталина и что «несчастный случай» был организован Каннером и Ягодой.

Я знакомлюсь с семейством Свердловых. Это очень интересное семейство. Старик Свердлов уже умер. Он жил в Нижнем Новгороде и был гравером. Он был очень революционно настроен, связан со всякими революционными организациями, и его работа гравера заключалась главным образом в изготовлении фальшивых печатей, при помощи которых революционные подпольщики фабриковали себе подложные документы. Атмосфера в доме была революционная. Но старший сын Зиновий в результате каких-то сложных душевных процессов пришел к глубокому внутреннему кризису, порвал и с революционными кругами, и с семьей, и с иудаизмом. Отец его проклял торжественным еврейским ритуальным проклятием. Его усыновил Максим Горький, и Зиновий стал Зиновием Пешковым. Но, продолжая свой душевный путь, он отошел и от революционного окружения Горького, уехал во Францию и поступил в Иностранный легион для полного разрыва с прошлой жизнью. Когда через некоторое время пришло известие, что он потерял в боях руку, старик Свердлов страшно разволновался: «Какую руку?», и, когда оказалось, что правую, торжеству его не было предела: по формуле еврейского ритуального проклятия, когда отец проклинает сына, тот должен потерять именно правую руку. Зиновий Пешков стал французским гражданином, продолжал служить в армии и дошел до чина полного генерала. От семьи он отрекся полностью. Когда я, приехав во Францию, хотел сообщить ему новости о его двух братьях и сестре, живших в России, он ответил, что это не его семья и что он о них ничего знать не хочет.

Второй брат, Яков, был в партии Ленина, видный член большевистского ЦК. После Октябрьской революции он стал правой рукой Ленина и председателем ВЦИК, то есть формальным главой Советской республики. Главная его работа была организационная и распределительная: он заменял собой то, что в партии потом стало партийным аппаратом и в особенности ее оргаспредом. Но в марте 1919 года он умер от туберкулеза.

Его именем назван миллионный город — столица Урала, Свердловск. Почему-то с приходом к власти Сталина этот город не был переименован, хотя, как мы сейчас увидим, у Сталина были некоторые личные причины не любить Свердлова, а Сталин таких причин никогда не забывает. Может быть, потому Екатеринбург продолжает носить имя Свердлова, что в этом городе была перебита царская семья в июле 1918 года и что доля ответственности за это убийство легла на Якова Свердлова, официального главу Советской власти, который по поручению Ленина, хитро устранившись от формальной ответственности, известил местные уральские большевистские власти, что передает вопрос об участи царской семьи на их решение.

Третий брат, Вениамин Михайлович, не питал склонности к революционной деятельности, предпочел эмигрировать в Америку и стал там собственником небольшого банка. Но когда произошла большевистская революция в России, Яков спешно затребовал брата. Вениамин ликвидировал свой банк и приехал в Петроград. В это время Ленин, еще находившийся в плену идей, гласивших, например, что «каждая кухарка должна уметь управлять государством», применял их к жизни... Как известно, прапорщик Крыленко был назначен в пику буржуазии Главковерхом (Верховным Главнокомандующим), какой-то полуграмотный матросик — директором Государственного банка, а тоже не очень грамотный машинист Емшанов — министром железных дорог (наркомпуть). Бедный Емшанов наделал такой чепухи в своем министерстве и так запутался, что через месяц-два слезно взмолился, чтобы Ленин его от непосильной работы освободил. Тогда Яков Свердлов предложил Ленину на этот пост своего только что прибывшего брата, кстати, некоммуниста. Он был назначен наркомом путей сообщения. Через некоторое время он убедился, что на этом посту ничего не может сделать (потом на этом посту так же неудачно пребывали Троцкий и Дзержинский), и предпочел перейти в члены Президиума ВСНХ. В дальнейшем его карьера медленно, но верно шла вниз. Впрочем, он умудрялся оставаться беспартийным, и по смерти брата можно только удивляться, что она не рухнула сразу. В эти времена (1923—1924—1925 гг.) он был еще членом ВСНХ и заведовал его научно-техническим отделом.

Незадолго перед войной в Московский Художественный театр поступила очень молодая (лет ей было, кажется, семнадцать), но очень талантливая актриса Вера Александровна Делевская. Была она к тому же очень красива.

По недостатку опыта она еще не дошла до крупных ролей, но была абсолютно увлечена Художественным театром, жила им и только им и дышала. А Художественный театр был театром не только Чехова, но и Горького. А вокруг Горького все время вращалась какая-то чрезвычайно революционная публика. Когда кто-то из театральных товарищей попросил неопытную девчонку оказать услугу — прятать какую-то революционную литературу, то ей было и неудобно отказать, да она ничего в этом деле и не смыслила. Сделала она это так неумело, что полиция немедленно все обнаружила; она была арестована и послана в ссылку. Известно, что царская полиция, посылая революционеров в ссылку, обеспечивала их постоянным жалованьем, оплачивавшим их стол, квартиру и прочие расходы; им оставалось ничего не делать и продолжать заниматься революционной деятельностью. Собственно, они жили свободно, но под надзором полиции; надзора почти никакого не было, и было очень легко из ссылки уехать, но тогда приходилось перейти на нелегальное положение, что было связано с некоторыми неудобствами (впрочем, я не совсем понимаю, какими, потому что в случае поимки и нового ареста сбежавшего отправляли обратно в ссылку и без увеличения срока). Но царская полиция простирала так далеко свою заботу о ссыльных, что в ссылке их группировали по партийной принадлежности, меньшевиков отправляли в одно место, большевиков группировали в другом и т. д. Это чрезвычайно помогало сосланным жить дружной партийной жизнью, проводить время в заседаниях и спорах о программе и тактике, писании статей в партийную прессу и их обсуждении и так далее.

В месте, куда была сослана Вера Александровна, были сгруппированы видные большевики (кажется, революционная литература, которую она так любезно прятала, была большевистская), в том числе три члена ЦК: Спандарян, Сталин и Яков Свердлов. И Сталин, и Свердлов увлеклись молодой и красивой артисткой и изо всех сил за ней ухаживали. Вера Александровна без колебаний отвергла мрачного, несимпатичного и некультурного Сталина и предпочла культурного и европейски образованного Свердлова.

По возвращении из ссылки Яков Свердлов вернулся к семье (у него была жена, Клавдия Новгородцева, и сын Андрей) и к своим новым высоким государственным функциям, и Вера Александровна перешла, так сказать, на холостое положение. Но когда ее увидел Вениамин Свердлов, он немедленно ею пленился, и они поженились. Брачный союз их продолжался и во время моего с ними знакомства.

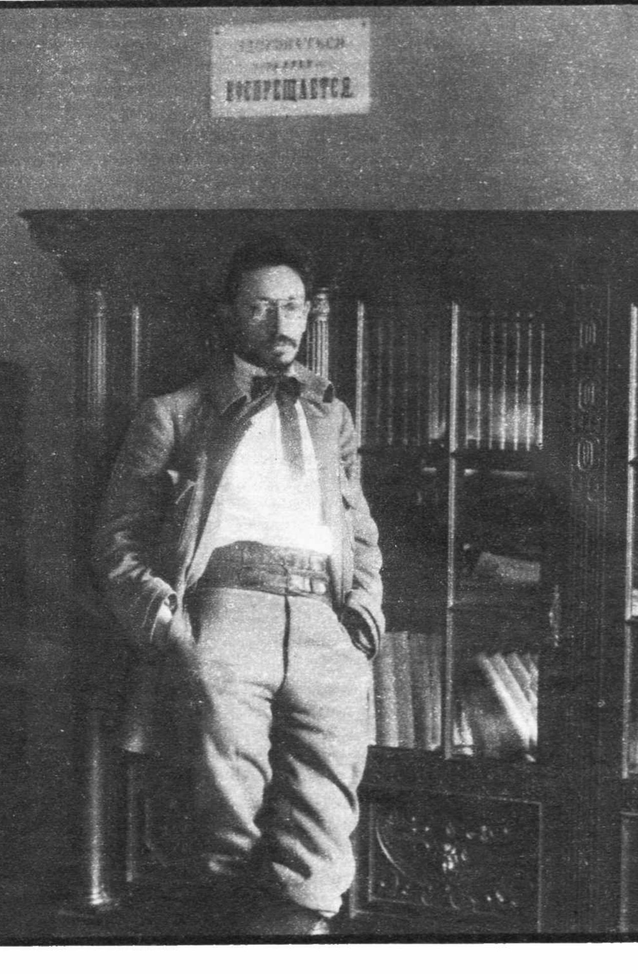
Четвертый брат, Герман Михайлович, был, собственно, им сводным братом: по смерти первой жены старик Свердлов женился на русской Кормильцевой, и Герман был их сыном. Он был много моложе (в 1923 году ему было девятнадцать лет), в революции участия не принимал, был еще комсомольцем, на редкость умным и остроумным мальчишкой. Я был на четыре года старше его. Он очень ко мне привязался, постоянно у меня бывал и был со мной очень дружен. О моей внутренней эволюции (когда я постепенно стал антикоммунистом) он не имел понятия. Впрочем, мы с ним разговаривали обо всем, кроме политики.

У четырех братьев Свердловых была сестра. Она вышла замуж за богатого человека Авербаха, жившего где-то на юге России. У Авербахов были сын и дочь. Сын Леопольд, очень бойкий и нахальный юноша, открыл в себе призвание руководить русской литературой и одно время через группу «напостовцев» осуществлял твердый чекистский контроль в литературных кругах. А опирался он при этом главным образом на родственную связь — его сестра Ида вышла замуж за небезызвестного Генриха Ягоду, руководителя ГПУ.

Ягода в своей карьере тоже немалым был обязан семейству Свердловых. Дело в том, что Ягода был вовсе не фармацевтом, как гласили слухи, которые он о себе распустил, а подмастерьем в граверной мастерской старика Свердлова. Правда, после некоторого периода работы Ягода решил, что пришла пора обосноваться и самому. Он украл весь набор инструментов и с ним сбежал, правильно рассчитывая, что старик Свердлов предпочтет в полицию не обращаться, чтобы не выплыла на свет божий его подпольная деятельность. Но обосноваться на свой счет Ягоде не удалось, и через некоторое время он пришел к Свердлову с повинной головой. Старик его простил и принял на работу. Но через некоторое время Ягода, обнаруживая постоянство идей, снова украл все инструменты и сбежал.

После революции все это забылось, Ягода пленил Иду, племянницу главы государства, и это очень помогло его карьере — он стал вхож в кремлевские круги...

Должен добавить о Свердловых, что Вениамин погиб в 1937 году, Леопольд Авербах был расстрелян в 1938-м, Ягода, как известно, тоже в 1938-м; судьба Веры Александровны мне неизвестна. О Германе я еще скажу.



Я. М. Свердлов в своем кабинете в Кремле в 1919 году (редкий снимок).

Продолжение следует.

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ РЕФЕРЕНДУМ

ОГОНЁК — НАРОДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ. КТО «ЗА»?

«Огоньку» запрещают переход на хозрасчет. Думалось, что с запретами у нас покончено. Ан, нет! Выходит, что принципы «держать и не пущать!» все еще живут и действуют и перестройка их не берет.

Одна из нравственных заповедей гласит: живи на деньги, заработанные честным трудом своим. Но за качественный и профессиональный труд нужно хорошо платить. Один из способов реализации этой заповеди сегодня — хозрасчет. Хозяйствуй сам! Есть талант, способности, профессионализм — делай дело. Что заработал, то твое. Человек вправе продавать результаты своего труда в соответствии со спросом, социальной потребностью и конъюнктурой рынка. Будь то картины, скульптуры, журнальные статьи, станки, машины или дверные ручки. А «нельзя» журналу «Огонек» сначала вызвало недоумение, а затем тревогу: неужто наши радость и надежды на возрождение страны преждевременны и все вернется на круги своя.

С горечью вспомнил недалекое прошлое, когда за справедливую критику кафедры философии, подтвержденную партийными комиссиями, меня все же вынудили уйти из института, и до сих пор двери одесских вузов для меня закрыты.

Но наше время открыло для меня другие пути. Организовал кооператив по постановке и производству трюковых съемок в кино. Казалось бы, есть опыт, за плечами 56 фильмов, есть идеи, не иссякла фантазия, но и здесь по рукам и ногам вяжет «застойный» приказ № 220 Госкино СССР от 25.07.85 года. Этот приказ ввел крепостное право на каскадерский труд, учредив организаторов трюковых съемок — своеобразных надсмотрщиков. Опять один с сошкой, а семеро с ложкой.

Все эти запреты многим: от «Огонька» до кинокаскадеров — вызывают недоверие к власти. Но тем не менее время определило нам: не ждать, а бороться! Перестройка дала нам способы борьбы, мы должны их использовать.

В. ЖАРИКОВ,
кандидат философских наук,
председатель кооператива
«Каскадер»
Одесса

Каждому трезвомыслящему экономисту давно уже очевидно, что переход на реальный, а не бумажный хозрасчет — дело политическое. Ведь речь идет о власти: министерства над предприятиями, колхозной бюрократии над арендаторами, идеологических ведомств над умами людей, в конце концов узкого слоя над многомиллионной массой. Обретя хозяйственную самостоятельность, любой коллектив или отдельный производитель приобретает возможность не только зарабатывать себе на жизнь без всяких искусственных ограничений, но и вполне суверенно принимать решения: что производить, что писать, что издавать... Отпадает необходимость в огромной армии администраторов-надсмотрщиков, «советчиков», «цензоров», получающих, как правило, немалые оклады и еще кое-что поценнее дензнаков.

Но было бы ошибкой объяснять сопротивление «аппарата» давно назревшим кардинальным экономическим и политическим реформам только нежеланием терять власть и сугубо меркантильным личным интересом. Есть и другие причины, которые помогают управлять миллионами людей и ублажать микроскопическими подачками и перспективами светлого будущего. Не поэтому ли у нас через 44 года после окончания войны несколько десятков миллионов человек живут ниже даже советской черты бедности? Не поэтому ли у нас на 72-м году Советской власти существует и развивается карточная система распределения многих продуктов и промтоваров?

На этом общем фоне положение коллектива редакции «Огонька» в миниатюрном виде отражает все те основные проблемы, которые тормозят перестройку в нашем обществе. Но в данном случае ситуация еще более драматичная. Журнал приносит несколько десятков миллионов рублей прибыли в год, и сколько функционеров разных рангов живут за счет этой огромной суммы, сколько скучных, никому не нужных изданий продолжают свое существование благодаря популярности «Огонька»! Ну чем не хрестоматийная, неоднократно на словах осужденная практика, когда министерство обирает эффективно работающие предприятия для того, чтобы удержать на плаву аутсайдеров?

Но не будем забывать и о той значительной идеологической функции, которую вот уже несколько лет выполняет «Огонек». Его ярко выраженная позиция в перестройке как ячмень на глазу у тех, кто не хочет каких-либо действительных перемен. Поэтому, когда отказывают в самостоятельности заводу, можно принимать во внимание какие-то смягчающие обстоятельства — чиновничье недомыслие, перестраховку, но когда не дают перейти на хозрасчет именно «Огоньку», то здесь за частностями просматривается вполне осознанное и с иезуитской изворотливостью осуществляемое желание «не пущать». Это как раз тот случай, когда политика и экономика намертво переплетены.

Думаю, «Огонек» правильно сделал, поделившись своими заботами с миллионами читателей. Возможно, такой шаг поможет преодолеть сопротивление тех, от кого зависит будущее этого журнала. Однако это будет все тот же нажимной путь, давление доведенных до крайней черты людей, как это произошло, например, в Кузбассе. Но разве это нормальный метод решения экономических проблем? Действительная перестройка всех наших общественных отношений еще впереди — об этом еще раз говорит история с переходом «Огонька» на хозрасчет.

Е. ГОНТМАХЕР,
кандидат экономических
наук

Наше экономическое спасение возможно лишь при помощи свободного труда свободных людей, владеющих средствами производства и распределяющих соответственно заработную плату. Государство никогда не разбогатеет, если люди не будут иметь возможность разбогатеть честно, а не мошеннически. Слово «разбогатеть» — при нашем социальном ханжестве — вообще стало синонимом нечестности. Многие люди даже не столько обеспокоены тем, что сами зарабатывают мало, сколько тем, что кто-то зарабатывает много. Это бесперспективная позиция, при которой у черты бедности будет оставаться много наших сограждан. Мы находимся в состоянии экономического двуличия. Нельзя призывать к хозрасчету и в то же время не позволять его. Перестройка при крепостнических отношениях немыслима. Нельзя призывать к развитию кооперации и одновременно душить ее в колыбели, ставя на одну доску спекулянтов и честных предприимчивых людей, которые могли бы поднять уровень экономической свободы и благосостояния народа. Нельзя покончить с книжным голодом, запрещая издательские кооперативы, хозрасчетные журналы. Надо бить тревогу тогда, когда честные люди зарабатывают мало, а не тогда, когда много. Пора кончать с экономическим двуличием, ибо нет ничего страшнее, чем двуличие, ставшее лицом.

Евг. ЕВТУШЕНКО,
народный депутат СССР

Когда речь заходит о переходе какого-то советского издания на хозрасчет, знаю, что разговор пойдет о рекламе, на которую смотрят почему-то как на единственный источник финансовых поступлений в журнал или газету.

Реклама — прежде всего — это путеводитель среди островов изобилия. Чтобы этот путеводитель заработал, нужен рынок изобилия, в лабиринте которого человек может заблудиться. Вот путеводитель-реклама и подсказывает товар более качественный и современный, помогая человеку делать выбор. Но если товара, который рекламируется, нет в продаже, то это вызывает читательское недоумение, а порой и озлобление.

«Огонек» мечтает о хозрасчете — это прекрасно. Ведь хозрасчет — это современный тип ведения производства, когда к исполнению любых, и самых простых, и самых сложных, задач подходят по-хозяйски.

Что является наиболее привлекательным в издательском бизнесе, так это умение завязывать отношения с другими изданиями по трансформации интересных публикаций. На Западе многие издания тесно связаны (и это несмотря на конкуренцию) между собой. Работает система обмена информацией. Ваш Козьма Прутков еще заметил, что невозможно объять необъятное, везде успеть, все увидеть и осмыслить. Вот умение отобрать из всего моря фактов и событий нужную информацию и показывает уровень издания и составляет его коммерческий интерес.

Ваша перестройка привлекает огромное внимание Запада. Почему бы не воспользоваться этим и не организовать своеобразный издательский мост (по типу телевизионных), когда известные публицисты, экономисты, политологи на кооперированных началах работают над совместными выпусками «Огонька» и, допустим, «Лос-Анджелес таймс». Уверен, что это предложение выгодно в финансовом отношении, оно подняло бы популярность обоих изданий на еще большую высоту, увеличило бы тираж.

Экономика сегодняшнего дня вашей страны не видит альтернативного пути переходу на хозрасчетные рельсы. Это правильно, ведь именно при хозрасчете каждый человек начинает чувствовать себя как бы совладельцем издания, подрядчиком собственного заказа. Он начинает думать не только о том, что он должен внести в общую копилку, но и что он может из нее вынуть. А вынуть он из нее может только то, что вложил. И это заставляет его изобретать новые подходы, подталкивает к оригинальным, нестандартным решениям. И если группа таких раскованно мыслящих людей возглавляется еще и настоящим лидером, думающим и о ближней, и о далекой перспективе, то это и будет не придуманный, а реальный хозрасчет.

Феликс РОЗЕН,
вице-президент
советско-американской
фирмы «Комед»

СЛОМАЛИ РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

В пригородном поселке под Киевом Беличи пять лет назад супруги Драченко хоронили сына, которого привезли в цинковом гробу из Афганистана. Спустя три с половиной года им предложили «добровольно» выселиться из собственного дома по адресу: Обуховская, 41. Шесть раз вызывали в суд, двенадцать приходили выселять: побили окна, отключили воду, газ, электричество... А когда супруги и после этого остались в доме, к ним прислали из милиции «15-ти суточников», то есть осужденных за мелкое хулиганство. И тут уже хулиганы с разрешения властей под наблюдением сотрудника милиции ломали и топтали, отобрали и вывезли часть вещей, разорили то, что создавалось всю жизнь.

Люди жаловались куда только могли, но на все жалобы им отвечает начальник УКСа Киевского горисполкома В. Газукин, предлагая: «...явиться для оформления денежной компенсации, имея при себе паспорт, сберегательную книжку, документ на право (!) собственности, справку райфинотдела и Госстраха о расчете за земельную ренту и страховку, справку о расчете за электроэнергию, газ, воду».

Вот такое издевательство...

Слово «частник» у нас почти ругательное. Даже сегодня, в эпоху демократического потепления, ему по привычке придают знак «минус». А частник-то у нас обездолен.

Во всяком случае, тот, кто несет на себе это «клеймо», будучи обладателем собственного дома.

...У нас, как известно, самая низкая в мире квартплата.

Хорошо это или плохо? Для того, кто распределяет квартиры, и его родственников — хорошо, поскольку вся «компания» платит «самую низкую». Ну, а для того, кто в них нуждается,— плохо, поскольку они платить ее не имеют возможности. Не за что. В Киеве, например, как сообщалось в местной прессе, 2600 одиноких людей занимают (каждый) 4-комнатную квартиру, а более восьми тысяч человек, опять же в одиночку, владеют 3-комнатными квартирами. Вместе с тем 200 тысяч семей стоят в городской очереди на получение жилья.

И в это же время в том же Киеве за последние две пятилетки пошло под бульдозер около 10 тысяч частных жилых домов!..

И сегодня по решению Киевского горисполкома здесь планируется уничтожить в ближайшие десять лет еще 6500 частных жилых домов. Предстоит отселить из них больше 18 тысяч семей, которых на деле окажется значительно больше. Тут уже должны бить тревогу не только частники. Ведь для их переселения заберут квартиры, на которые рассчитывают тысячи очередников.

И вот частники, доведенные до последней черты, создали в Киеве свой союз домовладельцев. Движение это началось на традиционной основе уличных и квартальных комитетов при жэках. Сначала они объединились по районам, а затем 11 районов города создали единый координационный центр. Назвали его Городским комитетом домовладельцев.

Сюда стали стекаться факты из районов — один другого тревожнее. Вот уже восемь лет терроризирует жителей Александровской слободы, Батыевой горы, Совок и ряда улиц Зализнычного района ГлавАПУ города. Землю, на которой стоят заселенные десятками семей дома, ГлавАПУ и руководство горисполкома уже раздали под застройку различным ведомствам. По дворам ходят всякие комиссии, описывают и оценивают постройки, сады, одних улещают, другим угрожают.

Люди жалуются — в горком партии, в Верховный Совет республики, лично товарищам В. В. Щербицкому, В. С. Шевченко, Н. И. Рыжкову, М. С. Горбачеву, собирают под письмами по триста — четыреста подписей. Они сообщают, что большинство этих обреченных домов построено в тяжелейшие послевоенные годы, когда по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1948 года инвалидам прошедшей войны, ее участникам и семьям погибших были выделены участки на долговременное (65 лет) или вечное пользование. У некоторых сохранились такие документы. Как же может государство недрогнувшей рукой перечеркивать документы, которые оно в качестве «охранной грамоты» сорок лет назад выдало сотням людей, обездоленных войной? Или снова возвращаются на киевскую землю времена, когда местные руководители могли действовать по простому «проверенному» принципу — мы хозяева своего слова: захотели — дали, захотели — обратно забрали? А как насчет перестройки и человеческого фактора? Тем не менее, когда принималось решение о сносе домов, с хозяевами их не только не советовались — им даже не сообщили об этом. Весть доползала в виде готового, давно принятого решения.

Городской комитет союза домовладельцев задает представителям партийной и Советской власти очень неудобные (если на них отвечать) вопросы. Ну, например, 17 апреля 1986 года Центральным Комитетом партии принято постановление, в котором записано: «...считать недопустимой практику сноса без острой необходимости годного для эксплуатации жилья...».

Но не прошло и месяца после принятия этого постановления, как 12 мая 1986 года ЦК Компартии Украины и Совмин УССР утверждают Генеральный план развития Киева, согласно которому... ВСЕ частные домовладения в городе подлежат сносу уже в ближайшие пятилетки?!.

— Как понимать,— спрашивают домовладельцы,— товарищ Щербицкий, как член Политбюро ЦК КПСС, голосует в Москве за одно решение, а в Киеве, в своей республике, утверждает нечто противоположное?

По принятому у нас обычаю все жалобы домовладельцев неизменно возвращаются в ГлавАПУ, на которое они и жалуются. Какие же пишутся ответы? Вот типичный, подписанный архитектором Зализнычного района А. Грушко:

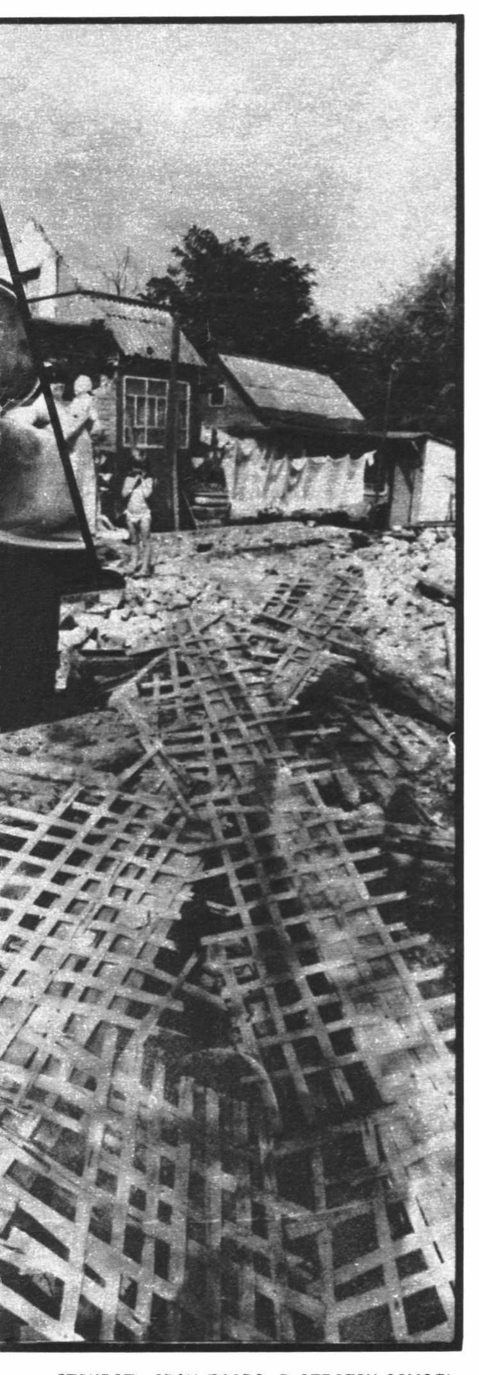
«...в соответствии с Генеральным планом развития Киева район Александровской слободки подлежит реконструкции со сносом малоэтажного жилого фонда... реконструкция частного жилого фонда в Зализнычном районе не предусмотрена в связи с тем, что до 80 процентов частных жилых домов в районе являются ветхими.

Одновременно сообщаем, что вопросы продажи и купли частных домов в компетенции исполкома райсовета».

Подобные ответы на совершенно конкретные жалобы ничего не проясняют, они лишь плодят новые вопросы. Как объяснить человеку, если он, конечно, в своем уме, что «ветхость» здания делает невозможной его реконструкцию? Нормальная логика подсказывает, что нет необходимости реконструировать новый дом. А что, скажем, обозначает клинический термин «реконструкция со сносом»? Хороша реконструкция. Что-то вроде лечения с летальным исходом... Но возмущает не только ахинея подобного рода в подобных ответах. Их авторов несложно поймать и на откровенной лжи. Когда комитет домовладельцев устроил подворный обход подлежащих сносу усадеб, то выяснилось, что ветхих тут не 80 процентов домов, а, скажем, так раза... в три меньше!..

Комитет домовладельцев собрал несколько папок документов и показал их мне. По каждому (!) из одиннадцати районов в них содержится множество фактов несправедливости, откровенной неправды со стороны официальных органов и их конкретных представителей. Это своего рода война без правил, которую ведет командная система против населения.

В последнее время, когда союз домовладельцев стал особенно активно от-



ставивать свои права, в ответах замелькала фраза «с учетом максимального сохранения, по возможности, пригодного индивидуального жилого фонда». Это, мягко говоря, неправда. Неправда настолько, что просто неловко за солидных людей.

Вот передо мною проект решения горисполкома об отведении ГлавУКСу земельного участка для застройки Замковецкого жилого массива. В нем так и говорится: «за счет земель, на которых расположены жилые дома, принадлежащие гражданам на правах личной собственности». Далее перечисляются улицы Белицкая, Глуховская, Зимняя, Брестская и т. д. и т. п. с указанием конкретных номеров домов, подлежащих сносу. Они прописаны ПОДРЯД, без пропусков, 650 домовых номеров в одном списке!

Как это понимать? Неужели очередное неуважение к стабильности советских законов должно демонстрироваться именно так?

Но довольно примеров. Программа «Жилье-2000», в успехе которой и без того многие сомневаются, не может быть выполнена без индивидуального строительства. А чем его поощрить — бесправием домовладельцев? Внушением им мысли, что все будет, как было: захотели — дали, надо будет — отберем и не вздрогнем?!

Пора понять, что зоны одноэтажной застройки в крупных городах столь же ценны, как и заповедные парки.

Если кто-то не в силах содержать частный дом, дайте ему квартиру. Но ставить между усадьбами высотник — это уже объявление войны прилегающим одноэтажным строениям. Освободившиеся участки, если они вкраплены в малоэтажный массив, надо снова предоставлять под частные, не выше двух этажей, домостроения. И предоставлять их желающим из числа тех, кто стоит в квартирной очереди.

...Велик соблазн дать волю эмоциям. Мы слишком долго их сдерживали, потому что «единый строй», «единый план», «общая цифра» несовместимы с отдельными, частными переживаниями. А ведь именно в них человеческая индивидуальность... Поэтому и правовое государство надо начинать строить с того, что человеку всего ближе. Не с его прав на просторах галактики или даже в пределах республики, а хотя бы в собственном доме, в своей квартире. Как можно говорить «хозяин дома», «собственник», если он всего лишь временщик, если даже сумму понесенного им ущерба определяет тот, кто этот ущерб наносит!

...Не хочу, чтобы меня поняли так: вроде бы именно в Киеве засели носители беззакония, фанатичные противники частного домовладения. Увы! Масштабность беды куда внушительнее. Разве иной подход к частнику в Москве? В Харькове? В той же не на всякой карте обозначенной Володарке?.. Кстати, в управлении Генерального плана развития Киева для оправдания практикуемых силовых методов мне показывали аналогичные постановления и распоряжения Моссовета.

Странная, с ног на голову поставленная логика. Немереными гектарами раскидывают свои склады, гаражи и просто мусорники заводы, ведомства и даже организации анонимные, без вывесок. Десятилетиями не застраиваются закрепленные за кем-то площадки. Пустуют яры и неудобья. Тысячами и тысячами раздаются дачные участки на землях, которые уже сегодня намного ближе к центру города, чем некоторые его жилые кварталы. Там строятся дома, которым не хватает только теплотрассы, чтобы стать жилыми и, таким образом, значительно укоротить квартирную очередь. А с другой стороны, если осуществятся уже утвержденные планы, в течение ближайших пятилеток, в городе не останется частных домов. Кроме как на их развалинах, ну... негде возводить новое жилье! Допустим, мы этому поверили. И вот через десяток лет ликвидировали частный сектор, а дальше? Где строить потом? Сносить дачи, которые сегодня десятками тысяч возводим у самой городской черты?

А все наши беды оттого, что административная дубинка гуляет по нашей стране, заменяя правовые нормы, как воровская отмычка заменяет все многообразие хозяйских ключей.

...У моего друга, владеющего половиной дома на Батыевой горе, среди прочих деревьев есть в саду яблоня. Нынче она одна дала больше тридцати ведер отличных яблок — янтарных, пахучих и сладких, как мед... Когда дом будут сносить, за эту яблоню (впрочем, как и за старый орех, и за матерую, дающую полуфунтовые плоды, грушу) ему выплатят компенсацию в размере 10 рублей. «На бутылку»...

Давайте будем строить правовое государство, начиная с собственного дома,— и в переносном смысле, и в самом прямом. А людям, которые собираются выставлять свои кандидатуры на выборах в Верховный Совет республики и местные Советы, придется подумать о таком пункте в предвыборных программах, который определит их отношение к правам человека в собственном доме.

Станислав КАЛИНИЧЕВ
Фото Николая КОЗЛОВСКОГО
Киев.

КРОССВОРД

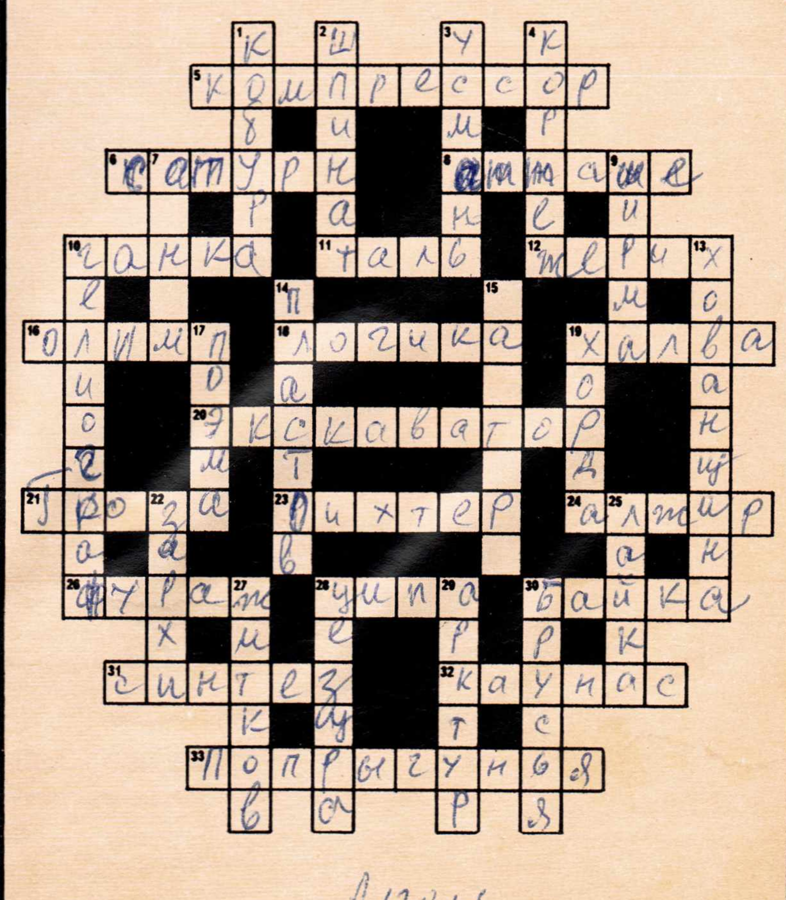
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Устройство для подачи газа под давлением. 6. Планета. 8. Дипломатический ранг. 10. Действующее лицо в опере Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». 11. Экс-чемпион мира по шахматам. 12. Промысловая рыба семейства карповых. 16. Горный массив в Греции. 18. Наука о способах доказательств и опровержений. 19. Кондитерское изделие. 20. Самоходная землеройная машина. 21. Пьеса А. Н. Островского. 23. Пианист, народный артист СССР. 24. Народная демократическая республика в Северной Африке. 26. Корм для сельскохозяйственных животных. 28. Приток Витима. 30. Мягкая, ворсистая ткань. 31. Метод научного исследования. 32. Город в Литве. 33. Рассказ А. П. Чехова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Футляр для пистолета. 2. Огородное овощное растение. 3. Приток реки Воронеж. 4. Торжественное шествие, выезд. 7. Город в Нидерландах. 9. Складная переносная перегородка. 10. Телескоп для фотографирования Солнца. 13. Опера М. П. Мусоргского. 14. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 15. Чешский композитор, автор оперы «Ариадна». 17. Стихотворное лирико-эпическое произведение. 19. Отрезок прямой, соединяющий две точки кривой. 22. Кинорежиссер и сценарист, Герой Социалистического Труда. 25. Охотничья собака. 27. Писатель, один из зачинателей советской детской литературы. 28. Словораздел в стихе. 29. Самая яркая звезда Северного полушария. 30. Гимнастический снаряд.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Лесоводство. 7. Эрбий. 8. Лотос. 10. Дарлинг. 12. Окунь. 13. Феска. 14. Аркалык. 16. Древесина. 19. Курсант. 20. Осень. 21. Липси. 24. Бройлер. 27. Опера. 28. Индий. 29. Транспортир.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Любезнов. 2. Сайда. 3. Веер. 4. Духи. 5. Талги. 6. Оптиметр. 7. Электричество. 9. Смоктуновский. 11. Лобачевский. 14. Атрек. 15. Канат. 17. Орнамент. 18. «Бригадир». 22. Абака. 23. Шрифт. 25. Окас. 26. Лицо.



ОГОНЁК — НАРОДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ. КТО «ПРОТИВ»?

40 коп.
Индекс 70663

Сегодня «Огонек» популярен: его читают от корки до корки, хранят подшивки его номеров, ему верят и с нетерпением ждут. Именно таким же энергичным, хлестким и неугомонным вспоминается своим первым читателям «Огонек» двадцатых — тридцатых годов.

Однако не ради похвалы и красного словца пишу я в журнал. Мне, журналисту и исследователю истории советской печати, далеко не безразлична дальнейшая судьба «Огонька». Неужели это старейшее советское издание, собравшее столько творческих сил, не способно возродить свои старые традиции, подняться в новых условиях хотя бы на одну ступеньку выше, разнообразить свою деятельность, а не замыкаться в привычном треугольнике: журнал — библиотечка — книжное приложение. Разумеется, преодолеть эту скованность непросто, но можно, и, как ни странно, с помощью такого экономического рычага, как хозрасчет. Было же это реально еще тогда, в двадцатых, когда «Огонек» был добровольным объединением, кооперацией свыше полутораста советских издательских единиц.

Вот что писал в докладной записке Экономическому совету РСФСР в 1929 году о работе Акционерного издательского общества «Огонек» председатель правления общества Михаил Кольцов:

«Издательство «Огонек», являющееся в настоящий момент одним из крупнейших в Союзе по своим оборотам и продукции, создалось фактически без всякого вложения государственного капитала...» И заканчивался этот огромный и серьезный доклад такими словами: «Правильная хозяйственная постановка дела ...дает издательству право надеяться на внимательное отношение его к нуждам и жизненным интересам».

О жизненных интересах говорит сохранившийся устав Акционерного издательского общества «Огонек», созданного в 1926 году, для осуществления и развития издательской деятельности, для распространения и экспедиции печатных изданий, снабжения издающихся в СССР периодических изданий литературным, информационным и иллюстрированным материалом как оригинальным, так и стереотипным и циркулярным, а также для организации рекламного дела на территории СССР.

Говоря о нуждах, Михаил Кольцов имел в виду приобретение, аренду, содержание и реконструкцию типолитографий, цинкографий, приобретение авторских прав, организацию книжных складов, контор и отделений во всех населенных пунктах СССР, прием заказов на различные типографские работы, открытие фотоателье и учреждение фотоархивов, содержание бюро клише, прием заказов на рекламы и многое другое.

Удивительно, но это были не планы, перспективы, задумки, разговоры, это была реальность, конкретная, трудоемкая и напряженная работа. Так, Акционерное издательское общество «Огонек» стало прообразом основанного в июле 1931 года Всесоюзного фотоиллюстрационного агентства «Союзфото», объединившего такие функции «Огонька», как выпуск фотоиллюстраций для советской и иностранной прессы, организация отделений в ряде городов СССР и за границей, разветвленная сеть фотокоров и фоторепортеров, создание Всесоюзного центра фотографической агитации и организации — мощного канала продвижения фотоснимков, своеобразной фабрики, изготовлявшей фотографические серии для всевозможных выставок и альбомов, для технической и агрономической пропаганды, фотоплакаты, фотооткрытки и т. д.

Экскурс в историю «Огонька», безусловно, не только интересен, но и полезен. Однако не пропадет ли этот накопленный опыт? Волнуют также еще два вопроса. Есть ли нужды и жизненные интересы у «Огонька» восьмидесятых? Если они есть, то можно ли надеяться на внимательное отношение к ним?

М. БОЧИНИНА,
член Союза журналистов СССР,
кандидат исторических наук

Мнения читателей о путях перестройки журнала, переходе на хозрасчет, превращении издания в подлинно народное предприятие читайте в номере.